Андрей Горбацкий

Христианство

Часть 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс лекций «Христианство. Часть 2» написан на основе читаемых автором в Брестском государственном университете им. А.С. Пушкина курсов лекций по истории и теории религии, христианству и религиоведению. В 2003 г. вышел в свет курс лекций «Введение в историю религии» (переизданный в 2004 и в 2005 годах в качестве учебного пособия, допущенного Министерством образования Республики Беларусь).

Вторая часть курса лекций «Христианство» посвящена истории Русской Православной Церкви. Первая часть курса лекций вышла в 2008 г. в издательстве БрГУ имени А.С. Пушкина.

В книге показаны пути формирования вероучения Русской Православной Церкви. Раскрывается сущность православного культа, как сложного комплекса действий и поведения, включающего обряды, таинства, молитвы, богослужения, праздники и т.д.

Важным является освещение причин принятия христианства на Руси и деятельности первых лидеров Православия.

Особое внимание уделено истории Православия в Беларуси. Кроме того, излагается история митрополий, существовавших в разное время на белорусских землях.

Один из серьезных вопросов, рассматриваемых в курсе лекций, – это отношения государства и Церкви в разные исторические периоды.

Кроме того, в издании описывается история Русской Зарубежной Церкви, освещается деятельность патриарха Тихона, раскрываются причины возникновения и особенности существования Катакомбной Церкви.

В связи с прагматическим характером курса лекций цитирование некоторых работ, используемых в тексте, носит «скрытый» характер, т.е. источники из списка литературы в конце книги приводятся без прямого указания на те или другие страницы. С другой стороны, использование данных материалов предполагает их авторское прочтение, формулировку проблем и отдельных концептуальных выводов с учетом научных открытий и времени.

Устойчивый интерес к углубленному изучению истории Русской Православной Церкви, как, впрочем, и ко всему христианству, свидетельствует о том, что в обществе складывается традиция бережного отношения к прошлому, укоренилось понимание того, что познание прошлого помогает яснее увидеть будущее, поскольку именно древняя история и культура образуют фундамент нравственной и духовной жизни.

А.А. Горбацкий

РАЗДЕЛ 1. ФОРМИРОВАНИЕ И ВЕРОУЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

1.1. Вероучение Православия

В современном языке прилагательным «православный» зачастую обозначается лишь внешняя форма некоего христианского религиозного явления, а словом «ортодоксальный» – его сущность. Термин «ортодоксия» известен со II в. Климент Александрийский (II–III вв.) обозначал им истинную веру и единомыслие всей Церкви в противовес инакомыслию и разногласию еретиков. Название «Православная» укрепилось за Восточной Церковью только после 1054 г., когда Западная Церковь присвоила себе название «католическая». До этого времени именование Церкви Православной было редким явлением в патристической литературе, известны всего два документа: рескрипт Епифания Кипрского конца IV в. и житие преп. Саввы Освященного, датируемое серединой VI в. с таким написанием. Но уже в 842 г. по случаю окончания в пользу иконопочитателей длительной полемики с иконоборцами в Константинополе был составлен так называемый «чин Православия», совершаемый в «неделю Православия» (т.е. в первое воскресенье Великого Поста). Центральным моментом этого богослужения является анафематствование (т.е. публичное заявление о непричастности к православию, но не проклятие) всех, не признающих догматику, отраженную в Никео-Константинопольском Символе веры.

Основу вероисповедания в православии составляет Священное Писание (Библия) и Священное Предание (правила «святых апостол», постановления семи Вселенских и некоторых поместных соборов, писания «мужей апостольских», творения отцов Церкви II–VIII вв.). Священное Предание, формально ограниченное временными рамками эпохи патристики, в действительности пополнялось в более позднюю эпоху новыми фундаментальными богословскими, мистическими и аскетическими творениями Симеона Нового Богослова (ум. 1032 г.), Григория Паламы (ум. 1359 г.), мистиков XIV в. (Николай Кавасила, Григорий Синаит) и многих других.

Важнейшими постулатами православной веры являются догматы: **тринитарные**, например догмат единосушия, догмат личного бытия ипостасей Святой Троицы; **христологические**, касающиеся личности Иисуса Христа; **мариологические**, определяющие статус Божией Матери; **хамартиологические**, содержащие учение о грехе; **сотериологические** и **эсхатологические**, содержащие учение о спасении, Страшном Суде и конце света; **экклесиологические**, раскрывающие учение о Церкви и пр.

Часть этих догматов кратко сформулирована в тексте Никео-Константинополь-ского Символа веры. В его двенадцати тезисах провозглашаются: монотеизм и креационизм (вера в единого Бога, сотворившего мир), исповедание Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого тремя ипостасями (личностями) единосущной Троицы; признание того, что Иисус Христос – Бог Сын, что Он предвечно рожден от Отца, не сотворен, единосущен Отцу, ради спасения людей сошел на землю, воплотился «от Духа Свята и Марии Девы» и вочеловечился. Позднее он был распят, приняв на себя грехи мира, и погребен, но воскрес и вознесся на небеса, однако придет вновь вершить суд над живыми и умершими. Провозглашается также исповедание Духа Святого животворящим, т.е. олицетворяющим творческую и промыслительную силу Божию, и исходящим от Бога Отца. Церковь признается единой, святой, соборной (кафолической) и апостольской, а крещение – таинством, совершаемым единожды «во оставление грехов». Высказывается также надежда на воскресение всех умерших и будущую вечную жизнь.

Тринитарная догматика, принятая православием, была выработана в первые века христианства в ходе богословских споров, в частности с антитринитариями. Каждая из трех ипостасей Св. Троицы, по православному учению, обладает всей полнотой божественных свойств, вытекающей из их единой божественной сущности: всеведением, вездесущностью, всемогуществом, возрождением, творением, святостью, способностью очищения от греха людей, промыслительным действием в мире, совершением чудес, предсказанием будущего и т.д. Однако у каждой из ипостасей Св. Троицы имеются и особые отличительные свойства: Бог Отец не имеет для Себя причины; Бог Сын рожден от Отца «прежде всех век», всегда существовал наравне с Богом Отцом; Бог Дух Святой предвечно исходит от Отца, пребывает в Сыне, ниспосылается в мир как Утешитель от Отца Сыном. Осмысливая иерархические отношения внутри Святой Троицы, православие отвергло субординационизм. Христос подчинен Отцу; **пневматомахизм** (Дух подчинен Двоице: Отцу и Сыну), **модализм** (Отец, Сын и Дух – суть различные имена одной личности) и **патрипассионизм,** утверждавший, что на кресте страдал Отец).

От католической православная догматика отличается отсутствием догматов о главенстве и о непогрешимости папы римского и транитарного догмата *filioque* (об исхождении Духа Святого от Отца и от Сына); признанием только двух мариологических догматов – о приснодевстве Марии и о том, что Мария есть Богородица, и неприятием иных мариологических догматов (о непорочном зачатии Девы Марии и о Ее воскресении и телесном вознесении на небеса); иной трактовкой хамартиологических, экклесиологических и прочих догматов, отрицанием

существования чистилища и сокровищницы сверхдолжных заслуг. Если католическая хамартиология исходит из посылки о дуализме души и тела, повествуя о том, что после грехопадения Адам и Ева вернулись в свое натуральное состояние, лишившись особенной благодати Божией, предотвращавшей противоборство телесного и духовного начал у перволюдей в период их райского блаженства, то православная хамартиология учит изначальной (натуральной) гармонии духовного и телесного в человеке, нарушенной грехопадением, приведшим к искажению человеческой природы, восстановить которую и был призван Богочеловек Иисус Христос. В отличие от дохалкидонитов (т.е. монофизитских церквей, отколовшихся от еще неразделенного христианства около или после 451 г.: Армянской, Коптской, Яковитской, Эфиопской) православные принимают так называемую «богатую» христологию и признают Иисуса Христа единой личностью, но обладающей двумя (божественной и человеческой) природами и волями. Они действуют «неслиянно», т.е. не образуя одну новую смешанную природу богочеловека, отличную и от божественной, и от человеческой; «нераздельно, т.е. не образуя двух разных лиц; «неизменно», т.е. и божественные, и человеческие природа, воля и действие не претерпевают в единой личности никаких трансформаций; «неразлучно», т.е. божественное и человеческое в Иисусе Христе навечно соединены с момента его непорочного зачатия. Тем самым в православии отвергается монофизитство (учение об одной природе богочеловека), монофелитство (учение об одной воле), моноэнергетизм (учение об одном действии) и адопционизм (признание в Иисусе человека, усыновленного Творцом).

В учении о душе (анималогии) православие стоит на позиции креацианимизма (от лат. *creation* – творение и *anima* – душа), признавая, что каждая душа индивидуально творится Богом, и не допускает идеи «отпочкования» души ребенка от родительских (так называемый традуцизм, от лат. *traduco* – «перемещать», концепция, к которой были склонны Тертуллиан и М. Лютер).

Православную аскетику, по свидетельству ее апологетов, отличают от католической суровость и трезвенность, критическое отношение к практике визионерства и экстатических состояний, отсутствие мистического эротизма, свойственного, например, духовному опыту Катарины Сиенской (XIV в.), Терезы Авильской (XVI в.), откровениям блаженной Анджелы (XIII–XIV вв.) и медитативной мечтательности, обнаруживаемой у Франциска Ассизского (XIII в.), Игнатия Лойолы (XVI в.). Важную роль в православии играет **концепция синергии** – сотрудничества человека и Бога в «домостроительстве спасения», а также **традиция исихазма** – аскетического священнобезмолвия, наиболее полно

отразившаяся в творчестве Григория Паламы. В православии сохраняется институт монашества, среди культов особенное развитие получили культы Богоматери, святых, реликвий и икон. Основными обрядовыми различиями православия и католицизма являются: у православных – более длительное богослужение, употребление древней (расширенной) редакции текстов литургий святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, крещение погружением, отсутствие практики конфирмации, совершение евхаристии на квасном хлебе, причастие под двумя видами для клириков и мирян, строгость постов и соблюдение четырех многодневных постов в году. В некоторых православных поместных церквях годовой цикл богослужений продолжает определяться по юлианскому календарю.

1.2. Православный культ

Православный культ – сложный комплекс действий и поведения, включающий обряды, таинства, молитвы, богослужения, праздники и пр.

Православные религиозные обряды представляют собой символические коллективные действия и священнодействия, отражающие христианские идеи и представления об объекте, на который они направлены. В силу своего консерватизма и догматизма, неизменности на протяжении многих лет православная обрядность оказалась способна выполнять ряд функций, к примеру культуроохранительную и культуротранслирующую. Семантика слов «обряд», «обряжать» в русском языке достаточно богата: хозяйство, порядок, обиход, готовность, распорядок, быть готовым, ухаживать, заботиться, хозяйничать, опрятно/нарядно одеваться. Для православия оказываются важны такие характеристики обряда, как его подготовленность, порядок и красота, что прослеживается в семантике слова, причем следует отметить как синхронный (гармоничное, красивое размещение в пространстве), так и диахронный (последовательность во времени, ритмичность) аспекты порядка, обряда. Православные обряды являются неотъемлемой частью православного христианского культа. Важнейшие из обрядов носят название таинств.

Таинство (лат. *sacramentum*) – изначально: всякая сокровенная мысль, вещь или действие; в дальнейшем: богоучрежденные священные действия, в которых под видимым образом сообщается верующим невидимая благодать Божия. Необходимыми признаками таинства считаются богоучрежденность, благодатность и наглядность образа совершения. В отличие от обрядов (освящения воды, погребения умерших, других треб), которые имеют церковное происхождение, таинства в православии

являются установленными самим Иисусом Христом и призваны изменить не внешнюю, а внутреннюю жизнь человека. Православие признает с XII–XIII вв. **семь таинств**: крещение, миропомазание, причащение, покаяние, священство, брак, елеосвящение (соборование), из них три неповторяемые (крещение, миропомазание и священство), а остальные повторяемые. Из неповторяемых обязательными являются два первых, а из повторяемых – причащение, покаяние и елеосвящение. Брак и священство считаются необязательными. Мыслится, что каждое таинство сообщает человеку особый дар благодати: прощение грехов, возрождение к жизни во Христе, исцеление недугов.

Перечень таинств православной Церкви открывает таинство **крещения.** Оно первое не только потому, что только после крещения человек становится полноправным членом Церкви, но и потому, что оно было первым таинством, провозглашенным Иисусом Христом. В 365 г. на Вселенском соборе в Никее крещение было признано важнейшим из таинств. Согласно Новому Завету, Христос сам принял «крещение покаяния для прощения грехов» (Лук. 3:3) в водах Иордана от Иоанна Крестителя. Это крещение (от греч. *βάπτισŋ*– погружение) имело определенное сходство с ежедневными ритуальными омовениями членов иудейской религиозной группы ессеев. Перед своим вознесением на небо Христос призвал учеников: «...Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19; Мк. 16:16). Согласно «Учению двенадцати апостолов», древнейшему памятнику церковной письменности (ок. II в.), крещение должно совершаться в воде «во имя Отца и Сына и Святого Духа». При этом происходит очищение человека от зла, от всех грехов и его телесное и духовное преображение. Крещение для христианина – это символ будущего Воскресения, символ вечной жизни. Во всех языках, кроме русского, для обозначения этого таинства используются слова с корнем *baptism* – погружение в воду, омовение (поэтому помещения для крещения называются баптистериями). Крещением оно стало называться потому, что после троекратного погружения человека в купель священник надевает на крещаемого крест. Довольно рано в христианской Церкви утвердилась практика крещения младенцев, взрослых же крестили лишь после оглашения (катехизации). Оглашение длилось довольно долго, иногда до двух лет. За это время человек должен был изучить основы христианского вероучения и показать себя достойным членом общины.

За многие столетия обряд крещения, во время которого осуществляются два таинства: крещения и миропомазания, не претерпел особых изменений. Священник ставит крещающегося лицом к востоку и произносит молитвы, отгоняющие дьявола. Затем крещаемый

поворачивается на запад и отрекается от сатаны и всех дел его. Священник кадит купель с тремя зажженными свечами, затем передает свечи восприемникам (крестным родителям) и освящает воду и елей. После того как на лбу, ушах, руках, ногах и груди крещаемого священник елеем изображает знак креста, тот троекратно погружается в купель и облачается в белые одежды, что символизирует обретенную чистоту и духовное рождение. Во время крещения человек получает имя святого. Крестившись, он становится тезоименен святому, «воображается» в него, становится гражданином «Града Божьего» – Небесного Иерусалима. После монашеского пострига имя также обычно меняется, это происходит и после принятия схимы.

Таинство **миропомазания** православные принимают сразу после таинства крещения (в католической Церкви миропомазание принимают только взрослые люди). Отдельно от таинства крещения оно совершается при помазании царей на царство, а также при переходе в православие представителей других христианских конфессий, которые были крещены, но не были миропомазаны. Внешняя сторона таинства состоит в том, что человек помазуется миром, которое символизирует «Печать дара Духа Святаго». Суть таинства в том, что человек получает не просто дары Духа Святого – на него снисходит сам Дух Святой. Христиане верят, что, принимая это таинство, верующий усыновляется самим Христом.

Миро, которое используется в таинстве миропомазания и при освящении храма, представляет собой состав из благовонных веществ. В него входит 31 компонент: оливковое масло, белое виноградное вино, три вида ладанов, лепестки роз, базилик, различные корни (имбирный, фиалковый, калганный, кардамонный), масла (мускатное, бергамотовое, гвоздичное, розовое, коричное, фиалковое, лимонное, майоранное) и множество других ароматических веществ. Освящать миро могут только преемники святых апостолов – православные епископы.

Таинство **покаяния** существовало уже в древней Церкви, но первоначально оно было публичным. И лишь позже появляется практика тайного покаяния. От процедуры публичного покаяния Церковь отказалась не только из-за ее сложности, но и в связи с тем, что оглашение некоторых грехов могло послужить к соблазнению верующих. Таинство покаяния призвано очистить верующего от совершенных им после крещения грехов и дать силы продолжить подвиг земной христианской жизни. Видимой частью таинства покаяния является обряд исповеди. Исповедь и покаяние занимают важнейшее место в христианской культуре. **Исповедь** – откровенный диалог человека и Бога. Исповедуя свои грехи перед священником, христианин получает от него прощение и таинственным образом разрешается от грехов самим Богом. Принимать исповедь может

только епископ или священник, право прощать грехи они получают через таинство священства от самого Иисуса Христа. Священник обязан хранить тайну исповеди; за огласку исповеданных ему грехов он лишается сана. Согласно догматам Православной Церкви, покаяние – это не просто раскаяние в содеянном, а возрождение и обновление человеческой души.

Таинство покаяния совершается следующим образом. Перед иконой Иисуса Христа или перед Святым Крестом, которые являются образом Бога, священник читает молитвы о кающихся для всех пришедших в храм на исповедь. Затем перед священником кающийся перечисляет свои согрешения, после чего священнослужитель возлагает ему на голову епитрахиль и читает молитву, в которой испрашивает у Бога прощение. В заключение обряда священник совершает над головой кающегося крестное знамение, а затем дает целовать крест. Основываясь на словах Христа: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20: 22–23), священник может отпускать грехи не сразу после их исповедания, а лишь после того, как кающийся исполнит особое послушание – епитимью. Епитимья (от греч. *ἐπιτιμία* – наказание) – это добровольное исполнение исповедующимся тех или иных богоугодных дел (молитвы, милостыни, посты, паломничества и др.). В христианской традиции особо подчеркивается, что епитимья является не наказанием, а «духовным врачеванием».

Причащение, или евхаристия (от греч. *ευχαριστία* – благодарение), – одно из важнейших христианских таинств, которое совершается во время главного богослужения – литургии. Тема евхаристии неоднократно встречается в Новом Завете; так, на проповеди в синагоге Капернаума Христос произнес такие слова: «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие» (Ин. 6:53–54). Это означает, что, причащаясь, христианин становится частью единого мистического тела Христова, т.е. Церкви. Иоанн Златоуст уточнял: «Чтобы не любовию только, но и самим делом быть нам членами Плоти Христовой, будем соединяться с этой Плотью. А это бывает через пищу, которую Христос даровал, чтобы выразить Свою великую любовь к нам. Для этого Он смесил Самого Себя с нами и растворил Тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это есть знак самой сильной любви... Чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами Плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание». Евхаристию часто сравнивают с Тайной вечерей, на которой Христос сам причащал апостолов. Пресуществление (превращение) святых даров в «истинное

Тело и Кровь Христовы» происходит в завершающей части литургии, после чего ими причащаются верующие. Православная Церковь приобщает верующих Святым Тайнам под двумя видами – хлебом и вином (только младенцы причащаются под одним видом – вином).

Обряд причащения происходит следующим образом. Священник выносит Святые Дары в чаше из алтаря, причащающиеся подходят к нему, крестообразно сложив на груди руки в знак благоговения, и называют свое крестное имя. Священник при помощи лжицы (ложечки) подает каждому подходящему частицу Тела и Крови Христа (пресуществленные хлеб и вино). Помогающий ему диакон отирает рот причастника платом, чтобы части Святых Даров не упали на землю. Причастившийся целует чашу и в притворе храма запивает причастие «теплотой» (вином, разбавленным теплой водой). «Теплота» символизирует кровь и воду, которые излились из тела Христа. В воспоминание братских трапез апостольских времен всем причастникам раздаются частицы просфоры. Брать плату за совершение этого таинства запрещено 23-м правилом Шестого Вселенского собора. Целью таинства причащения, как и других таинств, является преображение не только души, но и тела человека. Таинство евхаристии – исходный пункт христианского учения об «обоженной», преображенной человеческой плоти.

Следующие два таинства – таинство **священства** и таинство **брака –** являются необязательными для христианина, он выбирает их по собственной воле и по благословению Церкви.

Таинство **священства** продолжает служение Иисуса Христа в мире. Согласно христианским представлениям, священники действуют властью и силой Духа Божьего, который ниспосылается им через Иисуса Христа (Ин. 20:22), и эту благодать они получают в таинстве священства. В «Деяниях апостолов» рассказывается, что первыми таинство священства приняли апостолы, когда в день Пятидесятницы на них сошел Святой Дух (Деян. 1:8; 2:1–4), и этот дар передается из поколения в поколение. Таинство священства совершается через епископское рукоположение (хиротонию) при возведении кого-либо в сан священнослужителя. Право совершения этого таинства принадлежит только епископу. Таинство священства, раз совершенное, не повторяется в той же степени, поскольку считается, что полученная благодать остается неизменной. Так, ни диакон, ни пресвитер не рукополагаются заново, а просто посвящаются в более высокий сан.

Шестое из таинств – таинство **брака**. Учредителем этого таинства также считается Иисус Христос, благословивший союз супругов на свадебном пире в Канне Галилейской. Христианская Церковь никогда не порицала брак, подобное отношение скорее было характерно для сектантов

(скопцы, богомилы и др.). Скопцы считали, что Адам и Ева были изгнаны из рая из-за брачной жизни и продолжение человеческого рода не зависит от плотского союза. Христианство утверждает иное. В IX книге Апостольских Постановлений сказано: «...Ибо ни законное совокупление, ни роды, ни течение кровей... не могут осквернить человека или отлучить от него Духа Святаго, но одно нечестие и беззаконие и несправедливость к ближнему». Заповедь «Плодитесь и размножайтесь» относится к человеку в той же мере, как и к другим живым существам (Быт. 1:22, 28), но только человеку заповедано составить в любви «одну плоть» (Быт. 2:24). Супружеская верность и «согнездная любовь» – характерная черта многих древнерусских житий. О чистоте супружеских отношений рассказывает «Житие Дмитрия Донского». Автор жития пишет, что князь «поживе лет с своею княгинею Овдотьею лет 22 в целомудрии, и прижит сыны и дщери и въспита в благочестии».

В древней Церкви форма таинства сводилась к тому, что брачующиеся вместе причащались. Только в IV в. возникает обряд венчания, а в X в. формируются строгие правила его совершения. Совершению таинства брака (как и таинства крещения) должно предшествовать церковное оглашение (помолвка). Само таинство брака всегда происходит в Церкви после литургии в присутствии свидетелей. Чин заключения брака состоит из двух частей: обручения и венчания. Во время обряда обручения на аналое посреди храма священник возлагает Крест и Евангелие, символизирующие незримое присутствие Бога посреди собравшихся. Благословленным невесте и жениху вручаются горящие свечи – символы духовного горения, они обмениваются кольцами, после чего им на головы надеваются венцы и происходит обряд венчания. Венчание второй и третий раз допускается, как правило, после епитимьи, но венчающимся второй или третий раз венцы на головы не возлагаются и они не держат зажженных свечей.

Последнее таинство, таинство **елеосвящения**, или соборования, как правило, совершается над человеком в конце жизни или в случае смертельной угрозы. В его основе лежит вера Церкви в исцеляющую силу Христа. Елеосвящение, как и другие таинства, установлено в Новом Завете (Мк. 6:13 и Иак. 5:14,15). В этом таинстве при помазании елеем (освященным оливковым маслом) больным или умирающим дается благодать, исцеляющая их душевные и телесные болезни. «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему», – говорится в Послании апостола Иакова. Перед началом таинства человек исповедуется, а также причащается (причащение может происходить до

или после начала елеосвящения). Исполнение таинства предусматривает собор – собрание верующих. По полному чину его должны совершать семеро священников (по числу даров Святого Духа), но возможно совершение и одним священником, который произносит молитвы от имени собора. Перед началом таинства на стол ставится блюдо с пшеницей (древний символ воскрешения), на него – сосуд с елеем (символизирует милость Божию), в который вливается вино (символ крови Христовой). Рядом ставят кисти для помазания и зажигают семь свечей по числу священников, а также, как писал Симеон Солунский, «в знак того, что посредством святого елея совершается как бы божественное освящение и что Богу возносится всеплодие и чистая жертва». Вино, смешанное с елеем, символизирует также исцеление человека добрым самарянином из притчи, рассказанной Христом. Самарянин излечил умирающего, «возливая масло и вино» (Лк. 10:34). После молебна священник помазывает лоб, ноздри, щеки, уста и обе стороны кистей рук соборуемого. После седьмого помазания священник возлагает на голову больного раскрытое Евангелие, что означает руку самого Спасителя, исцеляющего недужных.

Присутствие этого таинства среди таинств православной Церкви очень значимо. Оно говорит о том, что христианская Церковь всегда заботилась не только о духовном, но и о физическом здоровье своих членов. В допетровский период на Руси лечением людей занимались обычно монахи. Светские врачи, получившие образование в западных университетах, лечили только царей и их приближенных. В монастырях же выращивали лекарственные травы, строили специальные лечебные корпуса, переводили и составляли медицинские сборники. Древнейший из известных нам сборников – это составленный в Кирилло-Белозерском монастыре трактат «Галиново на Ипократа». Следуя традициям школы Гиппократа, монастырские врачеватели видели свои задачи в том, чтобы лечить человека естественным путем. В лечебниках врач так и называется – «естеству служитель», а «врачевство есть художество, мера здравствующих, исцелитель болящим». «Художество» тогда воспринималось как особое мастерство, а мастер уподоблялся Творцу. Возможно, в связи с такой трактовкой врачевания, как «художества», оно было в России исключительно делом духовных лиц вплоть до начала XVIII в. Значительное влияние на развитие медицины русского Севера оказал «Лечебник» архиепископа Холмогорского и Вяжеского Афанасия Холмогорского («Реестр из дохтурских наук, сочиненный преосвященным к Богу его милости Киръ Афанасием Архиепископом Холмогорским и Важеским, которыя суть к человеческим немощем прилично держать лекарство») – собрание рецептов приготовления лекарств. Его отличает

блестящее знание врачебного искусства, средневековый же характер произведения выдает лишь отсутствие системы изложения. Конечно, лечением занимались также знахари и колдуны, и, очевидно, именно они пользовали значительную часть сельского населения, однако их врачебная практика, связанная с применением заговоров, была незаконной.

Итак, целью таинств является преображение духа и плоти, «обожение» человека. В результате этого преображения душа и тело «воссоединяются» с благодатью, которая до грехопадения была «составной частью» созданного Богом человека. Становясь «триипостасным» телом, душой и Богом, человек восстанавливается в своей первоначальной полноте. Но, чтобы достичь этого, жизнь всякого человека, согласно христианским представлениям, подлежит освящению, и все важнейшие моменты жизни христианина сопровождаются особыми церковными молитвами и обрядами. Так, для благословения людей и окружающих их предметов, не только культовых, но и любых других: сетей, колесниц, кораблей, домов и пр. –освящают воду. Специальные молитвы и церковные обряды совершались и совершаются в случае стихийных бедствий, неурожаев, эпидемий. Церковь всегда освящала и первую борозду, и собранные плоды. После окончания Великого поста благословляются в пищу мясо, сыр, творог и яйца.

Христианство, как и большинство других религий, заботится не только о живых, но и о тех, кто подступает к порогу смерти или уже перешел его. Смерть для христианина – это лишь тончайшая граница между бытием и «пакибытием». Крестившиеся и уверовавшие причастны вечности, и смерти для них нет. Поэтому и смерть – лишь временное разлучение души и тела. Христианин верит, что после Страшного суда душа и тело вновь обретут друг друга, и настанет новая жизнь под новым небом. Смерть, согласно христианским представлениям, появилась в результате первородного греха. Спасение от смерти и вечная жизнь также стали возможны благодаря смерти, главной смерти в христианской истории человечества – крестной смерти Христа. Смерть на Голгофе, которая, по преданию, была местом захоронения Адама, а то и вовсе насыпью над его огромным черепом (что отражено в иконографии «Распятия», где у подножия креста изображается череп Адама), избавила человечество от смерти, дав ему истинную вечную жизнь после смерти. И, для того чтобы человек преодолел все преграды на пути грядущего воскрешения, Церковь молится о его спасении после смерти. При погребении христианина обязательно совершается отпевание. К народным обычаям, в частности к традиции оплакивания умершего, Церковь всегда относилась сдержанно, проводя границу между христианскими и народными элементами похоронной обрядности.

Сразу после смерти христианина начинают служить заупокойные службы – **панихиды.** Особенно усердно молятся в течение первых сорока дней после смерти, во время которых душа окончательно разлучается с земной жизнью и предстает на суд Божий. В течение этих дней умерший именуется новопреставленным. Особое значение имеют: третий день (в воспоминание о трехдневном пребывании во гробе Христа Спасителя); девятый (по числу ангельских «чинов») и сороковой (в память Вознесения Господня через сорок дней после Воскрешения). Согласно народным религиозным представлениям, первые два дня душа еще находится на земле, и, проходя вместе с ангелом по дорогим местам, она радуется и сокрушается, а на третий день предстает перед Богом. Затем ангел отводит душу в рай, где она пребывает шесть дней и вновь предстает перед Богом, чтобы на десятый день отправиться в ад и до сорокового дня созерцать муки грешников.

На сороковой день душа в третий раз возносится на поклонение Богу, и тогда решается ее участь – по земным делам ей назначается место пребывания до Страшного суда. Встречались и иные, дополняющие (но не исключающие) толкования.

Древнерусская традиция объясняла символику «третий», «девятин» и «сороковин» по-другому. Вот что писалось в древнерусских синодиках («Синодик Холмогорской епархии»): на третий день («тройка» – символ жизни, движения, развития) после зачатия «живописуется сердце», и на третий день после кончины тело изменяется; в девятый день после зачатия (здесь «девятка» знаменует завершение троичного цикла) выстраиваются основные телесные структуры – «составляется плоть», после смерти в этот день разрушается все, кроме сердца. В сороковой день («сорок» – символ готовности к новой жизни) у младенца полностью складывается облик: «весь совершен вид воображается», а у умершего происходит полное телесное разрушение: «четыредесятины же творим... и то сердце тогда погибает». Сердце появляется и исчезает последним, поскольку оно обеспечивает телесно-духовные связи организма.

Ежегодно отмечается день смерти покойного. Поминовению умерших посвящены определенные дни года и один день недели – суббота. Каждую субботу, если нет праздника, может совершаться заупокойное богослужение. Кроме того, несколько раз в год совершаются вселенские панихиды (родительские субботы). Мясопустная суббота – первая вселенская родительская суббота – отмечается на Мясопустной седмице. Этот день Церковь посвящает поминовению всех усопших от Адама до наших дней, что отражено в названии заупокойной службы: «Память совершаемая всех от века усопших православных христиан, отец и братии наших». Во вторую, третью и четвертую субботы Великого поста Церковь

молит о «вольных и невольных прегрешениях верою преставившихся человек и вечном их упокоении со святыми». Из панихид, которые не относятся к вселенским, но тщательно соблюдаются, одна совершается после праздника Пасхи, во вторник Фоминой недели. Это Радоница. В этот день живые хотят разделить с умершими близкими радость пасхального празднества. Димитриевская суббота (отмечается перед 26 октября по старому стилю) чаще всего воспринимается как день памяти умерших родителей, но есть в этом поминовении и другой смысл: установленная после Куликовской битвы, она напоминает и обо всех пострадавших за православную веру. 11 сентября, в день памяти усекновения главы Иоанна Крестителя, Церковь поминает воинов, погибших подобно Иоанну Крестителю – за истину.

Умершие, как и живые, упоминаются не только в церковных, но и в частных молитвах верующих. Молитва – это не просто просьба, хотя зачастую она может быть понята только так – люди взывают о чуде, прося, например, об удачном завершении дела или выздоровлении больного. Молитва – это способ концентрации верующего на единственной цели – воссоединении с Богом. Феофан Затворник писал: «Молитва есть первое дело в нравственно-религиозной жизни. Корень этой жизни составляет сознательно-свободное отношение к Богу... поприще же, где раскрывается это отношение, есть молитва. Каково наше отношение к Богу, такова и молитва; какова молитва, таково и отношение наше к Богу».

Православные праздники – торжественные дни, посвященные празднованию священных событий и особо чтимых святых.

Общехристианские праздники возникли в первые века христианства, задолго до схизм XI и XVI вв., что обусловило широту и степень их распространения. К ним в первую очередь относятся Рождество Христово и Пасха.

Праздник Рождества Христова установлен в память евангельского события рождения Иисуса от Марии в пещере близ Вифлеема, во времена правления Ирода (Мф. 1:18–25; 2:1–12; Лк. 2:1–20). Он не был распространен в I и II вв. Среди христиан не было и единодушного мнения о дате этого события (разброс дат был очень велик: 25–28 марта, 6–10 января, 20 мая и пр.), поскольку более значимым праздником считалась Пасха, подобно тому как не отмечались дни рождения христианских мучеников. Вместо этого днями их памяти считались дни их обращения (крещения в христианство и/или кончины), именовавшиеся Natalitia – «родины» (в знак их рождения в новую жизнь). Климент Александрийский (ум. до 216 г.) в «Строматах» (I, 21) свидетельствует о том, что первыми праздник Рождества Божественного Логоса дополнили отдельным праздником Крещения гностики, последователи Василида. Именно

нововведения гностиков, по мнению некоторых православных эортологов (эортология (от греч. *ἑορτή* – праздник) – «праздниковедение», раздел литургики, занимающийся вопросами истории и теории христианских праздников), послужили причиной возникновения аналогичного христианского праздника. Праздник Рождества Христова изначально отмечался на христианском Востоке 6 января (по юлианскому календарю) и назывался «Богоявление», а на Западе – 25 декабря и назывался Natalis. Некоторыми литургистами высказывается предположение, что перенос Римской Церковью праздника Natalis с 6 января на 25 декабря был связан с необходимостью замещения радостного языческого праздника ожидания весны и солнцеворота dies Invicti (дня «Непобедимого Солнца», следовавшего сразу за мрачным праздником Сатурна 18–23 декабря). Только с IV в. (но не позднее 354 г.) вся Церковь стала праздновать Рождество Христово 25 декабря, отдельно от Крещения (или Богоявления) Господня (6–7 января), связывая дату с необходимостью учета точного срока протекания девятимесячной беременности (отсчет ведется с даты Благовещения – 25 марта), а не с вытеснением христианством культа Митры. Древний обычай совмещения праздников Рождества Христова и Крещения в один, бытовавший в некоторых христианских общинах Палестины и Египта в IV–VI вв., сохранился поныне в Армянской апостольской Церкви. Празднику Рождества Христова в православии предшествует строгий 40-дневный пост, а в католицизме и протестантизме – 4-недельный адвент (от лат. *adventus* – приход).

Праздник Пасхи установлен в честь Воскресения Иисуса Христа из мертвых. Ветхозаветная пасха совершалась в память освобождения иудеев из египетского плена (Исх. 12:11). Песах (от др.-евр. *pesach*) – «прошел мимо», «пощада», так как «ангел смерти» прошел мимо домов, косяки дверей которых были помазаны кровью жертвенного агнца. По евангелисту Иоанну (гл. 18 и 19), Иисус с апостолами совершил Тайную Вечерю в четверг (13 нисана), умер на кресте в пятницу (14 нисана), а воскрес на второй день еврейской пасхи, когда в храм приносился первый сноп нового урожая (Лев. 2:10). Поэтому во II в. существовало два праздника Пасхи: *pascha crucificationis* – в память смерти Спасителя и *pascha resurrectionis* – в честь воскресения и выведения душ умерших из шеола (ада). Причем иногда грекоязычические богословы связывали слово «пасха» с древнегреческим глаголом *pa/sxw* («пасхо») – страдать. В современном православном богослужении «Пасхе крестной» соответствует служба Страстной пятницы, а «Пасхе воскресения» – собственно Пасхальная полунощница и последующие за ней службы. С V в. Пасха Христова становится единым праздником, которому предшествует строгий (в православии семинедельный Великий) пост. Для исчисления точных дат

ежегодного празднования Пасхи созданы специальное таблицы пасхалии, соответствующие постановлениям Никейского Вселенского собора 325 г.

Православные праздники признаются одной, несколькими или всеми православными церквами. Их можно классифицировать по нескольким признакам.

1. **Двунадесятые** – двенадцать главных (после Пасхи) праздников: Рождество Пресвятой Богородицы, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Сретение, Крещение Господне (Богоявление), Преображение, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение, Пятидесятница (День Святой Троицы), Успение Божией Матери и Воздвижение Креста Господня. **Великие** праздники – к ним относятся двунадесятые праздники, а также Покров Пресвятой Богородицы, Обрезание Господне, Рождество Иоанна Крестителя, праздник святых апостолов Петра и Павла и Усекновение главы Иоанна Крестителя. **Средние** (некоторые с всенощным бдением, но большинство – с полиелеем) и малые, а также на подвижные и неподвижные. К средним праздникам еще относятся храмовые, или престольные. Кроме того, условно все христианские праздники можно разделить на общехристианские, которые признаются дохалкидонскими, православными, католической и некоторыми протестантскими (например, евангелическими) церквами, и частноконфессиональные, характерные лишь для одного из четырех основных христианских течений.

2. По времени проведения: подвижные, переходящие (зависят от пасхалий: неделя сыропустная – последний день Масленицы, Прощеное воскресенье; неделя ваий – т.е. «ветвей», иначе Вербное воскресенье – Вход Господень в Иерусалим; Пасха; Преполовение Пятидесятницы; Вознесение Господне; День Святой Троицы, или Пятидесятница; Духов день и др.); неподвижные, непереходящие (с неизменной датой проведения).

3. По степени распространенности: общеправославные (признаются всеми Православными Церквами, составляющими единое Вселенское Православие); общецерковные (характерные для какой-либо одной Православной Церкви); местные (епархиальные), монастырские, храмовые (например, некоторые престольные). Можно, видимо, говорить и о частных (например, день тезоименитства).

4. По объекту прославления: Господни (в память важнейших событий жизни Иисуса Христа, прославления Животворящего Креста, обретения Нерукотворного образа (убруса) Иисуса и Его ризы); Богородичны (в память событий Ее жизни: Введение во храм, Успение и т.д.; обретения и положения на хранение в храмах Ее ризы и пояса; прославления Ее чудотворных икон); праздники в честь «сил бесплотных» (Собор Архангела Михаила и др.); праздники в честь святых (день Всех святых, в

земле российской просиявших, день Новомучеников и исповедников российских и т.д.).

5. По количеству праздничных дней – многодневные (Светлая седмица) и однодневные.

6. По этническому признаку – русские, греческие, грузинские, американские, японские и пр.

Великие праздники имеют так называемые предпразднества (к примеру, сочельник) и попразднества (вплоть до так называемого отдания праздника). Дни первоверховных апостолов Петра и Павла и Успения Божией Матери предваряются кратковременными постами. Количество православных праздников так велико, что даже в будни обычно вспоминается несколько значимых событий и персоналий.

Русское православное церковное новолетие празднуется по традиции в сентябре (с 13-го на 14-е по новому стилю), что соответствует началу годового праздничного цикла, прямо связанного с ходом сакрального времени, со сменой событий библейской и церковной истории, нашедших свое отражение в богослужении великих праздников (в том числе двунадесятых), начиная от Рождества Пресвятой Богородицы (21 сентября по новому стилю) и заканчивая Ее Успением (28 августа по новому стилю). Следует помнить, что в православии выделяют **три круга богослужений**: суточный, начинающийся вечером накануне дня; седмичный, куда входят все богослужения одной календарной недели, и годовой.

Рождество Пресвятой Богородицы празднуется с IV–V вв. как память рождения Марии от весьма престарелых родителей св. Иоакима и Анны. В текстах Библии сведений о рождении Марии нет, они относятся к церковному преданию. Праздник этот возник на христианском Востоке еще до отделения дохалкидонитов, поскольку отмечается в Коптской и Яковитской церквах (8/21 сентября). Из древней службы до наших дней сохранился только тропарь «Рождество Твое, Богородице Дево...» (V в.), большая часть нынешних песнопений этого праздника появилась в период VII–XI вв.

Воздвижение Креста Господня (27 сентября по новому стилю) отмечается с начала IV в., со времени обнаружения матерью императора Константина I Еленой на горе близ Иерусалима креста, принятого за тот, на котором был распят Иисус Христос. По преданию, отраженному в различных версиях в трудах историков: Руфина, Сократа, Созомена, Феодорита, Никифора Каллиста, в древнем колодце для сбора дождевой воды, в который после казни римляне свалили все кресты, было найдено три кипарисовых креста, но лишь на одном из них воскрес умерший. Именно этот крест епископ Макарий поднимал (воздвигал) для демонстрации верующим. Отсюда и название праздника. До наших дней

обнаруженный на Голгофе крест не сохранился: начиная примерно с XII в. от него стали отделять частицы и помещать их в реликварии различных храмов и монастырей, пока окончательно не раздробили весь.

14 октября (по новому стилю) празднуется Покров Пресвятой Богородицы, причем этот праздник считается великим только в русском православии. Он был установлен в память освобождения Константинополя от осады в X в. В ночь перед решающим боем с сарацинами во Влахернском храме Константинополя св. Андрею Юродивому было видение Богоматери, распростершей свое покрывало (омофор) над молящимися.

К VII–VIII вв. относится установление двунадесятого праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Первое упоминание о нем, относимое к восточной христианской традиции, содержится в Синайском праздничном Евангелии 715 г., у яковитов он известен с XII в., а в Римско-Католической Церкви – с 1372 г. Сведения об этом событии есть лишь в святоотеческом предании: трехлетнюю Марию как первого ребенка родители привели в Иерусалимский храм для свершения обета посвящения Богу. Девочка самостоятельно поднялась по многочисленным храмовым ступеням и самим первосвященником Захарией (будущим отцом Иоанна Предтечи) была введена в «Святая святых», куда кроме первосвященника никто не имел права доступа. Празднуется 4 декабря (по новому стилю). Дата выбрана сравнительно случайно: праздничным стал восьмидесятый день после начала церковного новолетия (1 сентября по старому стилю), так как в Иерусалимский храм для совершения очистительных и искупительных обрядов младенцы женского пола приносились родителями на 80-й день от рождения. Считается, что и праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы изначально приурочивался также и к этому событию – принесению ее в храм для совершения очистительных обрядов.

6 января (по новому стилю) отмечается Навечерие Рождества Христова – Рождественский сочельник. Наименование «сочельник» происходит от слова «сочиво» – постная еда из вареной пшеницы с медом, которая на Руси заменила сочевицу, вареную чечевицу. На следующий день празднуется Рождество Христово.

14 января (по новому стилю) с VIII в. в один день празднуются Обрезание Господне и память св. Василия Великого. На восьмые сутки после рождения все еврейские младенцы мужского пола подвергались обрезанию в ознаменование Завета Бога с Авраамом и во исполнение Моисеева Закона. Именно в этот день Богомладенец был назван Иисусом.

18 января (по новому стилю) – Навечерие Богоявления (Крещенский сочельник). Ранним утром совершается первое великое освящение воды.

Православные верят, что «крещенская вода» (освящение) обладает особыми свойствами. Ею «причащали» вместо Св. Даров людей, находящихся под церковным «прещением» – наказанием.

На следующий день празднуется Святое Богоявление, поскольку именно в момент погружения Иисуса в воды Иордана, по мысли православных богословов, Бог явил Себя людям в трех ипостасях: был слышим глас Бога Отца, Бог Сын ходил по земле и был крещен как человек Иоанном Предтечей, Бог Дух Святой сошел на Христа в виде голубя. Другое название праздника – Крещение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в этот день ранним утром совершается второе великое освящение воды. Известен с IV в.

Сретение Господа Иисуса Христа празднуется верующими 15 февраля (по новому стилю) и связано с новозаветным рассказом о принесении Марией и Иосифом младенца Иисуса в храм на день после рождения для принесения очистительной жертвы и «выкупа» первенца у Бога. У храма их встретили праведные Симеон Богоприимец и Анна Пророчица. «Сретение» – встреча. Известен праздник с III–IV вв.

Благовещение Пресвятой Богородицы отмечается 7 апреля (по новому стилю) и считается днем воплощения Спасителя. Когда Марии исполнилось четырнадцать лет, она перешла жить в дом своего обручника Иосифа. По Евангелию, ей явился архангел Гавриил с вестью о том, что она станет матерью Сына Божия. Установлен праздник в IV в. в Константинополе.

Вход Господень в Иерусалим (Вербное, пальмовое воскресенье) празднуется с первых веков христианства. По Евангелию, вскоре после воскрешения Лазаря Иисус въехал в Иерусалим, сидя на молодом осле. Люди приветствовали Его как царя, с пальмовыми ветвями в руках. Переходящий праздник. За ним следует Страстная седмица и Пасха.

Вознесение Господне празднуется на сороковой день после Пасхи, т.к. от Своего воскрешения из мертвых до вознесения Господь пребывал на земле сорок дней.

На пятидесятый день после Пасхи празднуется День Святой Троицы (Пятидесятница) в память Сошествия Святого Духа на апостолов, собравшихся в Сионской горнице в Иерусалиме, после которого апостолы стали говорить на разных языках (глоссолалия) и смогли проповедовать учение Иисуса по всему миру.

Праздник Пятидесятницы древнеиудейского происхождения. Этот древний обычай торжественного начала жатвы пшеницы был переосмыслен христианской традицией. В «Постановлениях апостольских» (III–V вв. н.э.) содержится требование праздновать новозаветную Пятидесятницу. С V в. День Святой Троицы стал известен повсеместно, на

христианском Востоке в VI–VII вв. был составлен чин богослужения Пятидесятницы, в который вошли кондак и икосы Романа Сладкопевца (VI в.), а в VIII в. он был дополнен канонами Иоанна Дамаскина и Косьмы Маюмского.

К великим праздникам относятся также: Рождество Иоанна Предтечи (7 июля по новому стилю; в честь рождения по предсказанию архангела Гавриила у престарелого священника Захарии и его жены Елисаветы сына Иоанна, ставшего Пророком, Предтечей и Крестителем Господним); день славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла (как более других апостолов потрудившихся в деле евангельской проповеди среди иудеев и язычников; 12 июля по новому стилю); Усекновение честной главы Иоанна Предтечи (в память о казни царем Иродом праведника в угоду нечестивой жене Иродиаде, которую он обличал; 11 августа по новому стилю). К двунадесятым праздникам, завершающим годовой цикл, относятся: Преображение Господне на горе Фавор перед избранными учениками Петром, Иаковом и Иоанном, когда лик Иисуса просиял, а одежды сделались белыми. Этот день почитается верующими как момент явления Христом славы своего божества; празднуется 19 августа по новому стилю, известен с IV в.

К великим праздникам относится также Успение Пресвятой Богородицы. В день ее кончины, по церковному преданию, облака принесли апостолов со всех концов земли в Иерусалим и сам Христос принял ее душу. Мария была погребена в Гефсимании, близ могилы своих родителей Иоакима и Анны. Когда же на третий день после погребения апостолы решились открыть гробницу по просьбе ап. Фомы, тела в ней не оказалось – оно тоже было взято на небо. Дата кончины Марии точно не известна. Ипполит Римский называет 43 г. после Рождества Христова Епифаний Кипрский – 58 г., Никифор Каллист – 44 г. С VII в. получает распространение апокрифическое «Сказание об успении Пресв. Богородицы» Мелитона Сардикийского, в котором называется дата – 55 г. Эортологи полагают, что в древней Церкви имелся один праздник в честь Девы Марии, который затем распался на несколько. Сохранился реликт этого древнего торжества – Собор Пресв. Богородицы (26 декабря по старому стилю). Память Успения Богоматери отмечалась со II–III вв., но нынешний праздник (28 августа по новому стилю) не мог появиться ранее V в., что подтверждается армянскими и латинскими источниками.

По православной традиции каждый праздник (за редким исключением) имеет свою икону, которая устанавливается в день торжества на специальном аналое (наклонном столике-пюпитре) посреди храма. Словом икона (от древнегреч. *εἰκών* – образ, портрет, мысленное представление о ком-либо, сравнение) во II–VII вв. обозначалось любое

изображение персонажей (в первую очередь Иисуса Христа, Богородицы, апостолов, ангелов, святых) и событий (христианских праздников) библейской и церковной истории вне зависимости от техники исполнения и изобразительных средств различных видов пластических искусств: скульптуры, рельефа, резьбы, чеканки, мозаики, монументальной («а секко», «а фреско», «а меццо-фреско») и станковой (энкаустика, темпера) живописи, графической миниатюры и пр. Позднее (с VIII в.) икона начинает пониматься преимущественно как моленный образ, включенный в сферу литургической практики. В классическом варианте икона представляет собой специально подготовленную деревянную доску с наклеенной на нее паволокой (редкой тканью) и нанесенным сверху левкасом (грунтом), по которому и пишется изображение темперными либо масляными красками.

По источнику возникновения священник П.А. Флоренский **разделял иконы на четыре типа**: библейские; портретные; писанные по преданию, т.е. с опорой на чужой духовный опыт; явленные, в основе которых лежит собственный духовный опыт иконописца. Среди функций иконы можно выделить: а) иллюстративную или дидактически-информативную, поскольку икона способна изъяснять события библейской и церковной истории, служить своеобразным пособием для неграмотных, особенно это касается праздничных икон и икон с клеймами; б) дисциплинирующую, так как зримый образ позволяет сосредоточиться во время молитвы, сконцентрировать внимание на предмете веры; в) коммуникативную, потому что икона призвана служить одним из связующих звеньев между горним и дольним мирами, помогать молящимся в общении со святыми заступниками; г) компенсаторную, поскольку чудотворные иконы считаются проводниками благодати. Хотя эктип (отобраз, отображение) отделен от первообраза – архетипа, но «энергии» первообраза, по мысли богословов, продолжают в нем реально присутствовать; д) «напоминательную», так как икона способствует «припоминанию», причем не только в плане субъективно-ассоциативном – она действительно побуждает человека к памятованию и почитанию, но и в плане объективно-онтологическом, т.е. явлению идеи; е) аналогическую (возвышающую), поскольку, по определению VII Вселенского собора (787), «глазами взирая на образ, умом восходим к Первообразу»; ж) декоративную, или эстетическую, на которую обращал внимание еще Иоанн Дамаскин (VIII в.).

Византийская теория иконы строится на утверждении Псевдо-Дионисия Ареопагита о том, что «вещи явленные суть воистину иконы вещей незримых». Таким образом, богословие иконы оказывается включенным в общую христианскую теорию образа: Бог Сын – образ

ипостаси Бога Отца, человек – образ Создателя, Ветхий Завет – икона Нового Завета и т.д. Более того, икона может выступать не только для обозначения священного архетипа (денотата), но и в качестве прототипа для другого изображения – «списка», т.е. служить «образ(ц)ом» для «образа образа», именно на этом построена практика распространения списков чудотворных икон, в первую очередь богородичных. Изображение Бога становится оправданным только после Боговоплощения (Ин. 1:18), поскольку виденное изобразимо. А разведение богословских понятий богослужебного «поклонения» только Богу и внебогослужебного «почитания» святынь разрешило спор с иконоборцами в пользу защитников иконопочитания. Можно предположить, что икона играет роль своеобразного остенсивного «определения», поскольку непосредственно предъявляет зрителю образ предмета веры. Это становится особенно заметно, если не нарушается последовательность «агиографического топоса опознания»: сначала некий современник воочию наблюдает за жизнью подвижника, затем среди прочих воспоминаний оставляет словесный портрет святого – иконисмос, по которому пишется икона, а позднее, когда получают распространение многочисленные «изводы», созданные на основе каноничного «подлинника», верующие легко идентифицируют данный образ в ряду других икон одного чина, а также узнают святого в мистических видениях.

К концу I тысячелетия н.э. иконография выработала собственный символический язык, отличный от языка позднеантичного искусства (например, фаюмского портрета). Иконам становятся присущи: знаковый характер изображения; локальный цвет; силуэтность; персоналистичность, (т.е. фиксированность внимания на ликах, глазах), а также статичность поз, инвариантность жестикуляции персонажей, отказ от аллегоричности; отсутствие светотеневых эффектов; плоскостность (двумерность) поля изображения; деформация видимых пропорций; семантическое противопоставление правого и левого. Для икон характерна «обратная перспектива», представляющая собой комбинацию различных приемов пространственных построений: локальную аксонометрию, собственно обратную перспективу, перцептивную перспективу, зеркальную симметрию и пр.; циклическое время; ориентация на внутреннюю (т.е. включенную в изображение) и динамичную зрительскую позицию; подчеркнутая условность фона и деталей интерьера; эсхатологичность, поскольку иконописец стремится выразить будущую славу Царствия Небесного как уже доступную святым реальность.

На христианском Востоке, равно как и на христианском Западе, наибольшее распространение получили иконы Иисуса Христа и Божией Матери. Древнейшими аллегорическими изображениями библейских

сюжетов являются фрески в г. Помпеи (до 79 г.) и в катакомбах Доура-Европос (Междуречье, начало II в.). Появление богородичных икон церковное предание относит к апостольским временам, но из сохранившихся самые ранние датируются лишь V–VI вв. (монастырь Св. Екатерины на Синае), а первой иконой Иисуса Христа считается утерянный после 1204 г. убрус – образ Спаса Нерукотворного. Традиционно выделяют семь основных типов икон Спасителя: Спас Нерукотворный, Спас Младенец (Эммануил), Спас Ветхий Денми (Саваоф), Великий Архиерей, Ангел Великого Совета (София на троне), Вседержатель (Пантократор), Спас Всемилостивый (Сотер) и шесть типов икон Божией Матери: Оранта, Влахернитисса (Знамение), Елеуса (Умиление), Одигитрия (Путеводительница), Агиосоритисса (Деисисная), Ассунта (Вознесенная). Следует различать типы икон Богоматери и конкретные «изводы» их, т.е. чтимые списки, разнящиеся с прототипом мелкими деталями. В русском православии получили широкое распространение только пять из шести типов богородичных икон, а в качестве чудотворных списков (копий) почитаются более трехсот.

В связи с культом икон Богородицы об иконографии Божией Матери следует сказать подробнее.

1. «Оранта» – так именуется фронтальный, расположенный лицом к зрителю образ Богоматери, молящейся с воздетыми руками, без Богомладенца. Примером этого типа может служить мозаичная икона «Нерушимая Стена» в конхе (своде) центральной апсиды (алтарной ниши восточной стены) храма Св. Софии в Киеве.

2. «Влахернитисса» (название указывает на происхождение образа из константинопольского Влахернского храма) – изображает Богоматерь с воздетыми до плеч руками в жесте адорации (моления). Обязательными константными признаками являются: количество ликов – два; образ Спаса-Эммануила, помещенный на уровне груди или лона Богоматери (при этом Младенец часто изображается в сферической «славе» (манторле), если этой «славы» нет, икона называется «Воплощенная»); положение рук – они широко разведены на уровне плеч, что осмысливалось как символ слов («Ширшая небес»); положение фигур – фронтальное. Примерами этого типа могут служить новгородское «Знамение» и ярославская «Великая Панагия», некорректно именуемая также «Орантой».

3. «Елеуса» («Умиление», т.е. милостивая, милующая: Богоматерь с Богомладенцем на руке, который обнимает ее за шею, лики их сближены щека к щеке. Н.П. Лихачев выделял в иконографии «Елеусы» три вида изображений: а) обычное; б) с рукой Младенца, вложенной в руку Матери («Братская Киевская»); в) «Взыграние» (появилась на Руси не ранее XIII в. под влиянием сербской иконографии) – Богоматерь с играющим

младенцем на руках, который, повернувшись к ней корпусом и глядя на нее снизу вверх, протягивает руку к ее щеке. Наиболее чтимыми на Руси изводами «Елеусы» являются «Владимирская», «Донская», «Толгская тронная», «Толгская II», «Феодоровская», «Аравийская» («О всепетая Мати»), «Блаженное Чрево», «Елецкая», «Игоревская», «Неувядаемый Цвет», «Почаевская» и др. Особенностями этого иконографического сюжета являются: типологическая широта смысла («Умиление» – «Взыграние» – «Страстная») и вариативность изображений Эммануила. К «Елеусе» могло быть отнесено наименование «Горгоепикос» («Скоропомощница»), к праворучному «Умилению» (т.е. если Младенец изображался сидящим на правой руке Богоматери) – «Эпискепис» (в переводе с греч. – защита) («Заступница», «Покровительница».

4. «Одигитрия» («Путеводительница») известна с V в. Классическая форма сложилась к IX в.: Богоматерь с младенцем на руке, Эммануил благословляет правой, а в левой держит свиток. В русском православии особенно почитаются «Смоленская Одигитрия» (XI в.), «Тихвинская» (1383 г.), «Иверская», «Грузинская» (или «Портаитисса» – «Вратарница»), «Казанская» (1579 г.), а также «Утоли моя печали», «Тамбовская», «Благоуханный Цвет». У «Одигитрии» более суровый облик, чем у «Елеусы», хотя известен ее византийский извод, именующийся «Первилепта» («Прекрасная видом»).

5. «Агиосоритисса» (иначе «Деисусная») была написана в V в. для константинопольского храма, в специальном реликварии которого хранился пояс Богоматери. Место, где был выстроен храм, называлось «Халкопратия» («Медный рынок»), отчего и образ Богоматери получил еще одно имя – «Халкопратиссы». На иконе изображается Богоматерь в трехчетвертном развороте по отношению к Спасу и с воздетыми к нему в молении руками, согнутыми в локтях и почти сложенными вместе. Этот жест характерен для «Деисиса» («Моления»). Постепенно сюжет стал самостоятельным, одноличным, т.е. без лица Христа; в Византии появились разные изводы: «Воззвание» и «Утешение» («Параклисис»). На иконе стали помещать только ростовую фигуру Богородицы, а фигуру Спаса в Силах писали на отдельной доске, что составило центральную композицию так называемого «деисусного» ряда православного иконостаса. В одной руке Богоматерь может держать свиток с текстом молитвы (так называемая «Просительница»), как, например, на иконе «Боголюбской».

6. «Ассунта» («Вознесенная») почти не известна русскому православию, примером может служить лишь фреска Церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. «Страшный Суд» – единственная композиция, на которой могло присутствовать изображение «Ассунты».

Становление сюжета имеет длительную историю (V–IX вв.). На иконе представлено фронтальное по отношению к зрителю ростовое изображение Богоматери без Богомладенца. Жест «Ассунты» – это жест слабого противоречия, возражения: руки близко сведены, раскрыты ладонями на зрителя, тыльной стороной прижаты к груди. Этот жест подобен тому, что встречается на иконах Благовещения и Сошествия Святого Духа на апостолов (Пятидесятницы).

Характерной особенностью храмовых интерьеров в некоторых православных традициях: русской, сербской, болгарской – стало наличие высокого иконостаса – алтарной преграды из множества икон. Формирование иконостаса (от греч. *εικονοσταsιον* – иконостав) имеет длительную историю. Оформление интерьера православного храма восходит к ветхозаветному культурному наследию. Первично алтарь отделялся от нефа (центральной части) лишь полотняной завесой – катапетасмой, натянутой между двумя столпами. Позднее в Византии появились невысокие балюстрады, служившие утилитарным целям предохранения священных предметов и церковной утвари от возможного напора толпы, заимствованные из архитектуры светских базилик, где они выполняли сходные функции. Сравнительно рано преграды стали делать с колоннами в рост человека, несущими архитрав. На мраморном архитраве обычно высекали изображение креста. Со времен Юстиниана Великого (VI в.) на архитраве стали помещать изображения Иисуса Христа, Девы Марии, апостолов, пророков, ангелов. Эпоха иконоборчества приостановила эволюцию иконостаса: в IX в. он представлял собой портик с колоннами и свободным пространством между ними, символизирующим идею открытости. С XI в. изображения новозаветных персонажей стали помещать не только на архитраве (космитисе), но и в промежутках колоннады, кроме центрального проема, который стали именовать «царскими вратами». Именно над ними размещалось ядро живописной композиции – так называемый Деисис («моление»), триптих: Спаситель в окружении Богоматери и Иоанна Предтечи, немного склонившихся в молитвенных позах.

Если в Византии количество ярусов икон на иконостасе не превышало двух-трех, то на Руси уже в XIV в. были известны многоярусные, так называемые «тябловые» конструкции. «Тяблом» на Руси именовали длинный деревянный брус во всю ширину иконостаса, опирающийся на выступы стен и деревянные колонны. Ряды темплонов и колонн создавали необходимую ячеистую структуру, удобную для монтажа иконных досок. Период формирования современного русского пятиярусного иконостаса приходится на XV–XVI вв. В конце XVII – начале XVIII вв. русская конструкция была заимствована архитекторами, возводившими

монастырские здания на горе Афон, откуда в эпоху турецкого завоевания традиция высоких темплонных иконостасов распространила свое влияние на Балканы. Иконостас «рос» снизу вверх. Он представляет собой цельное, зримое, вневербальное (если не считать надписей на иконах) повествование об эволюции христианской Церкви на земле. Поэтому «читать» его нужно сверху вниз.

1. Верхний чин (ярус) именуется «праотеческим» и являет первоначальную ветхозаветную Церковь от Адама до Моисея, предков Иисуса Христа по человечеству. Центральной композицией этого яруса является икона «Троицы Ветхозаветной» – явление Аврааму и Сарре трех ангелов у дуба Мамврийского. В XVI–XVII вв. икону «Троицы» стали замещать так называемым «Отечеством», изображавшим «Ветхого Денми» на троне в концентрических кругах, держащего на коленях Эммануила, над головой которого витает голубь – символ Святого Духа.

2. Следующий ряд – «пророческий» (другое название – Богородичный чин). Он состоит из икон пророков, живших в период от Моисея до Христа. В центре помещается икона Божией Матери «Знамение».

3. Ниже располагается «праздничный» чин – ряд из небольших по формату икон важнейших событий новозаветной истории, распределенных в соответствии с годовым кругом православных праздников: от Рождества Богоматери до ее Успения. Центрирующей композиции этот ряд не имеет. Между пророческим и праздничным чинами крайне редко, но все же встречаются иногда два промежуточных ряда: страстной, повествующий о Страстях Господних (3а), и страстной апостольский, повествующий о преследованиях и фактах мученической кончины первых учеников Христа (3б).

4. Четвертый сверху ряд классического пятиярусного иконостаса — Деисусный чин, древнее ядро будущего иконостаса. В центре Деисиса – икона «Спаса в Силах», а по бокам от нее расходятся два «крыла» из икон, изображающих в молитвенном полупоклоне Богородицу и Иоанна Крестителя, архангелов Михаила и Гавриила, святителей: Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Николая Мирликийского и т.д.

5. Самый нижний ярус – «местный». Икон в нем обычно немного – они занимают промежутки между тремя дверными проемами: северными вратами, ведущими к жертвеннику, центральными вратами – Царскими, стоящими на продольной оси симметрии храма, и южными, ведущими в «дьяконник». На боковых вратах помещают парные изображения: или архангелов, или первомучеников Стефана и Лаврентия, или святителей Иоанна Златоуста и Василия Великого. Царские врата украшаются шестью иконами: четырьмя образами евангелистов и диптихом Благовещения.

Над Царскими вратами укрепляется широкая доска с изображением Тайной Вечери. Выбор икон поместного ряда произволен, кроме одной, находящейся для зрителя справа от Царских врат по счету первой или второй. Это так называемая «храмовая икона», указывающая на то, в честь какого святого или события священной истории освящен данный храм.

РАЗДЕЛ 2. ПРАВОСЛАВИЕ НА РУСИ В XIII–XV ВЕКАХ

2.1. Деятельность Русской Православной Церкви во время монголо-татарского нашествия. Строительство храмов

Разорение и уничтожение тысяч сел и городов, истребление населения в годы монгольского нашествия привели к упадку хозяйства и культуры русских земель. Значительная территория страны запустела, уцелевшее население уходило в глухие лесные районы. Русь была отброшена назад. Государственная власть ослабла, усиливались раздробленность и сепаратизм отдельных княжеств. В этих условиях возросло значение Церкви, остававшейся единой феодальной организацией, с которой считались и завоеватели, и русские князья.

Главной заботой Церкви стало восстановление и рост ее материального могущества. Дело облегчалось тем, что завоеватели наделили Церковь известными привилегиями: освободили ее от уплаты дани и установили неприкосновенность церковных владений. Все это было сделано из расчета получить в лице Церкви могущественного союзника. Да и сама Церковь старалась наладить хорошие отношения с монгольскими ханами.

В 1263 г. была учреждена особая епископия в столице Золотой Орды Сарае, а в 1267 г. митрополит Кирилл получил от хана Менгу-Тимура ярлык, оградивший Церковь и ее владения от посягательств со стороны монгольских властей. При посредстве сарайского епископа были установлены прямые отношения между ордынским ханом и византийским императором.

Укрепление отношений между Церковью и Ордой преследовало еще и другую цель. Дело в том, что ослаблением Руси немедленно попыталася воспользоваться Католический Костел. Папская курия рассчитывала переложить на Русь всю тяжесть борьбы с угрожавшими Европе монголами и облегчить тем самым агрессию Ливонского ордена в Прибалтике.

В сложной политической обстановке, созданной монгольскими ханами и агрессией венгерских и других феодалов против Юго-Западной Руси, в 1245 г. между галицким князем Даниилом Романовичем и папой Иннокентием IV начались переговоры о военном союзе и церковной унии. Одновременно папская курия попыталась наладить непосредственные отношения с Ордой, направив туда через Русь своего посла Плано-Карпини. Союз с папской курией давал галицкому князю определенные политические выгоды, однако все домогательства Католического Костела относительно унии были отвергнуты.

В результате монгольского нашествия исчез ряд епархий. Митрополит Кирилл, утвердившийся на киевской кафедре в 1249 г., пребывал в Галицко-Волынской или в Северо-Восточной Руси. По-видимому, Киев был настолько разрушен, что глава Церкви не мог там находиться. В 1274 г. во Владимире-на-Клязьме состоялся Церковный Собор, упорядочивающий жизнь Церкви в новых условиях. В том же году была возобновлена Владимирская епархия.

При митрополите Кирилле, в начале 60-х гг. XIII в., была утверждена епископская кафедра в первой столице Орды городе Сарай-Бату и образована Сарайская епархия во главе с епископом Митрофаном. В 1276 г. глава Саранской епископии Феогност обращался к патриарху Константинопольскому и Церковному Собору с вопросом о том, как следует крестить в условиях кочевья татарина, решившего принять христианство, и получил ответ, что можно не погружать в воду, а обливать и вместо вина давать изюм.

Русские люди должны были платить дань, содержать ордынскую администрацию (с конца XIII в. баскаки на территории Руси постоянно уже не жили, так как их часто убивали), оплачивать приезд ханских послов и вельмож, посылать русских воинов в распоряжение хана. Князья получали ярлыки на владения (утверждались в Орде). В 1246 г. распоряжением Батыя православное духовенство было исключено из ордынской податной переписи и освобождено от уплаты дани. Церкви получили льготы, узаконенные ханскими ярлыками. Хранившиеся в архиве русской митрополии ярлыки не дошли до нашего времени, остались только переводы нескольких (шести) ярлыков, выполненные в конце XIV или начале XV вв.

1 августа 1267 г. от хана Менгу-Тимура митрополит Русской Церкви Кирилл получил ярлык, ограждавший Церковь и ее владения от посягательств со стороны монгольских властей. Льготы в большем или меньшем объеме подтверждаются в ярлыках, данных русским митрополитам 26 сентября 1347 г., 4 февраля 1351 г., 11 февраля 1354 г. ханшей Тайдулой, женой хана Джанибека, и в ярлыках: ноябрьском 1357 г. от хана Бердибека и сентябрьском 1379 г. от хана Тюляка. Согласно ярлыкам, белое и черное русское духовенство освобождается от дани, от расходов на содержание ордынского административного аппарата на русских землях, от военной повинности. Земельные владения Церкви объявлялись неприкосновенными, платежи и повинности не распространялись на членов семей священников, если они проживали совместно. Запрещалось забирать церковных людей-мирян, занятых в Церкви ремеслом.

Чтобы понять причины такого отношения к Церкви монгольских правителей, надо учитывать следующее. Основатель монгольской империи

Темучин (Чингис-хан), избранный каганом (императором) на курултае (съезд военачальников) в 1206 г., утвердил религиозно-гражданские узаконения, зафиксированные в своде законов Тунджин (в персидских источниках – Яса-Намэ или Яса-ва-тура-и-Дженгисхани), заложив принцип отношения к религиям – веротерпимость. Чингис-хан в равной мере покровительствовал христианству, исламу и буддизму – религиям тех народов, что вошли в состав его империи.

Религиозная терпимость соблюдалась довольно длительное время после смерти Чингис-хана. Один из его преемников, хан Мункэ, наследовавший престол в городе Каракоруме, утверждал, что «все люди обожают одного и того же Бога, и всякому свобода обожать его как угодно. Благодеяния же Божии, равно на всех изливаемые, заставляют каждого из них думать, будто его вера лучше других». До XIV в. монголо-татары были шаманистами и считали, что все религии одинаково связывают людей с Богом. Важную роль в монгольском государстве играли уйгуры и кераиты, которые были христианами. Жены Чингис-хана и его сыновей происходили из семьи кераитского правителя. Несториане уйгуры были чиновниками. По свидетельству Марко Поло, хан Хубилай почитал праздники христиан, сарацин, иудеев, язычников и четырех пророков: Христа, Мухаммеда, Моисея и Согоном-бар-хана.

Веротерпимости придерживались правители Золотой Орды, начиная с ее основателя – хана Батыя (Бату). В своих ярлыках, выдаваемых правителям русских княжеств, Батый гарантировал неприкосновенность Православной Церкви под страхом смерти для ее нарушителей.

Веротерпимость ордынских правителей имела оборотную сторону. Проявляя уважение к вере русских князей, они не понимали причин отказа русских, прибывавших в Орду, от исполнения монгольских обрядов и считали это неуважением гостеприимства и оскорблением своей веры. Кроме того, за предоставление льгот священнослужители должны были публично молиться о здоровье ханов и благословлять их. Монголо-татарские власти обязывали Церковь поддерживать авторитет захватчиков, обложивших христиан поборами и повинностями.

Несмотря на предоставление ярлыков, стопроцентных гарантий Церковь все-таки не имела. В реальности происходили и конфискации земель, и иммунитет церковных ремесленников не всегда соблюдался. Духовенству вменялось поставлять подводы и корм приезжавшим представителям ханской власти. Во время военных действий церковное имущество подвергалось разграблению, как и всякое иное. За время монголо-татарского ига, судя по летописным данным, было 14 нашествий – в основном карательные походы. Разграблены были монастыри Северо-Восточной Руси во время похода монголо-татар в 1281 г. Та же участь

постигла кремлевские московские соборы в 1382 г., когда войска Тохтамыша взяли Москву. Ограблению подвергся Успенский собор во Владимире в 1411 г. Причем иногда в грабежах принимали участие русские союзники монголо-татар. И все же церковные люди были больше защищены, а объем предоставляемых привилегий со временем даже расширился. В XIII–XV вв. могущество Церкви превышало могущество русских светских властей.

Церковный писатель XIII в. Серапион Владимирский, осмысливая нашествие, одним из первых оценивал его как выражение божьего гнева и говорил о необходимости нравственного обновления. Та же оценка встречается в других древнерусских текстах, повествующих о событиях завоевания Руси. Часто авторы обвиняли князей в подлости в борьбе за власть, в алчности, из-за которых страна оказалась ввергнутой в бедствия.

В золотоордынский период Русская Церковь обрела большую самостоятельность по отношению к Греческой. Митрополитами часто теперь становились русские епископы. Ослаблению Константинопольской патриархии способствовало завоевание в 1204 г. Константинополя крестоносцами. После изгнания крестоносцев и восстановления в 1261 г. Византийской империи греческие иерархи вновь появляются среди русских митрополитов, но влияние Константинополя постепенно уменьшается. Русские князья рассматриваются в качестве верховных покровителей Церкви наравне со слабеющими византийскими императорами.

В западнорусских землях активизировалась деятельность католических миссий. Со второй половины XIII в. начинается процесс вхождения западнорусских земель в Литовское государство, возникшее в результате объединения князем Миндовгом литовских племен, живших в междуречье Немана и Западной Двины. При Миндовге и его преемниках к Великому княжеству Литовскому была присоединена Черная Русь с городами Гродно, Слоним, Новогрудок, Волковыск. В начале XIV в. в правление князя Гедимина (1316–1341) в состав литовского государства вошла Белая Русь с городами Полоцк, Минск, Туров, Пинск. При князе Ольгерде (правил в 1345–1377 гг.) были присоединены Северские земли с городами Чернигов, Новгород-Северский; Волынь с городами Луцк, Владимир-на-Волыни, Кременец, а также Киев. Под властью литовских князей находились Смоленск и Брянск. Великое княжество Литовское становится русским и православным, поскольку литовские земли занимают в новом государстве не более десятой части. В 1365 г. князь Ольгерд подавляет сопротивление языческих группировок литовской знати. В 1340–1352 гг. польским королем Казимиром III Великим к Польше были

присоединены Галиция со Львовом и западная часть Волыни с городом Холм.

С конца XIII в. под началом русского митрополита находились епархии, расположенные на территориях пяти крупных государственных образований: Золотая Орда, Великое княжество Литовское, Великое княжество Владимирское, Новгородская республика, Галицко-Волынское княжество. Границы епархий и княжеств часто не совпадали: в составе одной епархии могло быть ряд княжеств и, наоборот, одно политико-административное целое могло включать в себя несколько епархий. Мелкие княжества и крупные государственные образования пребывали друг с другом в сложных отношениях, чаще всего в состоянии борьбы. В этих условиях положение церковного руководства было непростым. Как соблюдение нейтралитета, так и активная поддержка какой-либо светской власти могли иметь негативные последствия. Обе эти тенденции в период с XIII по XV вв. присутствовали.

Русские князья стремились иметь во главе Церкви своих ставленников, независимых от константинопольского патриарха, что приветствовалось ордынскими властями. Имея влияние на митрополита, князь мог получать от Церкви финансовую помощь, военную поддержку, поскольку светские вассалы и слуги митрополита могли принять участие в военных действиях. Дружба князя с митрополитом создавала для княжеских врагов угрозу отлучения от Церкви. Князь даже мог бы нарушить клятву крестного целования, так как высший церковный иерарх имел право снять проклятие с нарушителя клятвы. В свою очередь, выгоды от союзничества получал и митрополит. Он мог обращаться к князю за защитой от военных нападений, от попыток врагов сместить его с митрополичьего престола. Княжеские пожалования способствовали расширению церковных земельных владений. Князь мог средствами своей власти обеспечить регулярное поступление церковных пошлин.

Преемник митрополита Кирилла с 1283 г., митрополит Максим, проживавший сначала в Киеве, в 1299 г. «не терпя татарского насилья... иде ко Бряньску и оттол иде в Суздальскую землю». Новая резиденция предстоятеля Русской Церкви была перенесена во Владимир-на-Клязьму. Владимирский епископ был перемещен на Ростовскую кафедру, а Владимирская епархия преобразовалась в митрополичий диоцез (территория, находящаяся в ведении митрополита). Поскольку митрополит Максим перестал посещать западные земли, галицкий князь Юрий Львович стал хлопотать о получении разрешения константинопольского патриарха на создание Галицкой митрополии. Разрешение было получено, и в 1303 г. митрополитом Галицким стал игумен Спасского монастыря Перемышльской епархии Петр. После смерти в 1304 г. великого князя

владимирского Андрея Александровича митрополит Максим во владимирском Успенском соборе совершил торжественный обряд посажения на владимирский великокняжеский престол тверского князя Михаила Ярославича, получившего в Орде ярлык на княжение в соперничестве с московским князем Юрием Даниловичем. В декабре следующего 1305 г. Максим умер. Князь Михаил Ярославич отправил в Константинополь своего претендента на митрополичий престол Геронтия. Однако, поскольку Византийский император и патриарх Константинопольский имели, по-видимому, свои политические соображения, в 1308 г. патриарх Константинопольский Афанасий утвердил митрополитом всея Руси не Терентия, а митрополита Галицкого Петра. Таким образом была восстановлена единая митрополия.

В 1309 г. Петр переехал во Владимир. Покинуть Киев митрополита Петра побудили постоянная угроза монголо-татарских нашествий и открытое проникновение в южную Русь католицизма, чему галицко-волынские князья фактически не противились. Князь Михаил Тверской не смирился с провалом своего кандидата и принял Петра враждебно. Он попытался обвинить митрополита в торговле церковными должностями, но митрополит Петр при поддержке соперника Михаила, московского князя Юрия Даниловича, сумел полностью оправдать себя на церковном суде в Переславле-Залесском в 1312 г.

Митрополит Петр нашел опору в московских кругах, он переехал в Москву и жил там до самой смерти. В 1325 г., после восшествия на княжение Ивана Калиты, Петр перенес в Москву кафедру митрополита. Покровительство митрополита Петра способствовало усилению Московского княжества.

После смерти митрополита Петра Иван Данилович Калита поддерживал кандидатуру архимандрита Федора как претендента на митрополичий престол, но предстоятелем Русской Церкви стал грек Феогност, занимавший кафедру с 1328 по 1353 г. Митрополит Феогност непрерывно и с самого начала пребывал в Москве, и Калита вошел с ним в тесный контакт. Когда московский князь решил изгнать из Пскова тверского князя Александра Михайловича, Феогност «послал проклятие и отлучение на князя Александра и на весь Псков». Псковитяне вынуждены были с князем расстаться. Несмотря на то, что Феогност поддерживал московских князей, он пользовался признанием в Твери, в Брянске, в Новгороде Великом, на Волыни и был достаточно независим. Так, в 1347 г. он закрыл все московские церкви, узнав о третьей женитьбе великого князя Симеона Гордого, запрещенной каноническими правилами. Князь был вынужден обращаться за разрешением к патриарху.

Преемником митрополита Феогноста, причем утвержденным самим Феогностом, стал родившийся в Москве сын черниговского боярина Федора Бяконта Алексий. Митрополит Алексий занимал кафедру с 1353 по 1378 г. После смерти князя Ивана II Красного в 1359 г., в период малолетства его сына Дмитрия (будущего Дмитрия Донского), Алексий фактически являлся не только главой Церкви, но и правителем Московского княжества. И в дальнейшем до самой своей смерти Алексий в правление Дмитрия активно участвовал в московской политике. Например, когда во время борьбы за престол в Нижнем Новгороде нижегородский князь Дмитрий Константинович обратился за помощью к Москве, Дмитрий Иванович прислал московскую рать, а митрополит Алексий закрыл все церкви Нижнего Новгорода и Городца.

В 1366 г. Алексий вмешался в ссору тверских князей. Тверской епископ Варсонофий поддерживал сильнейшего князя. Митрополит вызвал Варсонофия, подверг притеснениям, вынудил выплатить деньги. Московская рать вторглась в Тверь. Начался вооруженный конфликт Москвы и Твери. В 1368 г. тверской великий князь Михаил Александрович был приглашен князем Дмитрием Ивановичем и митрополитом Алексием в Москву на переговоры с гарантиями безопасности. Однако тверской князь был арестован. Отпущен он был только под угрозой вмешательства хана Золотой Орды. Михаил Александрович обратился за помощью к литовскому князю Ольгерду, женатому на сестре Михаила. Ольгерд пошел с войском на Москву. Штурма города не было, но окрестности были разграблены. Митрополит Алексий оказал давление на русских князей: смоленских, брянских, верховенских, которые были вассалами Ольгерда, убеждая их, что присяга на верность язычнику силы не имеет, а грех нарушения крестоцелования брал на свою душу. Часть князей последовала призыву Церкви. После трех грабительских походов Ольгерда был заключен почетный мир с Литвой, закрепленный династическим браком Владимира Серпуховского с дочерью Ольгерда Еленой.

Москва стремилась возглавить борьбу Руси с Золотой Ордой. В 1375 г. тверская оппозиция была подавлена, и в 1380 г. объединенные войска русских княжеств во главе с князем Дмитрием Ивановичем Донским на Куликовом поле разгромили монголо-татар.

Князь Ольгерд жаловался патриарху Филофею на митрополита Алексия. С возмущением он писал, что митрополит благословлял москвичей на кровопролитие, снимал крестное целование, не посещал Киев и епархии в западных землях. Незадолго до этого письма, в том же 1370 г., польский король Казимир Великий написал Филофею грамоту с просьбой о собственном галицком митрополите, ссылаясь на упадок веры в Галицкой Руси и угрожая крестить русских в «латинскую веру». В мае

1371 г. на кафедре Галицкой митрополии утвердился митрополит Атоний. Князь Ольгерд требовал учредить самостоятельную митрополию для православного населения Великого княжества Литовского, исключая Смоленск, Новосиль, Тверь и другие русские города. Фактически речь шла не только о дальнейшем дроблении митрополии, но и о подчинении населения Северо-Восточной Руси в зависимость от литовского правительства.

Несмотря на то, что митрополит Алексий обвинялся Ольгердом и церковным собором в пренебрежении к южным и западным епархиям, нельзя сказать, что он не пытался охватить вниманием эти земли. В начале 1359 г. митрополит Алексий поехал в Киев, в котором пребывал переведенный из болгарской Тырновской митрополии митрополит Роман, происходивший из тверских бояр. Во время этой поездки князь Ольгерд арестовал Алексия и его спутников, отняв их имущество. Алексию удалось бежать через год или даже через два. В 1363 г. Алексий еще раз ездил в литовские земли, и опять безуспешно.

В 1375 г. константинопольский патриарх Филофей утвердил главой Русской митрополии патриаршего посланника в Киеве болгарина Киприана, при условии, что он вступит в должность после смерти митрополита Алексия. 12 февраля 1378 г. митрополит Алексий скончался. Князь Дмитрий Иванович, ссылаясь на неканоничность такого решения, не пустил Киприана в Москву. Приехавший из Киева Киприан был арестован, ограблен и, голодный, сутки просидел в темнице. На рассвете его вывели стражи, ругавшие патриарха «литвином», дали ему коня и прогнали прочь. Киприан упрекал позже в письме духовников московского князя Сергия Радонежского и Федора Симоновского в том, что они не перечили Дмитрию Донскому и не спасали утвержденного патриархом митрополита.

Князь Дмитрий Иванович выдвинул кандидатом в митрополиты своего духовника Михаила Митяя. Митяй был приходским священником коломенской церкви Успения Богородицы. Он был высокого роста и представительной внешности, обладал красивым и мощным певческим голосом. Умение Митяя талантливо говорить и его глубокая книжная образованность произвели большое впечатление на князя Дмитрия Ивановича, не умевшего читать и писать. Принадлежавший к белому духовенству Митяй был в начале 1376 г. насильственно пострижен и при поддержке князя возведен в архимандриты кремлевского Спасского монастыря. После смерти Алексия Митяю были поручены функции митрополита. Собор русских церковных иерархов избрал Митяя епископом и митрополичьим наместником.

В июле 1379 г. Митяй отправился в Константинополь и в пути неожиданно умер. Его спутники вписали в листы пергамента с княжескими

печатями имя переяславского архимандрита Пимена. Патриарх поставил Пимена митрополитом, не передавая ему епархий Киприана. Когда посольство вернулось, Дмитрий Донской арестовал Пимена и, сняв с него белый клобук, отправил в заточение. В 1381 г. князь Дмитрий согласился на прибытие в Москву Киприана. В 1382 г. отношения между ними вновь испортились: несмотря на просьбу князя, Киприан оставил Москву и бежал в Тверь при приближении к городу войска хана Тохтамыша. Киприан опять отбыл в Константинополь, в Москву привезли Пимена. Объявился еще один претендент на митрополичий престол – суздальский епископ Дионисий. Ситуация усугублялась тем, что Константинополь поддерживал разные кандидатуры. Лишь в 1390 г., после смерти Дмитрия Донского и митрополита Пимена, кризис был преодолен: сын Дмитрия, князь Василий I, примирился с возвратившимся в Москву Киприаном. С Литвой, занятой борьбой с Ливонским орденом, был заключен мир, подкрепленный династическим браком. Василий I при посредничестве преподобного Сергия Радонежского женился на дочери литовского князя Софье Витовтовне. Киприан занял кафедру митрополита до самой своей смерти в 1406 г. Ему удалось объединить под своей властью всю русскую митрополию, включая ее литовскую часть. (Митрополия распалась опять после его смерти.) Киприан активно поддерживал князя Василия I и московскую политику.

Московские князья в своей политике объединения русских княжеств вокруг Москвы опирались на авторитет Русской Православной Церкви. Иван Калита построил 5 каменных храмов: Успенский собор (в 1326 г.). храм Иоанна Лествичника внутри колокольни Ивана Великого (в 1329 г.), Спасскую церковь (в 1330 г.), храм Михаила Архангела (в 1333 г.) и храм Святого Петра, бывший пристройкой к Успенскому собору. Эти храмы составили основу архитектурного ансамбля Кремля. Хотя каменное строительство было очень дорогим, Иван Калита сознательно делал все, чтобы Москва становилась религиозным центром. При митрополите Алексии в Москве были возведены несколько монастырей: Чудов в Кремле, Спасо-Андроников, Алексеевский, Симонов, а также первые каменные стены Московского Кремля. В 1395 г., согласно легенде, произошло чудесное избавление Москвы от нашествия войск Тимура (Тамерлана), благодаря тому, что митрополит Киприан велел перенести из владимирского Успенского собора в Москву особо чтимую икону Богородицы Владимирской.

С началом возвышения Московского княжества при правлении Ивана Калиты (1325–1340) наметился подъем церковной жизни, возобновилось развитие монашества. Возросло количество белого духовенства. Священники в приходы подыскивались вотчинниками сел или самой

приходской общиной, обладавшей ктиторскими правами, причем присланных епископами священников могли и не принять. Епископу представляли кандидата для посвящения (дьяка) или безместного священника. Такой священник мог даже не утверждаться епископом. Достаточно было, чтобы он предъявил местному десятиннику переходную (отпускную) грамоту, свидетельствующую, что он действительно является священником и ему эта деятельность не запрещена. Поскольку священников без мест работы было много, возникала конкуренция. Священнические места продавались общиной или, если вотчина была государственной, то дворецкими или дьяками государей. Число приходов увеличивалось непропорционально населению. Вотчинники открывали приходы ради престижа, крестьяне государственных (черных) земель стремились иметь церковь поближе, чтобы не ездить к службам далеко. Священники, не имевшие места работы, соглашались за небольшую плату служить в новых церквах.

По-прежнему сохранялись домовые церкви. Строились специально для поминовения усопших городские церкви (соборы). В Москве, Пскове и Новгороде было по 7 соборов (почему-то по числу вселенских – источник это специально подчеркивает). Священники были своего рода средневековой «цеховой» организацией. В Новгороде в кафедральном соборе Святой Софии служили все священники города по неделе. Были священники, полностью или частично приписанные к разным соборам. В Пскове были частично приписаны к соборам и городские, и областные священники. Община священников ежедневно отправляла службу в 2–3 соборах, а поминовенные деньги составляли общий доход. Дети священников становились священниками, сословие самовоспроизводилось, хотя формально доступ мирянам в священнослужители закрыт не был.

Десятины в этот период не было, но существовала подворная подать, которая взималась епископами с оброчных людей княжеских и частных вотчин, какая-то часть дохода со всех мирян. Как происходило прямое обложение податью – неизвестно. Еще одним источником доходов епископата были подати, взимаемые с низшего духовенства. Архиерейские чиновники осуществляли подворную опись приходов, результаты которой заносились в окладные книги. По этим книгам определялась подать, которую собирали десятинники, а отвечали за нее церковные старосты или выборные священники. Кроме того, с низшего духовенства бралась поземельная подать, а также священническая, предназначенная на оплату ежегодной поездки архиерея по епархиям. Со священнической податью не все понятно, поскольку еще на Владимирском соборе 1274 г. митрополит Кирилл запрещал епископам брать со священников «нашу» подать под

угрозой отлучения. Источниками дохода низшего клира были: жалование, плата за требы, подаяния и пожертвования, а также земельные наделы.

2.2. Сергий Радонежский. Подъем церковной жизни

С XIV по XVI вв. было основано наибольшее количество монастырей. Увеличению числа монастырей способствовали, с одной стороны, льготы, которыми пользовалось русское духовенство от татар, с другой стороны, усиление религиозности под влиянием событий нашествия. С начала XIV до середины XV вв. было основано до 180 (по другим данным – 200) монастырей. С середины XV до конца XVI вв. количественный прирост основанных монастырей составлял около 350. По некоторым подсчетам, к концу XVI в. на Руси было 754 монастыря, из них 655 мужских и 99 женских, 325 городских и 429 сельских.

Монастыри были общежительные (таких было меньшинство) и келиотские. В келиотском монастыре не велось общего хозяйства, а земельные вклады, положенные при поступлении в монастырь, оставались в распоряжении монахов, и они могли, уходя из монастыря, требовать их обратно. Самостоятельные монастыри (ставропигиальные) подчинялись митрополиту, являясь опорой митрополичьей и великокняжеской власти. В них могло находиться до 300 монахов. В XIV в. было 42 таких монастыря, в XV – уже 57 крупных монастырей. Приписные монастыри подчинялись другому монастырю. Были и совсем маленькие монастыри – пустыни, скиты, в которых могло быть по шесть, пять монахов, а иногда и по два. Малые монастыри подчинялись местным властям. Некоторые основатели монастырей сами писали уставы для своих обитателей: Кирилл Белозерский, Евфросин Псковский. Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Герасим Болдинский и другие. Уставы различались не в богослужебной, а в дисциплинарной части.

Общим для всех монастырей, независимо от устава, было то, что во главе его стоял настоятель (игумен, архимандрит), имевший совет из наиболее опытных монахов: келаря, ведавшего монастырскими вотчинами, сборами, доходами и расходами; казначея, отвечавшего за казну; дьяка (подьячего), занимавшеюся монастырской перепиской; трапезаря; ризничего; привратника и др. Настоятели избирались монастырским собором или назначались епархиальным архиереем, а игумены самых знатных монастырей утверждались или назначались князем. Большинство привилегированных монастырей находились под покровительством князей и митрополитов, которые пользовались монастырскими доходами и вмешивались в монастырскую жизнь. Прием в монастырь был свободным, но от вступавшего требовалось внесение «вклада» деньгами или

имуществом. Принятые без вклада «Бога ради» не считались действительными членами общины, не принимали участия в монастырской жизни. Из них составлялось бродячее монашество. В некоторых монастырях монахи и монахини жили вме-сте, иногда женские монастыри приписывались к мужским и управлялись игуменами мужского монастыря.

Идеалом монашеской святости этого времени является образ преподобного Сергия Радонежского. По словам Георгия Федотова, «преподобный Сергий, в еще большей мере, чем Феодосий, представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и киновит совместились в его благодатной полноте».

В 1422 г. были обретены мощи Сергия, появились сказания о чудесах. Младший современник Сергия Епифаний Премудрый написал необходимое для канонизации житие. В середине XV в. Пахомий Сербский составляет новую редакцию жития Сергия Радонежского. Названные авторы писали стилем «плетения словес», предполагающим сложную риторику, соблюдение канонов церковных образцов жития, поэтому к ним нельзя относиться как к биографам святого.

Согласно житию, Сергий Радонежский (в миру – Варфоломей) родился между 1314 и 1322 гг. в семье ростовских бояр. Около 1328 г. семья Сергия была переселена на окраину Московского княжества, где они получили в вотчину городок Радонеж. В то время из Ростова были выселены все противники московского князя. После того как старший брат Сергия Степан принял постриг после смерти жены, Сергий решает уйти с ним в монастырь. Родители были против этого, после их смерти Сергий обращается к брату с просьбой уйти вместе в пустыню. (Пустыней в русской монашеской традиции называется безлюдная местность, которая может быть, например, лесом.) В 1337 г. братья поселились в 14 верстах от Радонежа на холме Маковец, где ныне расположена Троице-Сергиева лавра. Через некоторое время Степан ушел в Москву. В Богоявленском монастыре он познакомился и подружился с митрополитом Алексием. Два года Сергий живет в одиночестве, затем к нему приходят другие иноки, и в 1344 г. возникает община из 12 человек. Сергий был пострижен старцем Митрофаном 6 октября 1345 г. В начале 40-х гг. при поддержке Степана была построена церковь Святой Троицы. Община быстро росла, игуменом в течение 48 лет был Сергий, хотя официально сан игумена он получил от епископа в 1354 г.

Митрополит Алексий претворял в жизнь план преобразования русской монашеской жизни на основе возрождения традиции общего жития (киновии). Такая реформа могла быть проведена только

митрополитом, но требовался человек, на примере которого можно было бы учиться, который на практике показал бы, что такое общее житие. В 1355 г. Сергий через митрополита Алексия получает грамоту от Константинопольского патриарха Филофея с благословением на устройство общежительного монастыря. В середине 60-х гг. игумену передан и крест – мощевик. Сергий Радонежский стал признанным киновиархом Северо-Восточной Руси. Он перестраивает жизнь Троицкого монастыря, восстанавливая традиции киновиального монашества, учрежденного на Руси Антонием и Феодосием Печерскими. Монахи сопротивлялись реформам, даже вернувшийся в это время в Троицкий монастырь брат Степан не поддержал Сергия. В результате конфликта Сергий уходит из Троицкого монастыря к преподобному Степану Махрищскому в монастырь на реке Махра. Вместе с иноком этого монастыря Сергий основывает Благовещенский монастырь на реке Кержач (на великокняжеской земле). Митрополит Алексий присылает грамоту Сергию с требованием вернуться в Троицкий монастырь. После возвращения игумена обновленный монастырь развивается как киновия.

Ведущее место в монашеской аскезе Сергиева монастыря занял физический труд. В нем Сергий подает пример братии, не стремясь к господству над другими монахами. Обитель при Сергии была бедна, вкладные грамоты, относящиеся к периоду игуменства Сергия, признаны поддельными. Монашеское братство, основанное Сергием, производило глубокое назидательное впечатление. Традиции киновии связаны с развитием учения исихазма. В 1368 г. исихасты победили на Константинопольском соборе. Преподобный Сергий обладал мистическим опытом, сходным с опытом греческих исихастов, но независимым от них.

Сергий принимал активное участие в политической жизни. В 1365 г., во время распри нижегородского князя Бориса с Москвой, Сергий прибыл в Нижний Новгород, закрыл в городе все церкви и склонил князя прекратить мятеж. В 1385 г. рязанский князь Олег напал на Коломну, взяв в плен бояр. Московский князь Дмитрий Иванович пошел с войском на Рязань. После вмешательства Сергия Олег отказался от вражды с Москвой. В 1390 г. Сергий способствовал возвращению на московскую кафедру митрополита Киприана. Умер Сергий Радонежский в 1391 или 1392 г., оставив учеников, продолжавших его дело. Традиции школы Сергия определили феномен русской святости.

С традицией социально-государственного служения монашества связаны московские монастыри, возникшие к югу от Москвы. В 1360 г. учеником Сергия преподобным Андроником был основан Спасо-Андроников монастырь. В 80-е гг. XIV в. ученики Сергия Радонежского создают ряд монастырей: Савва Звенигородский основал Сторожевский

монастырь в Звенигороде, Никита – в Боровске, Афанасий Высотский – в Серпухове (на высоком берегу реки Нара). В церковной традиции ученики Сергия связываются со «вторым монашеским служением» – служением ближнему и любовью к ближнему. Афанасий Высотский изучал святоотеческую традицию в Константинополе, делал переводы церковных текстов, в том числе Иерусалимского монашеского устава («Око церковное»), вытеснившего в Византии Студийский устав.

Южные монастыри строились как крепости, защищавшие подходы к Москве с юга. Близость к политическому центру предопределила их активное участие в жизни государства. В 1370 г. племянник Сергия Феодор, выросший в Троице-Сергиевом монастыре, основывает Симонов монастырь. В числе его покровителей – влиятельные бояре Вельяминовы. Сам Феодор был духовником московского тысяцкого. Он много занимался мирскими делами, был дипломатом, представителем и послом при константинопольском дворе. В конце жизни (ум. 1395 г.) Феодор был ростовским архиепископом. Кирилл Белозерский, принявший здесь постриг, состоял в родстве с окольничим Тимофеем Вельяминовым, монах Ферапонт происходил из волоколамских бояр. С самого начала Симонов монастырь быстро богатеет. В 1379 г. купец Степан Ховрин строит в монастыре каменную церковь и каменные кельи. К 1380 г. Симонову монастырю принадлежит село Воскресенское на реке Дубенке, которое затем обменивается на семь великокняжеских бортных деревень и пустыньку игумена Афанасия у Медвежьих озер. Дмитрий Донской пожертвовал Симонову монастырю село Борисовское с деревнями и соляные варницы в Соли Галичской, угодья с озерами и песками на Волге под Нижним Новгородом.

Интенсивный прирост монастырских земельных владений и богатств приводил к постановке проблемы совместимости наличия крупного имущества монастырей и идеалов монашеской святости. Уже Сергий Радонежский стремился к нестяжательству. Игумен Афанасий обращался с этим вопросом к митрополиту Киприану, который, опираясь на древних отцов и традиции Афона, отвечал, что владение имуществом разрушает монашеское житие: «...пагуба чернецам селы владети», а если монастырь имеет вотчину, монахи не должны ее посещать. Никон Радонежский, ставший игуменом Троице-Сергиева монастыря после смерти Сергия, создал большое монастырское хозяйство. При Никоне Радонежском монастырь получил большие земельные владения – вотчины, деревни и села, денежные вклады. Кроме того, была построена каменная церковь над мощами Сергия с надгробной иконой «Троица» Андрея Рублева. Никон утверждал, что Сергий верил не уставам, а людям и поэтому полагал, что имущество не будет использовано во зло. Никон считал, что надо смотреть

конкретно в каждом случае, во благо ли дары, как влияет монастырская собственность на нравы монахов, на их суровый аскетический быт.

С середины XIV до середины XVI вв. шел интенсивный рост церковного землевладения. Угодья имелись при епископских кафедрах и архиерейских домах, при церквях и соборах, при монастырях. С середины XIV в. появился новый тип монастыря: основатель добивался от князя пожалования земли, принимал от феодалов пожертвования «на помин души», покупал или выменивал земли. Таким образом, складывалось обширное хозяйство, занимавшееся торговлей и даже ростовщичеством; монастырь фактически был вотчиной. Надо отметить, что в жалованных грамотах говорится: земля принадлежит не монастырю, а Богородице или Троице и т.д. Особенно крупные земельные владения были у московского митрополичьего дома и у монастырей вокруг Москвы. Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана от 28 июня 1404 г. «О людех о волостех церковных» гласит, что митрополит имеет право суда над населением земель митрополичьего дома. Причем боярам и слугам великого князя запрещено митрополичьи земли покупать, а ранее купленные предлагалось возвратить. Церкви принадлежали слободы и некоторые города (Алексин на Оке, Гороховец). Церковь получала доходы от торговли, от соляных и рыбных промыслов, причем она была освобождена от таможенных сборов и имела широкий податный и судебный иммунитет, а податные и судебные льготы приносили немалый доход. Сохранились документы, свидетельствующие, например, что костромской Ипатьев монастырь собирал пошлину за переезд через реку Кострому, что крестьянам Троице-Сергиева монастыря в шестидесятых годах XV в. был ограничен «выход» от владельцев Юрьевым днем. Уставная грамота митрополита Киприана от 21 октября 1391 г. Константино-Еленинскому монастырю предписывает монастырским крестьянам строить здания, ловить рыбу, охотиться на бобров, молоть солод, варить пиво, прясть лен, делать сети, производить сельскохозяйственные работы, отдавать на Пасху игумену по телке и пр.

К концу XV в. большинство монастырей были крупнейшими земельными собственниками, а их вотчины составляли до трети всех обрабатываемых земель Российского государства. Источниками монастырского богатства были вклады по завещанию «на помин души», имущество богатых постриженников, пожелавших в старости принять монашество. Распространились и насильственные пострижения. Такие монахи в монастырях продолжали вести светский образ жизни, были заняты мирскими делами.

Повинности крестьян на монастырских землях были легче, чем в боярских вотчинах. К концу XVI в. у московских Симонова,

Новоспасского и Вознесенского женского, Ростовского, Борисоглебского, калязинского Троицкого, суздальских Спасо-Евфимьего и Покровского женского монастырей крестьян было больше, чем по 2 тысячи дворов; у Ипатьева и Чудова монастырей – свыше 3 тысяч дворов; у Кирилло-Белозерского монастыря – 5 тысяч дворов.

Наиболее интенсивно шло строительство монастырей к северу от Москвы. С северными монастырями связана мистическая традиция русского монашества, прежде всего монашеское безмолвие (отрешение от внешних забот, молчание страстей, умное делание), исихазм. В 1393 г. монахи Симонова монастыря Кирилл и Ферапонт основывают общежительный монастырь на Белоозере в Вологодской земле, позже получивший название Кирилло-Белозерского. Кирилл Белозерский, постриженный Степаном Махричским, был знаменит как аскет и подвижник, доходивший до юродства. Ему было видение Божией Матери, повелевшей идти на север. Соратник Кирилла, преподобный Ферапонт, создает Ферапонтов монастырь в 15 верстах от Кирилло-Белозерского, знаменитый иконными росписями крупнейшего русского иконописца XV в. Дионисия. Вокруг монастырских обителей возникали многочисленные скиты и отдельные кельи монахов.

Не менее важным центром северного подвижничества стал Комельский лес на юге Вологодской земли с реками Обнорой и Нуромой. Там основали свои обители Павел, Сергий и Сильвестр Обнорские, а также Сергий Нуромский. Преподобный Дионисий Глушицкий создал Спасо-Каменный монастырь на берегу Кубенского озера на севере Вологодской земли. Ученики Дионисия основывают в округе еще семь обителей. Наиболее прославленной стала Глушицкая обитель.

Духовным средоточием Северной Руси стал Соловецкий монастырь. В 1429 г. монах Кирилло-Белозерского монастыря Савватий основал на Большом Соловецком острове Секиро-Вознесенский скит. Монахи Валаамского монастыря Герман и Зосима создали здесь же киновию. Преподобный Зосима Соловецкий прославился не только как подвижник, но и как организатор монастырской жизни, определивший ее характер на Соловках на несколько веков.

Указанные монастырские центры не исчерпывают северной ветви русского монашества. Можно назвать также обители, основанные преподобным Дмитрием Прилуцким на Вологодчине, Авраамием Чухломским и Иаковом Железноборовским в Костромской земле, и многие другие. В церковной традиции территория к северу от Москвы получила наименование «Северной Фиваиды» – по имени провинции Верхнего Египта, центра монашеской жизни в первые века христианства.

В житиях описывается борьба подвижников с силами дикой природы и с разбойниками. Разбойники два раза нападали на Сергия Нуромского и однажды сильно его избили. Преподобный Корнилий Комельский, поселившийся в разбойничьей хижине, был ограблен. Подверглась нападению и обитель Дионисия Глушицкого.

Монастырская колонизация положила начало заселению обширных территорий русского Севера, которое происходило очень быстро. Вскоре после своего основания монастыри получали от князей дарственные грамоты на окрестные земли, причем землям этим давались привилегии: они освобождались от тягла, оброков и государственных податей. Поэтому крестьяне охотно в массовом масштабе заселяли Север. В житийной литературе описываются и случаи враждебных столкновений крестьян с подвижниками. Обосновавшиеся на земельных участках переселенцы считали их своей собственностью. Когда же приходили и поселялись монахи, крестьяне пытались их прогонять, опасаясь передачи их земель монастырю, что на практике часто и происходило. Так, землевладельцы братья Юрковские принудили оставить свою обитель преподобного Стефана Махрищского. Однако после его ухода монастырь продолжал существовать. Дмитрий Прилуцкий был изгнан онежскими крестьянами.

Монастыри с их крепкими стенами становились центрами поселений. Рядом с монастырями появлялись больницы, гостиницы, богадельни. Они выполняли многие экономические, торговые, градообразующие и иные функции. Например, город Устюг возник возле Гледенского монастыря, Ветлуга – около Варнавинского, Кашин – возле Калязинского.

Для совершения богослужения требовались грамотные люди, и монастыри выступали как распространители религиозного просвещения. При монастырях открывались библиотеки, появлялись школы для обучения грамоте. Монахи переписывали книги, делали переводы, писали летописи. Отношение к рукописям было бережным, даже необразованные люди понимали, что, во-первых, манускрипты дорого стоят, а во-вторых, они имеют практическую пользу. Например, на основании юридических документов и записей можно доказать права монастыря на земельные участки.

2.3. Деятельность преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого

Монашеский идеал Сергия Радонежского развивался в среде его последователей в двух направлениях: уединении в пустынножительстве для молитвенного созерцания и социально-государственном служении, направленном на осуществление божиих заповедей в миру. Обе тенденции достигли вершины своего развития в учениях и деятельности

преподобного Нила Сорского (1433–1508) и преподобного Иосифа Волоцкого (1439 или 1440–1515).

Преподобный Нил, происходивший из аристократического рода Майковых, был учеником старца Паисия Ярославова из Кирилло-Белозерского монастыря. Видимо, от своего учителя он усвоил идею необходимости для монаха внутренней духовной жизни. Долгое время Нил Сорский пребывал на Афоне, где усвоил духовный опыт исихазма. Вернувшись в Россию, Нил поселился с учениками в 15 верстах от Кирилло-Белозерского монастыря на реке Сорке, где основал скит Нилова пустынь. В отличие от киновии и отшельничества, скитская жизнь предполагает, что живущих в уединении вблизи друг друга монахов связывают общие богослужения и взаимопомощь. Нил приходил в монастырь только на всенощную и литургию.

Преподобный Нил оставил значительное литературное наследство – обширный «Скитский устав», многочисленные письма ученикам на темы духовной жизни, в которых он развивает идеи исихастов: «Предание ученикам», «Покаянная молитва», «Завещание». Нил Сорский знал учения Григория Синаита и Григория Паламы. Он был знаком с сочинениями таких отцов Церкви, как Иоанн Кассиан Римлянин, Нил Синайский, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов. Будучи противником всяческой внешней красоты, внешних эффектов, Нил Сорский не принимал аскетических крайностей. Форма его аскезы – не умерщвление плоти, а духовное самосовершенствование, монашеское нестяжание как верность евангельскому образу униженного Христа. Нил и его ученики жили на полном самообеспечении, не принимая даров. Нестяжание было для Нила Сорского не только личным идеалом, но и церковным: он выступал против монастырских богатств, церковных украшений и монастырского землевладения, отрицал практику податей от крестьян на монастырских вотчинах. Нил считал, что Церковь должна иметь только необходимое «повсюду обретаемое и удобь покупаемое».

Придавая решающее значение внутреннему духовному самосовершенствованию монаха, причем сознательному, Нил Сорский углубленно анализировал появление и развитие греховных помыслов и средства их преодоления. Восемь пороков инока, греховных страстей, – это чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Каждый греховный помысел, прежде чем превратиться в страсть, проходит пять степеней развития: прилог (греховная мысль только приходит на ум), сочетание (собеседование с пришедшей мыслью), сложение (возникающая в душе благосклонность к греховной мысли), пленение (увлечение мыслью), страсть (греховная мысль постоянно волнует человека). Старцы, т.е. опытные монахи, далее других продвинувшиеся на

пути монашеского подвига, могут пресекать греховные помыслы на любой стадии. Но для большинства иноков это невозможно, поэтому необходимо захватывать греховные мысли и пресекать их на первой стадии. Средствами преодоления страстей могут быть молчание, сосредоточенность, раскрытие сердца своего перед опытным наставником и умная молитва. Элементы умной молитвы – это, во-первых, молчание мыслью (отвлечение энергий ума от всякого чувственного предмета) и, во-вторых, Иисусова молитва. Текст молитвы короток: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», но повторяется она в уме беспрестанно. Монах должен отключиться от всего внешнего, сосредоточиться, только в этом случае может произойти внутреннее преображение, очищение. Нил рассуждал и о восьми добродетелях монаха, которыми являются: пост, целомудрие, нестяжание, милосердие, вера, терпение, скромность, смирение.

Сторонником совершенно иного религиозного идеала был преподобный Иосиф Волоцкий. Иосиф Волоцкий или Волоколамский (в миру дворянин Иван Санин) родился в деревне Язвище близ Волоколамска. Он принял в 1459 г. монашество в Пафнутьевском монастыре в Боровске и, будучи любимым учеником Пафнутия Боровского, стал игуменом после смерти наставника. Поскольку в монастыре не было строгой киновии, Иосиф попытался ввести строгости. Столкнувшись с оппозицией братии, он ушел и как рядовой инок стал ходить по монастырям Руси. Нигде, кроме Кирилло-Белозер-ского монастыря, ему не понравилось, поскольку не было благолепия, а Иосиф, в отличие от Нила Сорского, решающее значение придавал не мистическому опыту «умной молитвы», а строжайшему выполнению предписаний монастырского устава и обрядовой стороне богослужения. В 1479 г., получив покровительство Волоколамского удельного князя Бориса, брата Ивана III, Иосиф основал на его землях Успенский Волоцкий (Волоколамский) монастырь, ставший одним из богатейших.

В исторический период, когда завершалось объединение Руси и велась борьба за возвращение западных земель, когда происходящие в обществе процессы воспринимались как созидание нового мира, идеи Иосифа о наведении порядка, о преодолении произвола и удельной анархии, о борьбе с еретиками были очень уместны.

В отличие от Нила Сорского, преподобный Иосиф видел в монашеской жизни прежде всего социальное предназначение. Отвергая «стяжание» как способ личного обогащения, Иосиф рассматривал монастырское богатство как средство благотворительности. Монастырь ежегодно тратил в благотворительных целях до 150 рублей (половина рубля, «полтина», в те времена – стоимость коровы). Материальную поддержку от монастыря получали свыше 7 тысяч жителей окрестных деревень. Ежегодно в

монастыре кормилось около 700 нищих и калек. В монастырском приюте содержалось до 50 детей-сирот. Преподобный Иосиф активно участвовал в политической жизни Московского государства, был советником великого князя Ивана III.

Спор нестяжателей и иосифлян проходил по ряду вопросов. Во-первых, относительно земельной собственности. Нил Сорский и его последователи, заволжские старцы, считали, что у монастырей не должно быть вотчин, поскольку хозяйственные хлопоты отвлекают инока от его дела. Кроме того, иметь земли и жить чужим трудом означает не соответствовать евангельским идеалам. Иосифляне полагали, что монастырские земли необходимы.

Второй вопрос, по которому были разногласия, – это отношение к власти и проблема места Церкви в системе Русского государства. Нил Сорский и заволжские старцы считали, что одной из задач монашества является обличение власти, а для этого монашество и Церковь в целом должны быть экономически независимы. Иосифляне утверждали, что Церковь должна уступить власти московских государей, закрывая глаза на необходимое зло власти.

Третий вопрос спора состоял в отношении Церкви к еретикам. Вопрос был актуальным в связи с распространением ереси жидовствующих. В отличие от жестко настроенных иосифлян, нестяжатели полагали, что еретиков надо перевоспитывать как заблудших овец. Преподобный Нил, хотя и высказал несогласие с воззрениями жидовствующих, но отказался санкционировать против них репрессивные действия, считая недопустимым принуждение в делах веры.

В открытой форме столкновение нестяжателей и иосифлян проявилось на Церковном Соборе 1503 г., поставившем вопрос о церковном землевладении. Выступившие на Соборе Нил Сорский и Паисий Ярославов потребовали, чтобы у монастырей сел не было, а монахи кормились рукоделием.

На Соборе 1504 г., осудившем жидовствующих, от имени последователей Нила (Горского) было оглашено «Послание заволжских старцев», направленное против казней еретиков. В нем утверждалось, что даже к нераскаявшимся еретикам нельзя применять жестоких наказаний, поскольку первый долг Церкви – кротость, а раскаявшиеся еретики вообще не должны подвергаться репрессиям.

Вначале государственная власть поддерживала нестяжателей. Иван III нуждался в земельных ресурсах для создания служилого поместного войска. Князь Василий III, вступивший на престол в 1505 г., и митрополит Валаам поначалу тоже склонялись к стороне нестяжателей, однако позже, с 1521 г., ситуация изменилась. С 1522 по 1539 гг. предстоятелем Русской

Церкви был митрополит Даниил, составитель Кормчей книги и Никоновской летописи, иосифлянин по убеждениям. При нем начались гонения на нестяжателей. Иосифлянами были и следующие митрополит Иосиф и митрополит Макарий. В 1531 г. был арестован и сослан в тюрьму Кирилло-Белозерского монастыря ученик преподобного Нила Вассиан Патрикеев, писавший послания против вотчин. Гонениям подверглись многие последователи «заволжских старцев», в результате чего в 50-е гг. XVI в. немало скитов на Белоозере опустели.

В 1525 г. начался и в 1531 г. продолжился суд над выдающимся церковным писателем Максимом Греком. Максим Грек (Триволис), выходец из афонских монастырей, широко образованный и хорошо ориентирующийся в богословских дискуссиях, был близок к нестяжательству. В 1518 г. он приехал на Русь по приглашению в качестве консультанта по переводам богослужебных текстов. Вокруг проживавшего в Симоновом монастыре Максима сложился кружок образованной молодежи. Один из участников этого кружка – боярин Иван Никитич Берсень – был по доносу осужден и обезглавлен за «хулу на великого князя» Василия Ивановича. Максим Грек обвинялся по этому делу и делу дьяка великого князя Федора Жареного, его судил митрополит и собор епископов. Кроме политической неблагонадежности Максим обвинялся в хуле на патриарха (говорил в неудачной форме о том, что на Руси патриарха на церковных службах не поминают), в уголовном преступлении – колдовстве, в ереси (внося правки в богослужебные книги, он сделал перевод – «кальку» с греческого, употребив форму прошедшего времени в словах «седел одесную Отца» и иные ошибки в связи с недостаточным знанием русского языка), в шпионаже в пользу Турции (в связи с его контактами с турецким послом Скиндером). До самой смерти Максим Грек скитался по монастырским тюрьмам – сначала Волоколамского, затем Тверского Отрочь монастыря и, несмотря на многочисленные просьбы его самого, его друзей и даже патриархов антиохийского, константинопольского, иерусалимского, не был отпущен на родину. Ныне Максим Грек канонизирован. Опальный писатель оставил обширное литературное наследие, включающее экзегетические, полемико-богослов-ские и нравственно-обличительные сочинения. Максим Грек пользовался уважением многих современников, у него были последователи (князь Курбский, монах Зиновий Отенский, архиепископ Казанский Герман и др.).

И все же, судя по средневековой литературе, богословская ученость не относится к числу монашеских добродетелей на Руси. В явной форме похвалы разуму и книжной учености содержатся, пожалуй, только в сочинениях Максима Грека. Нил Сорский высказывает идеи, что инок

должен «вся с рассуждением творити» и, изучая религиозные тексты, помнить, что «писания много, но не вся божественна». Переписывая книги, Нил сличал разные экземпляры источников («списки»), подвергал материал критике и списывал только то, что «по возможному согласно разуму и истине». За это Иосиф Волоцкий упрекал Нила Сорского и его учеников: «...похулиша в русской земле чудотворцев» и «...в древняя лета и в тамошних землях бывших чудотворцев... чудесем их не вероваша, и от писания изметаша чудеса их». Об уровне развития богословия можно судить по сочинениям, посвященным критике ересей.

О средневековых русских ересях нам известно мало и только по сочинениям их противников. О еретиках сообщает Новгородская летопись, в которой под 1375 г. говорится об утоплении в Волхове трех «развратников веры», в том числе диакона Никиты и Карпа-стригольника. Сохранились также такие источники, как «Книга, нарицаемая Власфимия, рекше хула на еретики, главы различные от евангелия и от канонов св. отец, в них же обличения Богу ненавистных злоречивых духопродажных ересей»; «Мерило праведное», написанное Стефаном Пермским в 1386 г. по просьбе новгородского архиепископа. О ересях говорится в житии новгородского архиепископа Моисея, в двух посланиях митрополита Фотия от 1416 и 1427 гг., в послании патриарха Нила, привезенном в 1389 г. из Константинополя архиепископом Суздальским Дионисием. Критика ересей содержится в сочинениях преподобного Иосифа Волоцкого.

Поскольку сохранившихся источников мало, исследователи и церковные историки строят самые различные предположения о характере еретических движений. Усматриваются параллели с другими ересями (богомильство, византийский арсенитский раскол), с доводами нестяжателей. Встречается в литературе даже отрицание существования ереси жидовствующих и объявление гонения еретиков чисто политическим делом.

Средневековые ереси часто имели антиклерикальную направленность. В XIII в. тверской монах Акиндин обличал продажу церковных должностей, обвиняя поставленных за мзду священников в покупке благодати. Особое распространение ереси получили среди городских жителей с XIV в.

Одним из самых известных еретических течений было движение стригольников в Новгороде и Пскове, распространившееся среди посадских людей и низшего духовенства. Стригольники не признавали институт современной им Православной Церкви, иерархию и монашество. Согласно источникам, стригольники считали, что для души умершего не может быть полезным то, что сделают другие люди, поэтому они отрицали молитвы за души умерших. Стригольники отказывались от исповеди в

церквах, предпочитая исповеди матери-земле. Возможно, идеалом стригольников, к которому они стремились, была Церковь времен апостолов. Стригольники подверглись преследованиям духовных и светских властей. Несмотря на то, что в 1375 г. лидеры стригольников были казнены, течение просуществовало до конца первой четверти XV в.

В конце XV – начале XVI вв. еретические течения распространились и в Москве, причем в движении участвовали не только социальные низы, но и представители боярской знати, высшего духовенства, члены великокняжеской семьи. За одним из еретических течений традиционно закрепилось наименование «ереси жидовствующих», поскольку церковные писатели связывали ее появление с приездом в Россию евреев и их идейным влиянием. Обличению жидовствующих был посвящен полемический трактат преподобного Иосифа Волоцкого «Просветитель».

В 1470 г. в Новгород в свите киевского князя прибыл ученый еврей Схария. По словам Иосифа Волоцкого, он «был научен всякому изобретению злодейства, чародейству и чернокнижию, звездознанию и астрологии». Кто был Схария, точно неизвестно. Он состоял в свите брата киевского князя Семена – Михаила Александровича и прибыл по приглашению новгородцев с разрешения литовского короля Казимира. Не исключено, что он происходил из крымских караимов, которые в XV в. переселялись в Литву. А возможно, он был из константинопольских евреев, испанских беженцев. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в то время в Константинополе был популярен раввин Коматяно, толковавший Пятикнижие с применением логики, этики, астрономии, медицины и философии. В «Просветителе» далее говорится, что сначала «он прельстил попа Дионисия и обратил его к жидовству... Дионисий привел к нему попа Алексия». Попы обратили свои семьи и хотели обрезаться, но Схария советовал им «держать жидовство тайно».

Согласно Иосифу Волоцкому, еретики утверждали, что истинный Бог не имеет ни Сына, ни Духа, ему единосущных; Христос – не Сын Божий, а человек, распятый иудеями и истлевший во гробе; его мать – не Богородица и почитаться не должна; Ветхий Завет Библии выше Нового Завета; о почитании икон, мощей, креста, о таинствах и монашестве в нем ничего не говорится, а потому признавать их не следует; истинный Христос, обетованный Мессия, еще не пришел, а когда придет, то наречется сыном Божиим не по естеству, а по благодати, как Моисей, Давид и др. Однако говорится, что еретики обращались и к новозаветным текстам. Кроме того, преподобный Иосиф Волоцкий и архиепископ Геннадий называют еретиков «сектой маркианской и мессалианской», следовательно, не иудаистской. Интересен круг книг, изучавшихся участниками движения, – еврейские тексты Библии, астрологические сочинения, трактаты

еврейского средневекового философа Маймонида (Рамбама), суфийского мистика аль-Газали.

Иван III и его ставленник московский митрополит Зосима к религиозному вольномыслию в тот период относились терпимо. Великий князь взял главных еретиков в Москву: Алексея – в Благовещенский собор, Дениса – в Архангельский. Образовался кружок, в состав которого вошли, в частности, посольский дьяк Федор Курицын, бывший послом в Венгрии и Литве, и невестка Ивана III Елена – дочь молдавского господаря.

В 1488–1490 гг. новгородский архиепископ Геннадий выступил против ереси жидовствующих; Собор 1490 г. проклял еретиков. Несколько человек подверглись монастырскому заключению, но вначале значительных репрессий не последовало. Только позже, под влиянием Иосифа Волоцкого, Собор 1504 г., проходивший под председательством Василия III, сурово осудил еретиков. Руководители движения были сожжены в клетках, остальные оказались в тюрьмах.

Возможно, на характере ересей отразились многие исторические реалии того времени. Не случайно ереси возникали прежде всего в новгородско-псковских землях. Если учитывать, что покорение Новгорода Москвой, случившееся в 1477–1478 гг., было негативно воспринято населением города, то вполне вероятно, что свободолюбие принимало религиозную форму. Уже мирный договор московского князя Василия Васильевича с новгородцами 1456 г. урезал многие свободы Новгорода. При Иване III «литовская» партия в Новгороде призывала искать покровительства у польского короля и выдвигала идею признать церковную власть литовского униатского митрополита Григория.

Нельзя забывать также, что и в Москву с XV в. приглашали западных мастеров, архитекторов, врачей. С приездом иностранцев распространялись реформационные идеи, которые в конце XV в. буквально витали в воздухе.

Не последнюю роль играли и идеи восточного религиозного инакомыслия: словесная молитва ниже умной; пост – удаление от злых дел, а не воздержание от мяса; раздача имущества монастырям вредит спасению души и др.

Нельзя, однако, считать, что ереси были исключительно результатом чужеродного влияния, смущавшего умы, – болгарского, еврейского, западноевропейского или какого-то еще. Невозможно в принципе привить какую-либо идею, если она не имеет почвы для укоренения. Безусловно, русские ереси были результатом собственного религиозного инакомыслия, реакцией на происходившие события и существовавшие порядки. Вероятно, подъему религиозных настроений также способствовало убеждение, что в 1492 г. должен наступить конец света, поскольку

существовало поверье, что второе пришествие последует, когда со времени сотворения мира исполнится 7 тысяч лет (5 508 + 1 492 = 7 000).

Распространение ересей в России достигло самого высокого уровня в середине XVI в. Наиболее радикальным из лидеров еретических течений был Феодосий Косой, беглый холоп, постригшийся в монахи на Белоозере и бежавший в 1553 г. в Литву от преследований. О взглядах Феодосия Косого можно судить, с оговорками, по критическому сочинению Зиновия Отенского.

Сочинение Зиновия Отенского «Истины показание к вопросившим о новом учении» написано в форме беседы со смущенными учением Косого «крылошанами». Оно представляет собой наряду с «Просветителем» Иосифа Волоцкого один из самых ранних русских систематических богословских трактатов. Проявляя богословскую эрудицию (начитанность в Писании, использование образов и аргументации из святоотеческой литературы), Зиновий Отенский излагает православное учение о Боге, Святой Троице, о воплощении, страданиях и искупительной миссии Христа, о почитании икон, святых, мощей, об обрядности и церковной иерархии. Он использует аргументы от разума, прибегая, например, в обосновании бытия Бога к телеологическим, космологическим, историческим тезисам. Учение Феодосия Косого излагается им пристрастно, с обвинениями автора в безнравственных поступках, с насмешками над прозвищем «Косой». Судя по этому источнику, Феодосию свойствен антитринитаризм (отрицание догмата о Святой Троице и божественной природе Иисуса Христа), отрицательное отношение к иконопочитанию и церковным обрядам.

Немногое известно и об учении Матвея Башкина, принадлежавшего к московскому дворянству. Учение Матвея Башкина имело социальный характер, причем в своей критике существующих порядков он не останавливался только на теории: считая несовместимым с евангельскими принципами институт холопов, он отпустил на волю своих холопов. Матвей Башкин был арестован в 1553 г. и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь. Собор 1553–1554 гг., в котором принимал участие Иван Грозный, осудил Башкина и обвинявшегося в соучастии игумена Благовещенского монастыря Артемия. Взглядам Матвея Башкина был свойствен антитринитаризм. Возможно, он отвергал таинства, храмы, иконы, сомневался в истинности церковного предания и житий. В качестве источников учения Башкина на Соборе были названы: ересь жидовствующих, учение заволжских старцев, лютеранство. Однако есть серьезные основания считать, что взгляды Башкина были самобытными. Документов об этом учении сохранилось мало. Помимо «Соборного послания» остались «жалобницы» Симеона и Сильвестра – священников

Благовещенского собора, Соборная грамота в Соловецкий монастырь о заключении игумена Артемия и послание царя Ивана Васильевича к Максиму Греку о ереси.

Еще одной отличительной чертой монашества периода XIV–XVI вв. является стремление «вразумлять власть». В посланиях Кирилла Белозерского князьям представляется образ идеального, можно сказать, утопического правителя. Кирилл Белозерский призывает видеть правду другого человека, вести простой крестьянский образ жизни, быть милостивым. «Вразумляли» сильных мира сего и другие монахи: Григорий Пельшенский обличал Дмитрия Шемяку, Пафнутий Боровский – митрополита Иону, Сильвестр Благовещенский – молодого Ивана Грозного.

Велась активная миссионерская деятельность. Православные миссионеры распространяли христианство среди коренных этносов Севера финно-угорской группы: комизырян, коми-пермяков, самоедов (ненцев), вогулов (манси), лопи (саамов).

В одном из русских поселений на Пермской земле – в городе Великом Устюге – около 1345 г. в семье священнослужителя родился будущий просветитель народа коми Стефан, епископ Пермский (в миру – Степан Храп). Пермская земля с XII в. находилась в номинальной зависимости от Новгорода Великого, а с XIV в. населяющие ее коми-зыряне становятся данниками московского великого князя.

Житие Стефана, составленное Епифанием Премудрым, написано стилем «плетения словес», предполагающим мало фактов и много риторики. Известно, что Стефан в течение десяти или двенадцати лет был дьяком в устюжском соборе, где «научился грамматической хитрости и книжной силе». Он принял монашество в монастыре Григория Богослова в епархиальном городе Ростове Великом. Житие сообщает о его успехах в церковной и светской учености, свободном владении греческим языком. В двадцать пять лет Стефан был посвящен в иеродиаконы.

В качестве служения Стефан выбрал путь миссионерской деятельности среди коми-зырян, получив на это благословение епископа Коломенского Герасима. С начала 70-х гг. он проповедовал в зырянском селении Котлас при впадении реки Вычегды в Северную Двину. В месте слияния Вычегды с рекой Вымью, на насыпном холме, напротив главной зырянской кумирни была возведена церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Стефан сжег кумирню, но зыряне его не убили. Согласно житию, во время зырянского схода проповедь Стефана всех убедила. Стефан построил еще две церкви на месте кумирни и на месте священного дерева зырян. Против Стефана выступил волхв-кудесник Пам, бывший на тот момент дряхлым старцем.

Стефан Пермский не только крестил коми-зырян, но и вводил богослужение на языке коми. Около 1375 г. он создал для этого языка оригинальный алфавит на основе рунических знаков, употреблявшихся коми-зырянами при записи расчетов в меновой торговле с русскими. Стефан перевел на язык коми литургические тексты, Псалтырь, отдельные книги Священного Писания, положив начало формированию литературного языка коми.

Всех принявших крещение коми-зырян Стефан учил изобретенной им грамоте и чтению переведенных им текстов Священного Писания. Вокруг построенных Стефаном христианских церквей появилось селение Усть-Вымь, населенное коми-зырянами, принявшими крещение. Из их числа Стефан рукоположил первых священников и диаконов. В 1383 г. Стефан совершил поездку в Москву, чтобы просить о создании епископии. Вскоре Усть-Вымь становится центром Пермской епархии, а Стефан рукополагается первым епископом Пермским.

Стефан Пермский заложил принципы православной миссионерской деятельности: его проповедь имела мирный характер, он отказывался от помощи представителей великокняжеской администрации, чем вызывал доверие и уважение местного населения. Стефан не только утверждал в пермской земле православное христианство, но и стремился улучшить жизнь народа коми: ходатайствовал перед великим князем об избавлении коми от насилия, тиунских продаж, он добивался снижения дани, а в голодные годы организовывал закупку и раздачу хлеба. Скончался святитель Стефан в 1396 г. в Москве во время поездки в столицу по церковным делам.

Распространение христианства на Пермской земле не всегда было мирным. Вооруженное сопротивление оказали вогулы – предки народа манси. Они нападали на крещеных коми-зырян и русских миссионеров и в 1455 г. убили пермского епископа Питирима. Сопротивление было сломлено с помощью московского военного отряда, прибывшего с новым епископом Ионой.

В 1463 г. епископ Иона крестил коми-пермяков, живших по рекам Каме, Вишере и Чусовой. В 1503 г. кафедра пермских епископов утверждается в городе Вологде, а сама епархия получает наименование Вологодской и Великопермской.

Православные миссионеры продвигались дальше на север. В XVI в. они появились на Кольском полуострове, распространяя христианство среди народа лопь (саамов). Преподобный Трифон Печенгский в 1533 г. основал Печенгский Кольский монастырь на реке Печенга. Долгое время этот монастырь являлся самой северной монашеской обителью на Руси.

После присоединения к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств крупнейшим центром православного миссионерства среди народов Поволжья, Урала и позже Сибири стала Казань. В 1557 г. в составе Русской Церкви образовалась самостоятельная Казанская епархия во главе с архиепископом Гурием. Активную миссионерскую работу среди казанских татар проводил хорошо знавший татарский язык и мусульманские обычаи архимандрит Варсонофий. Он основал в Казани Спасо-Преображенский монастырь.

РАЗДЕЛ 3. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XV–XVII ВЕКАХ

3.1. Русская Православная Церковь в XV в., усиление зависимости Русской Церкви от великокняжеской власти при Иване III

К началу XV в. Русская Церковь еще была митрополией Греческой Церкви, и русские епископы, избираемые Архиерейским Собором по воле великих князей на митрополичий престол, получают каноническую власть по-прежнему от константинопольского патриарха. После турецкого нашествия в XIV в. на Балканский полуостров и завоевания турками православных Сербии и Болгарии существование Византийской империи все больше зависит от поддержки соседних государств, которые вмешиваются в церковные дела Руси, воздействуя на константинопольского патриарха. Ненадежное военное положение Византии обусловило необходимость поиска союзников, прежде всего среди ближайших европейских государств, также страдавших от турецких нападений. Однако объединению мешала разобщенность христианских Церквей. В европейских странах господствовало католичество, а Византия была православной. Церковные иерархи начали вести переговоры о соединении после почти 400-летнего разрыва, и в конце 1431 г. в Базеле состоялся Вселенский собор, на котором представители Восточной и Западной Церквей попытались выработать приемлемые для сторон условия унии. В Соборе принял участие настоятель придворного константинопольского монастыря Святого Дмитрия образованный богослов своего времени Исидор. В 1432 г. или в начале 1433 г. Собор русских епископов избрал местоблюстителем свободной в тот момент митрополичьей кафедры епископа Рязанского Иону. В Москве рассчитывали, что Константинополь со временем утвердит Иону митрополитом Русской Церкви, но летом 1436 г. на митрополичью кафедру всея Руси возвели грека Исидора, который приехал в Москву 2 апреля 1437 г. Таким образом, император и патриарх стремились вовлечь Русскую Церковь в унию и создать мощную антитурецкую коалицию. Московский великий князь Василий Васильевич с почетом принял нового митрополита. Он боролся со своими двоюродными братьями за власть и нуждался в поддержке Церкви.

8 сентября 1437 г. Исидор выехал в Италию на заседания Вселенского собора, посвященного окончательному решению вопроса об унии Восточной и Западной христианских Церквей. Собор Римско-Католической Церкви, куда были приглашены епископы восточных Церквей, открылся в 1439 г. в итальянском городе Ферраре, а затем перенес

свои заседания во Флоренцию. Предложенная формула восстановления единства Вселенской Церкви предусматривала признание восточными Церквами канонической власти Папы Римского и догматов католического вероучения при сохранении собственной обрядности и литургических языков. 6 июля 1439 г. было провозглашено соединение католичества и православия, уния была утверждена соборным актом.

Московский митрополит Исидор получил от папы Евгения IV сан кардинала-пресвитера и был признан главою христианской Церкви в Польше, Ливонии, Литве и России. Пробыв за границей более трех лет, Исидор 19 марта 1441 г. вернулся в Москву, где уния встретила резкое неприятие. Митрополит Исидор провел торжественную службу в кремлевском Успенском соборе, в которую были введены элементы католического богослужения. В течение трех дней после молебнов в Успенском соборе великий князь Василий Васильевич совещался со своими советниками о том, как быть в возникшей ситуации. На четвертый день митрополит Исидор был взят под стражу и отведен в кремлевский Чудов монастырь. Великий князь созвал собор русских иерархов, который осудил латинские ереси византийского богослова и объявил о низложении митрополита. После почти полугодового заточения Исидору ночью 15 сентября 1441 г. дали возможность бежать из Москвы.

Уния не была принята в Москве не только потому, что существовала инерция привычных религиозных норм и богословских взглядов. Уния усиливала позиции главы Русской Церкви, и московскому великому князю было бы трудно воздействовать на такого митрополита в своих интересах. Ситуация для московского правительства после 1442 г. оказалась весьма сложной. В Москве функции митрополита были возложены на Иону, но ни в Константинополе, ни в Риме с Исидора не хотели снимать сана русского митрополита. Исидора признали епископы литовских епархий. Ситуация изменилась к 1448 г., когда окончательно укрепилась власть Василия Темного и, кроме того, оказалось, что Исидор пренебрегает своими обязанностями и не посещает Польшу, Ливонию и Литву. 15 декабря 1448 г. архиерейским собором без согласия Константинополя Иона был объявлен митрополитом как северо-восточных, так и литовских епархий, хотя в последних он был признан не сразу, а лишь в 1450 г. Русская Церковь стала автокефальной.

Константинопольский патриарх Григорий Мамма наложил на московского князя и русских епископов церковное отлучение, каноническое общение Русской Церкви и Греческой стало невозможным. Ввиду того, что московские митрополиты прекратили каноническое общение с Константинопольской патриархией, патриарх Григорий Мамма в 1458 г. назначил нового митрополита на польские и литовские епархии,

посвятив в киевские митрополиты одного из сподвижников Исидора – протодиакона Григория Болгарина. Король польский и великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик (правил в 1440–1492 гг.) принял его. Таким образом, Литва обрела самостоятельную митрополию, а власть митрополита Ионы ограничилась только северо-восточными землями. Киевский митрополит Григорий Болгарин сохранил юрисдикцию Константинополя, но в 1469 г. отказался от унии с Римско-Католической Церковью.

Следующий русский митрополит Феодосий в 1464 г. получил благословение на автокефалию от иерусалимского патриарха Иоакима, поскольку, согласно каноническим правилам, для утверждения автокефалии новой Православной Церкви требовалось благословение предстоятелей других Православных Церквей. Е.Е. Голубинский высказывал предположение, что Феодосий, возможно, проводил «чистку» церковной иерархии, во всяком случае принимал меры по наведению порядка, стремясь устранить такие пороки, как пьянство, взятки, симония, двоеженство.

Утверждение автокефалии Русской Церкви привело к разделению единой Русской митрополии, продолжавшемуся до 1685 г., к потере контроля над многими старыми епархиями. В состав самостоятельной Киевской митрополии вошли 10 из 18 епархий Русской Церкви: на территории Литвы (Киевская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Луцкая, Туровская и Владимирская) и в Польше (Галицкая, Перемышльская и Холмская). Чернигово-Северские земли и Смоленск были присоединены в начале XVI в. к Московскому государству при поддержке православного населения. Автокефалия способствовала тесной политической зависимости от крепнувшей самодержавной власти московского великого князя.

Уния не получила единодушной поддержки в Византийской империи, ее не приняли другие восточные патриархи. В 1453 г. армия османского султана Мехмеда II захватила Константинополь. Вскоре после взятия Константинополя турками уния Греческой Церкви с Римом была ликвидирована.

Усиление зависимости Русской Церкви от великокняжеской власти проявилось уже в годы правления великого князя Ивана III (1462–1505). Это видно по истории конфликтов великого князя с митрополитом Геронтием. Одной из причин разногласий между Иваном III и митрополитом Геронтием стал произошедший в 70-х гг. XV в. спор о посолонном хождении, описанный в Софийской второй летописи. При освящении московского Успенского собора великий князь Иван Васильевич стал утверждать, что вокруг церкви надо ходить с крестами

«по солнцу», а не против солнца. Митрополит, апеллируя к традиции Афона и «старины», утверждал обратное. Хотя Иван III смирился с позиций поддерживаемого Церковью Геронтия и спор был прекращен, история имела продолжение. Митрополит постарался наказать выступавших на стороне князя архиереев: архиепископа Ростовского Вассиана и архимандрита Чуковского Геннадия. Митрополит подписал грамоту о передаче Кирилло-Белозерского монастыря из ведения архиепископа князю белозерскому. Грамота была отменена после того, как Иван III собрал для суда собор епископов. Геннадий, обвиненный в нарушении порядка элементов литургии, был скован, посажен в ледник, но вмешательство великого князя заставило его освободить.

Спор о посолонном хождении свидетельствует о том, как важна была обрядовая сторона для людей того времени и в особенности для государственной власти.

Великий князь добился смещения Геронтия и замены его митрополитом Зосимой. Посвящение в митрополиты следующего великокняжеского ставленника Симона в 1495 г. проводилось по особому, нововведенному церемониалу, подчеркивающему решающую роль государя в деле избрания предстоятеля Церкви. Пастырский жезл вручал митрополиту великий князь. После этого князь провожал новопоставленного митрополита на митрополичий двор и передавал епископам.

В 1472 г. московский великий князь Иван III вступил в брак с племянницей последнего византийского императора Константина XI Палеолога, дочерью морейского деспота Формы, – Софьей Палеолог. Греческая царевна, проживавшая в Риме, приехала в сопровождении папского легата, причем перед посольством несли католический крест (против чего категорически возражал московский митрополит Филипп, утверждавший, что «кто окажет почтение чужой вере, тот поругался своей»). Несмотря на сложное положение константинопольского трона, брак был важным событием для Московского государства. После этого московская великокняжеская власть стала рассматриваться как продолжение власти византийских императоров.

После захвата Константинополя правители Османской империи сохранили церковную власть константинопольского патриарха над православными подданными, но сам патриарх стал подданным мусульманского владыки, который утверждал его избрание. Единственным политически независимым православным государством осталось Московское.

Близкое к великокняжескому двору православное монашество сформировало особую политико-идеологическую доктрину «Москва – третий Рим».

Основой складывавшейся доктрины стала историософская концепция из ветхозаветной книги пророка Даниила, повествующая о четырех господствующих над миром царствах, сменяющих друг друга. Последнее царство должно быть мессианским. В христианской традиции сложилось толкование, что эти господствующие царства – Вавилонское, Персидское, Греческое и Римское. Поскольку Христос родился в Римской империи, мессианским царством является Рим. Падение последнего мессианского царства должно сопровождаться вторым пришествием и кончиной мира. После падения Рима был сделан вывод о наследовании статуса Рима Константинополем. Патриарх Фотий, Козьма Индикоплов, Андрей Кесарийский, Мефодий Патарский и другие церковные авторы обосновывали эту идею различной аргументацией. Поскольку Рим вечен, так как был мировой империей во времена Спасителя, все его невзгоды являются испытаниями от Бога. Византия – это второй Рим, поскольку ее правители состояли в родстве с правителями Рима. Греки избраны Богом: они создали великую культуру, философию; на греческом языке написаны священные книги, у греков учились апостолы. Следовательно, грекам вверена судьба христианского царства. Согласно религиозному сознанию того времени, участь христианской империи связана с задачами Церкви на Земле, поэтому падение Константинополя в 1453 г. было истолковано на Руси как наказание за измену Православию, следствие Флорентийской унии с латинянами. У Руси появилась новая роль: она стала богоизбранной хранительницей веры, третьим Римом.

Согласно новой доктрине, московские князья становились заместителями церковного положения византийских императоров – «епископов внешних дел Церкви», ее охранителей и попечителей. Однако, согласно средневековым представлениям, царство не может возникнуть само по себе, оно должно быть «сообщено» кем-то, царский сан должен быть передан другим царским политическим центром. Необходимо было юридическое обоснование монархии генетической связью с Византией. Поэтому так важен был династический брак Ивана III.

Концепция наследования московскими князьями власти византийских императоров нашла отражение в многочисленных литературных и исторических произведениях рубежа XV–XVI вв.: «Повесть о белом клобуке», «Сказания о Вавилонском царстве», «Послания о Мономаховом венце», «Сказания о великих князьях Владимирских». Митрополит Зосима в своем «Изложении пасхалий» 1492 г. прямо называет Москву «Новым градом Константина».

Наиболее полно идея «Москва – третий Рим» выражена в посланиях старца Филофея – монаха псковского Спасо-Елеазарова монастыря, адресованных в 10–20-е гг. XVI в. сыну Ивана III великому князю Василию III. Филофей писал: «И да ведает твоя держава, благочистивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство... один ты во всей поднебесной христианский царь... два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется».

Доктрина о Москве как о третьем Риме стала частью идеологического базиса Московского государства, создавшегося под заметным воздействием мессианской идеи. Божественная освященность православного первенства России подкреплялась легендой об апостоле Андрее. Богатство, глубина и единство ее истории, рука Божественного Провидения в судьбе народа усматривались в летописях. Именно в этот период появляются первые попытки соединить местные летописи в единое целое и переработать материал в целостном виде. С 1512 г. появились хронографы – обзоры «всемирной» истории: библейской, византийской, славянской и русской.

В 1547 г. московский митрополит Макарий впервые в истории России совершает церемонию «венчания на царство» над молодым Иваном IV, который принимает титул «боговенчанного царя», непосредственно участвующего в церковной жизни.

Теперь Россия должна была соответствовать идеалу христианского государства. Этот идеал включал в себя почитание власти, запрет добиваться ее личными усилиями. Считалось, что качество власти предопределено промыслом, сам монарх ответствен перед Богом и обязан укреплять правоверие. Москва отныне – столица Вселенского Православия, и Русь, как единственная представительница подлинного Православия, призвана объединить все православные народы под властью московского государя.

3.2. Русская Православная Церковь в XVI в. Стоглавый Собор 1551 г., введение патриаршества

Доктрина «Москва – третий Рим» была распространена среди знати высшего духовенства и наиболее образованных «книжных людей» Московского государства по той причине, что в течение достаточно длительного времени ее содержание соответствовало политической реальности. В то время как Европа XV–XVI вв. была охвачена нестабильностью, династическими, религиозными и межгосударственными войнами, властители Московского государства

контролировали огромную страну, были независимы от папского престола. Идея «Москва – третий Рим» не использовалась в качестве основного тезиса в политических декларациях внешней направленности и не была массовой народной идеей.

Важную роль в упорядочении церковной жизни сыграл Стоглавый Собор 1551 г. Проходивший под председательством государя и созванный митрополитом Макарием собор получил название Стоглавого, поскольку принятое на нем Соборное Уложение насчитывало 100 глав. Собор протестовал против продажи священнических мест, против открытия приходов без разрешения епископа и постановил закрыть новые приходы, а церкви свозить на погосты к церквям старых приходов и устраивать из них приделы. Неясно, однако, насколько постановления собора выполнялись, поскольку одной из особенностей этого времени была большая самостоятельность на местах. Стоглав пересмотрел управление приходами, разделив епархии на благочиния с правом старшего священника (благочинного) надзирать за порядком церковной жизни. Собор призвал наладить обучение священнослужителей путем создания при архиерейских домах школ для «поповых детей», запретил проживание монахов в миру и проживание монахов и монахинь в одном монастыре. Был также подвергнут пересмотру ряд сторон литургической жизни.

Макарием была проведена канонизация почитаемых в России местно-чтимых святых – покровителей отдельных русских земель и городов. Их включение в общерусский свод имело не только богословское, но и государственное значение. Соборы русских епископов 1547 и 1549 гг. установили общецерковное празднование многим русским святым. Макарий составил свод книг, получивший название «Четьи-Минеи». Как московские князья были «собирателями» Руси, так митрополит Макарий (занимал престол с 1542 по 1563 гг.) стал в церковной традиции «собирателем Русской Церкви».

Сосредоточение большого количества земель и богатства в руках Церкви не было обойдено вниманием крепнувшей государственной власти. Начало секуляризации относится ко времени правления Ивана III Васильевича, который после покорения им Новгорода отобрал 10 волостей у владыки Новгородского и половину волостей у шести богатых монастырей. Еще более чувствительным стал отъем церковных земель при Иване Грозном, нуждавшемся в землях для опричнины.

В середине XVI в. золотой век русского монашества подходит к концу. После опричного террора обличительство как феномен монашества исчезает. Последним обличителем власти был митрополит Филипп (1507–1569). Святитель Филипп (в миру Федор Степанович Колычев) происходит из знатного боярского рода, службу начинал при дворе великого князя.

В 1537 г. он ушел в Соловецкий монастырь, был там послушником, затем иноком и через одиннадцать лет стал игуменом. Филипп прославился в качестве деятельного устроителя монастырской жизни, благодаря которому Соловецкий монастырь стал богатейшим промышленным, торговым и культурным центром Северного Поморья.

Посетив Москву в период Стоглавого Собора в 1551 г., Филипп расположил к себе молодого царя Ивана Грозного. 20 июля 1566 г. царь с Освященным Собором приглашал Филиппа занять митрополичью кафедру. Однако святитель поставил непременным условием своего избрания отмену царем опричнины. Царь и епископы уговорили Филиппа согласиться на предстоятельство в Церкви на условиях невмешательства митрополита в политические и личные отношения царя и сохранив за ним право ходатайства перед царем за осужденных и опальных. 25 июля 1566 г. Филипп был возведен на митрополичий престол.

В 1567 г. Иван Грозный начал очередную волну репрессий против бояр, обвиняемых в измене, поскольку были перехвачены письма к ним от польского короля с приглашением эмиграции в Литву. Репрессии сопровождались кровавыми казнями и разгулом опричников. Гонимые обратились к митрополиту. Митрополит Филипп пытался убедить Ивана Грозного прекратить террор. Подозрительный царь, по-видимому, увидал в этом поддержку крамолы. К тому же, согласно житию, враги митрополита: архиепископ Новгородский Пимен, епископы Филофей Рязанский и Пафнутий Суздальский, царский духовник протопоп Евстафий – своими наветами настраивали царя против Филиппа. Когда личные беседы с царем о беззакониях опричнины и ответственности за кровопролития не помогли, митрополит начал обличать Грозного в своих проповедях в Успенском соборе Московского Кремля. В марте 1568 г. на литургии, куда царь явился в одежде опричника, Филипп трижды отказал ему в благословении, сказав: «...в сем виде не узнаю царя православного».

Побоявшись прямо расправиться с митрополитом, царь решил низложить Филиппа, инспирировав лжесвидетельство и клевету. В Соловецкий монастырь с целью сбора обвинительного материала была отправлена следственная комиссия, которая привезла в Москву соловецкого игумена Паисия и монахов, под угрозами давших ложные показания на митрополита. В ноябре 1568 г. митрополит Филипп был низложен на специально созванном соборе. Опричники увезли Филиппа в Богоявленский монастырь, затем он был переведен в Староникольский монастырь. Царь расправился с родственниками и близкими святителя. Погибло десять человек Колычевых, причем голова одного из них была прислана к бывшему митрополиту в темницу. Наконец Филиппа сослали в тверской Отрочь-Успенский монастырь, где в следующем году он был

задушен одним из руководителей опричников Малютой Скуратовым. После Филиппа митрополичья кафедра была замещена послушным воле царя Троице-Сергиевым игуменом Кириллом. Хотя Церковь при Иване Грозном становилась все более зависимой от царской власти, благодаря твердости митрополита Филиппа царю так и не удалось получить церковного благословения на политику террора в период введения опричнины.

При царе Федоре Ивановиче (сыне Ивана Грозного) московское правительство, возглавляемое братом его жены, боярином Борисом Годуновым, ставит вопрос о введении в Русском государстве патриаршества. Этому способствовало и то обстоятельство, что правители Османской империи присваивали богатства, принадлежавшие православным церквам, все чаще патриархи восточных церквей обращались за помощью к Москве.

Посетивший Русь в 1556 г. антиохийский патриарх Иоаким уклонился от обсуждения вопроса о патриаршестве для Русской Церкви, сославшись на то, что не имеет полномочий от других восточных патриархов. В июне 1588 г. в Москву приехал константинопольский патриарх Иеремия II. В связи с тем, что турецкие власти разорили Константинопольскую патриархию, отобрав кафедральный храм и патриаршую резиденцию, Борис Годунов предложил Иеремии перенести вселенский патриарший престол в Московское государство. Иеремия отказался, опасаясь, по-видимому, слишком большой зависимости. Когда же константинопольский патриарх собрался уезжать, московские власти его не выпустили. Иеремии было предложено или остаться в Русском государстве, или оставить вместо себя патриарха, возведя в патриаршее достоинство московского митрополита. В январе 1589 г. митрополит Иов стал первым патриархом Московским. Патриарх Иов занимал престол с 1589 по 1605 гг.

Иеремия II был отпущен в Константинополь весной 1589 г., а в следующем году он собрал Церковный Собор с участием антиохийского патриарха Иоакима и иерусалимского патриарха Софрония. Константинопольские соборы 1590 и 1593 гг. признали патриаршество автокефальной Русской Церкви, утвердив за патриархом Московским пятое место в иерархии предстоятелей автокефальных Православных Церквей после Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской. В соборных грамотах о правах русского патриарха было записано, что он будет иметь «патриаршие достоинство и честь, и сочетается и мерится с прочими патриархи на вся веки» и именуется «патриарх Московский и всея России и северных стран». Таким образом, автокефалия Русской православной Церкви была окончательно закреплена в нормах канонического права.

По благословению Иеремии произошло возвышение и увеличение чинов русской церковной иерархии. Теперь можно было избирать патриарха на соборе. Митрополичьи кафедры были учреждены в Новгороде Великом, Ростове Великом и Казани; титул митрополита Крутицкого получили епископы бывшей Саранской епархии, имевшие с середины XV в. постоянную резиденцию в Крутицком монастыре близ Москвы. Тверская, Суздальская, Рязанская, Вологодская, Смоленская и Нижегородская архиерейские кафедры стали архиепископиями.

Московский патриарх был главой всей Русской Церкви и одновременно епархиальным архиереем. Он сам управлял самой крупной по числу верующих епархией – патриаршей областью, включавшей территорию Москвы и часть примыкающих к ней земель. Патриарх имел свою администрацию, учреждения – приказы. На службе у патриарха находились дворяне, получавшие земельные пожалования.

Следующие ступеньки занимали митрополиты, архиепископы и епископы, подчинявшиеся патриарху и по церковным делам, и в административно-судебном отношении. Эти архиереи управляли духовенством, монастырями, церковнослужителями, приходами, находившимися в подведомственных им епархиях.

Хотя патриарх и епископат принимали непосредственное участие в отправлении церковных служб, обрядов и церемоний, главным для них было управление Церковью: контроль за исполнением на местах церковных догматов, канонов, культа; назначение на вакантные должности священно- и церковнослужителей; суд по духовным делам; контроль за доходами церквей, обложение их десятиной и ее сбор. Церковная администрация, состоявшая из духовных и светских лиц, вместе с епархиальным архиереем составляли архиерейский дом – духовно-административное учре-ждение, ведавшее делами епархии. Высшим и самым крупным из учреждений такого рода был патриарший дом.

Наиболее важные вопросы церковной жизни решались на церковных соборах, в работе которых участвовали патриарх, архиереи, архимандриты наиболее крупных монастырей, священники отдельных соборных церквей. По некоторым подсчетам, к концу XVII в. на Руси насчитывалось 24 епархии, свыше 600 монастырей, до 15 тысяч церквей.

Черное и белое духовенство было особым нетяглым сословием на Руси и составляло вместе с членами семей мужского пола к концу XVII столетия около 100–110 тысяч человек. Пополнение белого духовенства шло в основном за счет выходцев из семей духовенства, т.е. формировалось по принципу сословной родственной преемственности. В некоторых районах Руси (например, Поморье) священнослужителями становились грамотные и уважаемые общиной посадские люди и

крестьяне. Монашество пополнялось из бывших крестьян, посадских, «служилых людей», церковнослужителей, подьячих, дворян и бояр.

Доходы низшего духовенства складывались из сборов по церковным праздникам, торговли в храмах свечами. Собирали пошлины с венчания, с других треб, связанных с отпеванием покойников, поминанием усопших, записью в синодики. Приходы обязаны были содержать своих причетников. Низшие духовные лица вносили плату в пользу вышестоящих церковных кругов (дань).

По мере централизации Московского государства и дальнейшей его бюрократизации жизнь приходского духовенства ухудшалась. Вводились запреты свободных выборов низшего клира и свободного перехода священнослужителей из одного прихода в другой, что послужило факторами формирования наследственного духовного сословия. У низшего духовенства отбирались земли, ему запрещалось заниматься ремеслами и торговлей. Архиереи вводят фиксированные таксы за требы, при этом размер дани не снижается. Исчезает механизм защиты низшего клира от произвола архиереев в лице крестьянских миров или городских общин. Уничтожение самоуправления приводит к тому, что представителей низшего духовенства бесцеремонно притесняют: смещают с постов, облагают дополнительными пошлинами, оброками. С учреждением патриаршества был введен новый патриарший оброк. При патриархе Иосифе духовенство патриаршей области было обязано для решения административных вопросов приезжать в Москву, что на практике приводило к увеличению бюрократической волокиты, взяточничеству, расходам на гостиницы, проезд, разного рода пошлины. При этом церковное руководство, архиереи не защищают низший клир от произвола местных светских властей, от самодурства бояр и дворян. Все это объясняет, почему сельское духовенство часто принимало участие в крестьянских бунтах, почему оно составляло оппозицию церковной верхушке.

Главным источником доходов Церкви являлись землевладение и душевладение. В распоряжении Церкви в конце XVII в. находилось примерно 150 тысяч дворов зависимого населения, т.е. примерно миллион крестьян. Только у патриарха на протяжении столетия число дворов во владениях колебалось в пределах 10 тысяч. Обширные владения Церкви лишь отчасти приносили нужные казне доходы, поскольку она длительное время пользовалась налоговым и судебным иммунитетом. Еще при Иване Грозном в 1580 г. Собором было постановлено запретить давать монастырям вотчины на помин души (вместо земель предписывалось давать деньги), а также Церкви запрещалось покупать или брать в залог земли. В течение XVII в. произошел постепенный подрыв иммунитета церковных владений, сокращение землевладения Церкви, ограничение ее

имущественных прав. Процесс усиливался по мере усиления централизации государственной власти и формирования абсолютизма.

Когда, согласно общегосударственному закону – Соборному Уложению 1649 г., по всей стране было проведено изъятие так называемых беломестных слобод и дворов (освобожденных от государственных налогов) с целью передачи их в государственное тягло (и прежде всего это коснулось городов, посадов), наибольшие потери понесла именно Церковь. Соборное Уложение уничтожало церковную юрисдикцию по отношению к церковным людям по гражданским и уголовным делам. До тех пор только отдельные монастыри имели специальные тарханные (несудимые) грамоты. Теперь для всего населения по недуховным делам был обязателен светский суд. Клир боролся против отмены привилегий Церкви. В 1667 г. привилегии были частично восстановлены: клир был освобожден от светского суда, был упразднен государственный орган контроля – монастырский приказ. Впоследствии эти привилегии опять были отняты Петром I.

В XVII в. Церковь играла большую роль в политике. Начало XVII в., получившее название Смутного времени, ознаменовалось иностранной военной интервенцией. Православная Церковь во главе с патриархом Гермогеном (1606–1612), Троице-Сергиев монастырь сыграли немаловажную роль в освобождении страны. В 1606 г. после низложения и убийства самозванца Лжедмитрия I на патриарший престол был избран Гермоген. Будущий святитель родился около 1530 г. в Казани, еще при власти казанских ханов. После присоединения Казанского ханства к Русскому государству он стал священником. Овдовев, будущий патриарх принял монашество в казанском Спасо-Преображенском монастыре, а в 1589 г. стал митрополитом Казанским.

Став патриархом, Гермоген предпринимал усилия по поддержанию авторитета государственной власти; обращался с увещевательными грамотами к восставшим под предводительством Ивана Болотникова в 1606–1607 гг., к сторонникам самозванца Лжедмитрия II в 1608 г. В 1610 г. бояре, низложившие выборного царя Василия Шуйского, согласились на вступление на московский престол сына короля Речи Посполитой Сигизмунда III Владислава.

Патриарх Гермоген обещал благословить нового государя на царство при условии его перехода в православие, сохранения независимости Руси и неприкосновенности Церкви. Когда выяснилось, что претендент на московский престол не собирается соблюдать эти условия, а Москву оккупирует польское войско, патриарх обратился к властям, духовенству и населению еще не занятых интервентами русских городов – Нижнего Новгорода, Казани, Ярославля – с призывом к изгнанию врагов. Гермоген

за свои патриотические призывы был заключен в подземелье кремлевского Чудова монастыря, где, по свидетельству современников, его уморили голодом.

После кончины Гермогена московский патриарший престол в связи с продолжавшейся смутой и войной был свободен в течение семи лет. В 1619 г. новым патриархом избран ростовский митрополит Филарет, отец Михаила Романова – первого государя новой династии, избранного на престол Земским Собором в 1613 г. Митрополит Филарет фактически был правителем Русского государства. С именем патриарха Филарета связано возвышение церковной организации. После смерти Филарета московский патриарший престол занимали Иоасаф I (1634–1642), Иосиф (1642–1652), Никон (1652–1658), Иоасаф II (1667–1672), Питирим (1672–1673), Иоаким (1674–1690), Адриан (1690–1700). Всего в течение патриаршего периода истории Русской Православной Церкви было одиннадцать патриархов.

Московская патриархия имела широкие международные связи. Москву посещали православные патриархи восточных Церквей. Московские власти выдавали довольно регулярно весьма значительные суммы константинопольскому патриарху. Со своей стороны константинопольский патриарх оказывал Руси немалые услуги политического характера.

Церковь поддерживала усилия Москвы закрепить влияние Руси в населенных славянами Сербии и Болгарии, находившихся в составе Турецкой империи. Церковь и российские власти содействовали запорожским казакам в их борьбе с Крымским ханством и Турцией. Церковью было поддержано и воссоединение Украины с Русским государством, произошедшее в результате кровопролитной и длительной войны с Речью Посполитой с 1654 по 1667 г. Это воссоединение имело сложную предысторию, в которой важное место занимали события религиозной жизни.

Еще в XIII в. западнорусские (в будущем – украинские и белорусские) земли включаются в состав Литвы. С конца XIV в. в Великом княжестве Литовском начинается распространение католицизма. По условиям Кревской унии 1385 г., объединившей Литву и Польшу перед лицом военной угрозы со стороны Тевтонского ордена, литовские великие князья должны были не только принять католицизм, но и распространить его на всю территорию Великого княжества Литовского, включая русские земли. Были учреждены римско-католические епископства в Вильно (1387), в Ковно (1417) и Луцке (1428). Еще раньше происходит образование католических епархий в западнорусских землях в составе Польши – во Львове и Галиче (1361) и в Перемышле (1390).

В условиях военной конфронтации Великого княжества Литовского с Московским государством, ставшим общерусским церковным центром,

тяготение православного населения Литовского государства к Москве усиливалось. Литовские князья стремились интегрировать православное население в состав своего государства. Для этого предпринимались попытки создания на территории Великого княжества Литовского самостоятельного православного церковного центра, независимого от Московской митрополии. Создание самостоятельной митрополии было осуществлено, когда Русская Православная Церковь вышла из-под юрисдикции Константинопольской патриархии и объявила свою автокефалию.

Еще один путь интеграции заключался в стимуляции перехода православных подданных в католицизм. Несмотря на формальное провозглашение прав православной Церкви, православное население подвергалось дискриминации. Католические епископы, в отличие от православных иерархов, входили в великокняжеский совет (раду), а позднее, в Речи Посполитой, в королевский Сенат; на должности воевод и каштелянов в Великом княжестве Литовском с 1413 г. могли назначаться только католики. В XV в. запрещалось строить новые православные храмы и подновлять старые. Только благодаря браку сына Казимира IV Александра Казимировича (правил в 1492–1506 гг.) и дочери великого князя Московского Ивана III Елены оказалось возможным основать православные монастыри: в Минске – Вознесенский и в Вильно – Троицкий. Люблинская уния 1569 г., объединившая Литву и Польшу в Речь Посполитую, еще больше усиливала позиции католицизма.

В 1589 г. патриарх Константинопольский Иеремия II рукоположил киевским митрополитом архимандрита минского Вознесенского монастыря Михаила Рогозу, сторонника унии православия и католицизма. В 1595 г. православные епископ Луцкий Кирилл и епископ Владимирский Ипатий представили папе Клименту VIII проект восстановления церковной унии в Киевской православной митрополии. Состоявшийся в октябре 1596 г. в городе Бресте Церковный Собор под председательством Михаила Рогозы утвердил акт об унии.

Епископ Львовский Гедеон и епископ Перемышленский Михаил отказались подписывать акт об унии. Они совместно с другими противниками унии провели в Бресте альтернативный Собор под руководством экзархов восточных патриархов – Никифора (от Константинополя) и Кирилла Лукариса (от Александрии). На Соборе вся иерархия с митрополитом Михаилом Рогозой была названа изменниками в вере, поскольку, как было объявлено, без общего собора восточных патриархов ни один поместный церковный собор не вправе решать вопрос об унии.

Православная Церковь в западнорусских землях поддерживалась православными братствами. Согласно Магдебургскому праву,

действовавшему в городах Польши и Литвы, горожане имели право объединяться в профессиональные и бытовые корпорации. Таким образом, православные горожане получили возможность создавать вероисповедные братства, образуя их на основе бытовых группировок.

Православные братства появились в XV в. в Луцке (1439), во Львове (1453), в Вильно (1458). В XVI в. возникают Могилевское, Брестское, Минское, Вельское, Люблинское братства, в XVII в. – Киевское. Устав Львовского братства утвердил антиохийский патриарх Иоаким, устав Виленского братства – константинопольский патриарх Иеремия II. Братства были открыты для всех лиц православного вероисповедания, независимо от сословной принадлежности. За счет взносов членов братства формировалась общая касса, средства из которой шли на содержание духовенства, церквей, монастырей, взаимопомощь и благотворительность.

Братства принимали участие в выборе епископов и митрополитов, защищали интересы Церкви перед правительством, имели право контролировать церковную иерархию, что не всегда нравилось архиереям. Благодаря помощи братств униатам не удалось захватить Киево-Печерскую лавру, возглавленную архимандритом Елисеем Плетенецким. За двадцать лет после унии братствами было основано десять новых монастырей. Среди них Богоявленский монастырь в Киеве, Свято-Духовский монастырь в Вильно, Успенская Почаевская лавра на Волыни.

Учащиеся братских школ изучали церковнославянский, греческий, латинский и польский языки, традиционные для средневекового образования грамматику, риторику, диалектику (логику), арифметику, геометрию, астрономию, музыку. Для братских школ были составлены первые грамматики русского языка Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Учащиеся изучали богословские предметы, среди которых большое значение придавалось искусству проповеди и богословской полемики (гомилетике). Братские школы послужили образцом для системы духовного образования в Московском государстве.

Другой силой, поддерживающей православие, было украинское казачество, с которым польское правительство было вынуждено считаться, поскольку казачество противостояло военной угрозе со стороны Турции. Гетман реестрового казачьего войска (состоявшего на государственной службе) Петр Конашевич-Сагайдачный в 1615 г. вместе с казачьим войском вступил в Киевское православное братство. Противником унии было также нерегулярное запорожское казачество. Несмотря на военно-полевой быт, в Запорожской Сечи существовала развитая церковная жизнь. Кандидатов в священники тайно посылали для рукоположения к греческим иерархам в Молдову и Валахию.

В 1620 г. в Киев приехал патриарх Антиохийский Феофан. Представители православных братств и казаки убедили его произвести рукоположение православных епископов. Архимандрит Киево-Печерского монастыря Иов Борецкий стал киевским митрополитом. Феофан рукоположил еще семь епископов для всех православных епархий Киевской митрополии. Восстановленная православная иерархия охранялась казаками. Хотя вначале польские власти сочли происшедшее незаконным и приказали арестовать митрополита и епископов, в 1633 г. они были вынуждены официально признать православную иерархию в Речи Посполитой.

В 1631 г. митрополит Киевский Петр Могила на основе Киевской братской школы создал высшее духовное учебное заведение – Киевскую Академию, числившуюся коллегиумом. Права Академии были получены от русских властей в 1700 г.

В 1648 г. началась война украинского казачества против польской короны под руководством гетмана Зиновия-Богдана Хмельницкого (1594–1657). В числе требований, выдвинутых Хмельницким, были такие пункты, как: уничтожение унии с возвращением православным отнятых церквей и монастырей; запрет на аренду православных церквей евреями; назначение киевским воеводой православного; предоставление киевскому митрополиту места в сенате Речи Посполитой. Согласно Зборовскому мирному договору между королем Яном-Казимиром и гетманом Хмельницким 1649 г., религиозные требования Православной Церкви должны были выполняться. Поскольку они были отклонены сеймом, война продолжилась. Белоцерковский мирный договор 1651 г. сохранял унию.

В январе 1654 г. Хмельницким в Переяславле был подписан договор с русским правительством о переходе земель Малой России (Украины) под власть московского государя. Самостоятельность Киевской митрополии сохранялась, поскольку в Переяславский договор была включена статья о невмешательстве московского патриарха в дела Православной Церкви на Украине.

После смерти Хмельницкого в 1657 г., во время российско-польской войны, различные группировки верхушки казачества стали бороться за власть, выдвигая своих претендентов на Киевскую митрополию.

В 1667 г. было заключено российско-польское Андрусовское перемирие, по которому Левобережная Украина и Киев отходили к России. Единой Киевской митрополии уже не существовало. Часть митрополии, отошедшая к Московскому государству, находилась под управлением архиепископа Лазаря из Киева; епархии на территории Речи Посполитой возглавлял епископ Перемышльский Антоний; церковный центр в Запорожской Сечи – епископ Иосиф.

В 1685 г. московский патриарх Иоаким по просьбе гетмана Ивана Самойловича утвердил киевским митрополитом епископа Луцкого Гедеона, ставленника гетмана. С этого времени Киевская митрополия, воссоединившись с Московской патриархией, становится частью Русской Православной Церкви.

Подписанный в 1686 г. мирный договор между Русским государством и Речью Посполитой закрепил за Россией Левобережную Украину и Киев и признавал киевского митрополита официальным посредником в контактах польского и русского правительств по церковным делам. Помимо Киевской митрополии под его юрисдикцией оставались четыре православные епархии на территории Речи Посполитой: Могилевская, Луцкая, Львовская и Перемышльская.

Европейски образованные, имевшие большой опыт миссионерской и проповеднической деятельности в католической среде, украинские иерархи в течение последующего столетия занимали ведущее место в Русской Церкви. Особенно заметную роль в церковной истории Русского государства сыграли воспитанники Киево-Могилянской академии: Стефан Яворский, Феофан Прокопович, святитель Дмитрий Ростовский, Феодосий Яновский, Феофилакт Лопатинский, Арсений Мацеевич.

3.3. Русская Православная Церковь в XVIII в. Реформы патриарха Никона и их последствия

В течение XVII в. политическая роль Церкви постепенно падала. Экономическое и политическое развитие страны происходило по пути перерастания сословно-представительной монархии в абсолютную. Прекращается созыв земских соборов, боярская дума ограничивается в своих правах. Большую роль стал играть разветвленный приказной, бюрократический аппарат – прообраз будущего бюрократического аппарата абсолютистского государства.

Последней попыткой переломить неблагоприятный для Церкви процесс была деятельность патриарха Никона (1652–1658), с которым связано одно из наиболее трагичных событий российской истории – раскол.

Будущий патриарх (в миру Никита Минов), мордвин по национальности, родился в крестьянской семье в 1605 г. в селе Вольдеманове близ Нижнего Новгорода. Рано лишившись матери, он в возрасте двенадцати лет покинул отчий дом и поступил в Макариево-Желтоводский монастырь. В 20-е годы, по настоянию умирающего отца, возвратился домой, принимая на себя заботы о ведении хозяйства,

женился и в 1625 г. был поставлен священником в с. Колычеве. Вскоре по ходатайству московских купцов переехал в Москву, но жизнь в Первопрестольной отягощала его. После десятилетней супружеской жизни и внезапной смерти троих сыновей, увидев в этом особый знак, Никита вместе с женой удалились в монастырь. В 1635 г. он принял пострижение в монахи с именем Никон. Постриг был принят в Анзерском скиту на Белом озере. В 1643 г. Никон перешел в Кожеозерскую пустынь, где стал игуменом.

В 1646 г. по нуждам своей обители Никон прибыл в Москву, где состоялось его знакомство с царем Алексеем Михайловичем, на которого он сумел произвести впечатление. Царь пожелал видеть его в Москве, куда Никон был переведен на должность архимандрита Новоспасского монастыря, в котором находилась родовая усыпальница Романовых.

С середины XVII в. вокруг молодого царя и его духовника Стефана Бонифатьева организовался кружок «ревнителей благочестия», стремившихся поднять уровень религиозной жизни народа, искоренить пороки духовенства и исправить саму церковную жизнь, в которую вкрались многие «нестроения». В кружок входили как духовные, так и светские лица: помимо царя и протопопа кремлевского Благовещенского собора Стефана Вонифатьева, окольничий Ф.М. Ртищев и его сестра Анна, архимандрит Новоспасского монастыря Никон (позже митрополит и патриарх), дьякон Благовещенского собора Федор Иванов, а также «ревнители благочестия» – священники Иван Неронов, Аввакум, Даниил, Лазарь, Логгин, епископ Коломенский Павел и др. Они стремились к проведению реформы Церкви с опорой на русские традиции и ставили своей целью из «богоизбранного народа Третьего Рима» воспитать народ подлинного христианства. По мне-нию «ревнителей», реформа должна коснуться только церковной организации и нравственности, но вовсе не должна затрагивать существа вероучения и культа. Речь шла не об изменениях, а о внешнем упорядочении: ликвидации многоголосия и нелепых опечаток в богослужебных книгах. Никон принял участие в кружке «ревнителей благочестия».

Члены кружка с помощью царского указа попытались осуществить одно из постановлений Стоглавого Собора – ввести единогласие, однако не удалось преодолеть противодействие епископата и патриарха Иосифа. «Ревнители благочестия» стремились к укреплению нравственности, к «Собору истинному», состоящему не только из архиереев, но и из простых священников и мирян.

В 1648 г. Никон попадает в Москву. Молодой царь Алексей Михайлович решает оставить Никона в Москве. Никон стал архимандритом в Ново-Спасском монастыре, между ним и царем

установились дружеские отношения. В скором времени царь пригласил Никона на митрополию Великого Новгорода. В 1652 г., после смерти патриарха Иосифа, Никон был избран патриархом.

Программа Никона предусматривала укрепление Русской Православной Церкви и утверждение ее как Вселенской Церкви во вселенском православном царстве. Идея очень нравилась молодому царю, приверженцу концепции «Москва – третий Рим», мечтавшему занять место византийских императоров и превратить Русское государство во Вселенскую Греко-Российскую Восточную империю. Патриарх Московский стал бы патриархом Вселенским. Как писал А.В. Карташев, «Никона осенила гигантская идея – осуществить через Москву Вселенское православное Царство».

Для начала необходимо было провести унификацию богослужения Русской Церкви. За время длительного периода раздробленности в каждой местности сложилась своя практика богослужений – везде пели, читали и писали иконы по-своему. Причем традиции каждой местности воспринимались как единственно правильные, завещанные предками, зарекомендовавшие себя удачными с точки зрения умения угодить Богу и местночтимым святым. Замена удельной пестроты единообразием должна была совершаться по определенным образцам книг и обрядов.

Литургическая реформа Русской Православной Церкви была необходима для исправления разночтений и неточностей в богослужебных книгах, накопившихся до введения книгопечатания из-за ошибок переписчиков. Уже в первой четверти XVI в. исправлением книг на основе уточненных переводов занимался специально для этого приглашенный Максим Грек, обвиненный в порче книг и в ереси. После первых типографских изданий «Апостола» и «Часослова», содержавших много неточностей (1564–1565), предпринимаются новые попытки исправления книг. Справщики: архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий, монах того же монастыря Арсений Глухой и священник Иван Наседка – в 1618 г. представили свою работу митрополиту Ионе и попали под суд. Они были оправданы, поскольку восточные патриархи согласились с результатами их деятельности. При патриархе Филарете и патриархе Иосифе исправление книг продолжается разными лицами. В выискивании ошибок справщиков и в поисках ересей в обрядах принимали участие иерусалимский патриарх Паисий (1649), назаретский митрополит Гавриил (1651), константинопольский патриарх Афанасий (1652). Для изучения греческих обрядов был отправлен на Восток троицкий келарь Арсений Суханов. Афонские старцы уведомили московского патриарха Иосифа о том, что сожгли привезенные из Москвы книги как содержащие много ересей. Справщики печатного двора и патриарх Иосиф (1642–1652)

пришли к выводу, что для обеспечения и установления единообразия, упорядочения церковно-обрядовой практики следует не ограничиваться внесением необходимых мелких поправок в древние славянские богослужебные книги, а привести их в соответствие с греческими подлинниками. В 1649 г. в Москву из Киева прибывают ученые монахи, вызванные для исправления книг: Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Феодосий Сафонович. Позже к ним присоединяются Дамаскин Птицкий и др. В то же время боярин Ф. Ртищев учредил недалеко от Москвы Андреевский монастырь, куда пригласил до тридцати киевских монахов. Сторонники литургической реформы считали, что исправление обрядов и книг необходимо проводить по древнерусским образцам. Но патриарх Никон при проведении литургической реформы взял за основу не традиции греческого и славянского православного богослужения, а богослужебную практику современной ему Греческой Церкви.

В 1653–1655 гг. проводилось исправление богослужебных книг и обрядов. С 1653 г. переиздание исправленных богослужебных книг осуществлялось группой редакторов-справщиков под руководством афонского монаха Арсения Грека. В качестве образцов для редактирования новых переводов брались современные греческие книги, изданные в Италии. При этом никакой сверки богослужебных книг с более ранними греческими и славянскими текстами не проводилось.

Во время литургической реформы не учитывалось, что в Греческой Церкви в течение веков тоже накапливались изменения, что богослужебная практика Русской Церкви опиралась на серьезную традицию и отнюдь не была просто следствием невежества. Например, совершение крестного знамения тремя перстами, а не двумя было введено в Византии в XII в. В русской же традиции сохранилась прежняя норма, подтвержденная Стоглавым Собором 1551 г. Стоглавый Собор узаконил в Русской Церкви Иерусалимский богослужебный устав. В то же время к XVII в. в Греческой и других восточных церквах утвердился Студийский устав, который был взят за образец для литургических изменений.

Никон отправил в 1654 г. патриарху Константинопольскому Паисию послание с 26 вопросами о литургических изменениях. Паисий занял осторожную позицию, выразив мнение в ответном письме, что единство Церкви не нарушается различием в обрядах, и не надо смешивать обряды и догматы. Антиохийский патриарх Макарий поддержал грекофильскую направленность Никона и стал подробно инструктировать его во всех мелочах греческой богослужебной практики.

Основные изменения в богослужебной практике, установленные патриархом Никоном, были следующими: совершение крестного знамения

тремя перстами вместо двух («троеперстие»); замена земных поклонов поясными; изменение имени «Исус» на «Иисус»; замена обхождения храма во время крещения и венчания по солнцу, по часовой стрелке, «посолонь» обхождением против движения солнца; изменение формы креста (допущение шестиконечного наряду с восьмиконечным); изъятие из «Символа веры» в строке «И в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго» слова «истиннаго»; вместо «сугубой», т.е. двукратной аллилуйи в пении «трегубая» (трехкратная); замена совершения божественной литургии на семи просфорах на пятипросфорие. Никон запретил также строить на Руси шатровые храмы и др. Все эти изменения осуществлялись принудительно и поспешно.

В 1655 г. был сделан перевод греческого служебника, привезенного Антиохийским патриархом Макарием. В предисловии Никон писал, что царь и патриарх «два великих дара», «премудрая двоица», одно желание сердец их, но разные сферы деятельности. Опираясь на поддержку царя, Никон в 1654 г. добивается утверждения перемен на Церковном Соборе. На этом же Соборе был одобрен к печати перевод книги греческого иеромонаха Иоанна Нафанаила «Скрижаль», в которой излагались литургии, таинства и обряды Греческой Церкви. В 1656 г. на литургии в Успенском соборе Кремля была провозглашена анафема (церковное проклятие) всем придерживающимся «двоеперстия», как нарушающим догмат Святой Троицы.

Еще на Соборе 1654 г. несогласие с исправлением книг выразили епископ Павел Коломенский и протоиерей Иван Неронов. К ним присоединились: протопоп Юрьевца-Повольского Аввакум Петров, муромский протопоп Логгин, костромской протопоп Даниил и др. Они подали царю Алексею Михайловичу общее прошение на «многомятежного Никона», оставшееся без ответа.

У ряда представителей Церкви возникло подозрение в порче текстов сторонниками унии с Римом. Особое возмущение вызвало новое написание имени Христа: «Иисус» вместо «Исус». Протопоп Аввакум Петров утверждал, что если изменение написания царского имени считается преступлением, то еще большее преступление – изменение написания имени Бога.

Литургическая реформа вызвала резкое недовольство духовенства и прихожан. Приходские священники, в основном бедные и малограмотные, с трудом переучивались на новые каноны, что приводило к хаосу в богослужении. Один из будущих вождей раскола, суздальский протопоп Никита Добрынин (Пустосвят), подал царю жалобу на разброд и неустройство из-за текстовых и канонических расхождений.

Однако раскол Церкви не был вызван простым неприятием непривычных обрядов. Причины были более глубокими. Прежде всего утверждение Никоном греческого богослужебного чина противоречило убеждению, что именно в России было сохранено подлинное православие. Несовпадение русских обрядов с греческими объяснялось тем, что греческая вера «испроказилась», поскольку греки стали изменниками веры в период Ферраро-Флорентийского собора. Так как исправление происходило по греческому евхологию, изданному в Венеции в 1602 г., новый служебник был объявлен «смущением от римлян». Важно также учитывать, что высоко ценилось техническое умение служить Богу. Обряд по сложившейся традиции, зарекомендовавший себя у поколений предков как угодный Богу, искоренить нелегко. Истребление местных традиций негативно воспринималось не только по причине магического отношения к службам, но и потому, что оценивалось как окончательное отнятие прав у населения неправедной властью.

Выступившие против реформ Никона его бывшие соратники из числа «ревнителей благочестия» были осуждены и сосланы. По словам Аввакума, Никон был «наш друг... ныне же честь веземше и переменишеся». В отличие от своих прежних единомышленников, патриарх Никон хотел исправить церковную жизнь не установлением соборного начала, а строгим единовластием патриарха. Для самого Никона богослужебные реформы, которые традиционно связывают с его именем, не были делом первостепенной важности. Прежде всего он желал независимости церковной власти от царя. Никон полагал возмутительным положение дел, когда царь созывает церковные соборы, определяет порядок их работы и утверждает проекты докладов и решений; царь ставит архиереев, издает распоряжения о соблюдении постов, о служении молебнов, о порядке в церквах; царь вмешивается в финансовые, судебные и административные дела Церкви, вплоть до непосредственного утверждения чиновников во все приказы, находившиеся в ведении патриарха.

Главной же целью Никона было достижение первенства Церкви над царством. По его замыслу, священство должно быть выше царства, поскольку царству поручено земное, временное, а священству – вечное, небесное. Как луна получает свет от солнца, так государь получает, через венчание на царство, власть от первосвятителя.

Поначалу Никон добился значительного успеха. Советник и друг царя, он обладал большой властью не только в Церкви, но и в государственных делах. Он вывел архиереев из-под юрисдикции светского судопроизводства; в отсутствие царя председательствовал в боярской думе, принимал челобитные (прошения) на царское имя, вел

дипломатическую переписку. По особому повелению царя он получил право официально титуловаться «великий государь».

Никон не только укреплял личную независимость, но и радел о церковном имуществе. Он значительно увеличил землевладение патриаршей кафедры. В его личное владение царем были пожалованы земли, на которых были построены три монастыря: Воскресенский, Иверский, Крестовый. Воскресенский монастырь, которому Никон дал наименование «Новый Иерусалим», должен был стать символом и центром Вселенского Православия. Монастырский собор, возведенный как прообраз древнего Иерусалимского храма, имел пять престолов для всех пяти православных патриархов.

После того как теократическая политика Никона стала понятна царю, между патриархом и царем наступило охлаждение, закончившееся разрывом. В 1658 г. Никона демонстративно не пригласили на обед в честь приезда грузинского царевича Теймураза, причем грубо прогнали патриаршего стряпчего князя Мещерского. Царь перестал посещать патриаршие службы и передал через князя Ромодановского требование Никону перестать титуловаться «великим государем». Никон оставил патриарший престол, не дав благословения на избрание нового патриарха, и удалился в Воскресенский монастырь.

Никон считал свою власть в Церкви и государстве достаточно прочной и пытался добиться от царя возвращения на патриаршество на своих условиях. Патриарх и царь обменялись посланиями, содержащими взаимные обвинения. После неудачной попытки в 1664 г. вернуться на патриаршество, явочным порядком заняв патриаршее место в Успенском соборе Кремля, Никон предложил дать свое согласие на избрание нового патриарха при условии почетной отставки, предусматривающей сохранение в его владении трех монастырей с вотчинами и всеми чинами духовенства, а также сохранение титулования патриархом (без поименования «Московский и Всея Руси»).

Но было уже поздно. Противостояние царя и патриарха закончилось победой царя. Церковный Собор 1666 г., на котором присутствовали царь и приглашенные в Москву патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, низложил Никона. За самовольное оставление патриаршества церковный суд лишил его архиерейства, низвел до звания простого монаха. На соборе никто не выступил в защиту патриарха, оттолкнувшего от себя сторонников своей политикой и грубым нравом. Только два епископа Павел Крутицкий и Иларион Рязанский выразили особое мнение, но не в связи с низложением Никона. Они были не согласны, что царская власть выше патриаршей.

Собор изрек анафему на тех, кто ослушается его постановлений. Тем самым собор подтвердил необходимость подчинения Церкви царской власти. В декабре 1666 г. Никон был отправлен в ссылку в Ферапонтов монастырь, а в 1676 г. по указу нового царя Федора Алексеевича переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1681 г. царь приказал вернуть Никона в Москву с разрешением поселения в Новоиерусалимском монастыре, но Никон, будучи уже совершенно больным, скончался по пути близ Ярославля, на пристани Толгского Богородичного монастыря.

После низложения Никона продолжение реформ взял в свои руки сам царь Алексей Михайлович, который пытался договориться с антиниконовской оппозицией, не уступая ей по существу.

РАЗДЕЛ 4. ЛИТОВСКАЯ МИТРОПОЛИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV–XVI ВЕКОВ

4.1. Деятельность митрополитов Исидора, Ионы и Григория Болгарина

В 1437 г. в Константинополе посвятили на кафедру киевских и всея Руси митрополитов игумена греческого монастыря Исидора. В Москву он прибыл на Светлой седмице в том же году.

По прибытии он вскоре начал собираться к отъезду на Ферраро-Флорентийский католический собор, созванный папой Евгением IV для обсуждения вопроса о соединении Церквей Православной и Римско-Католической. Великий князь московский Василий Васильевич пытался отговорить Исидора от этой поездки, но, когда это не удалось, сказал на прощание: «Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового, чужого не приноси, если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примем».

Исидор выехал из Москвы на Собор 8 августа 1437 г. в сопровождении свиты из ста человек. Обоз везли 200 лошадей. При Исидоре в свите был суздальский епископ Авраамий с иеромонахом Симеоном. Ехали через Тверь, Новгород, Псков, Дерпт (Юрьев), Ригу, Балтийским морем до Любека, а затем через Германию, Лейпциг, Аугсбург и Тироль. На Соборе во Флоренции Исидор оказался самым деятельным сторонником унии с Римом. Он подписался под актом этой унии 5 июля 1439 г. Когда епископ суздальский Авраамий не соглашался подписать этот акт, то Исидор «(взял) его и всади в темницу, и седе неделю полну, и тако тому подписавшуся не хотеніем, но нужею».

С Флорентийского Собора Исидор возвратился со своей свитой в Москву перед самой Пасхой 1441 г. За усердие к делу унии папа Римский наградил его саном кардинала-пресвитера и званием «легата от ребра апостольскаго для провинцій Литвы, Ливоніі, всей Россіи и Польши». По пути Исидори посетил города Великого княжества Литовского и Галичины: Перемышль, Галич, Львов, Владимир-Волынский, Луцк, Вильно, Полоцк, Туров и Киев. Везде он останавливался, служил в церквах и католических костелах, поминал папу; пред ним несли католический кардинальский крест.

Москвичи, услыхав, что протодиакон Исидора читал с церковного амвона акт Флорентийской унии и что сам Исидор подчинился папе, сильно вознегодовали и заволновались. Великий князь Василий Васильевич назвал его «латинским ересным прелестником» и волком, велел свести его в Чудов монастырь и там посадить под стражу, а сам

созвал Собор епископов и игуменов для рассмотрения Исидорова дела. Собор обвинил Исидора в ереси и низложил его. В Москве не хотели возиться с ним и позволили ему бежать из монастыря. В ночь на 15 сентября он бежал в Тверь, а оттуда в Великое княжество Литовское к великому князю Казимиру. По свидетельству летописца, Исидор «поехал в Литву к Казимеру в Новый Городок (Наваградак) и пробыв тамо пойде к Риму».

После изгнания Исидора в Москве возвели на митрополичий престол всея Руси рязанского епископа Иону, которого избрали на этот престол десятью годами ранее – в 1433 г. Однако тогда митрополит Иона не поехал в Константинополь к патриарху для поставления, потому что москвичам было известно, что патриарх Константинопольский и византийский император приняли унию. Возведение Ионы на митрополичий престол состоялось в декабре 1448 г. С этого времени в Москве начали избирать и посвящать в сан митрополитов без константинопольского патриарха. Началом независимого автокефального существования Русской Православной Церкви от Константинополя считается 1448 г.

В то время Литовско-Наваградская и Галичская митрополия не имели своих митрополитов. Митрополит Иона поспешил в Великое княжество Литовское, чтобы объединить все епархии под своим началом. Ему благоприятствовали в этом мирные отношения между Москвою и Великим княжеством Литовским. Митрополит Иона написал два послания: одно ко всем князьям, панам, боярам, наместникам, воеводам и всему «купно литовско-галицкому людству», а второе – к киевскому князю Симеону Александровичу Олельковичу. К епископам западнорусских провинций он не обращался, считая их уже своими. Вслед за посланиями митрополит поехал в Киев, посетил Галич, Львов, Вильно и Наваградак. Это путешествие помогло ему закрепить свою власть в этих областях. Польский король и великий князь литовский признал за ним право на «столец митрополичь кіевскій и всея Руси, как первіе было по установленію и обычаю рускаго христіанства» и в 1451 г. выдал ему об этом свою грамоту-привилегию, охранявшую его права в Великом княжестве Литовском.

Мирное правление митрополита Ионы было нарушено Римом. В 1458 г. униатский патриарх Григорий Маммас, изгнанный православными греками из Константинополя за принятие им Флорентийской унии и поселившийся в Риме, рукоположил в сан митрополита «Кіевскаго, Литовскаго и всея Руси» Григория Болгарина, ставленника Исидора. Папа Пий II утвердил его своей грамотой от 11 сентября 1458 г. Снабженный грамотами папы и униатского патриарха, Григорий Болгарин прибыл в Вильно и Наваградак. Он привез от папы письмо к польскому королю

Казимиру, в котором папа писал, что все русские в его королевстве отнимаются от «злочестивого монаха Ионы» и передаются униату Григорию. Папа повелевал королю не впускать митрополита Иону в Великое княжество Литовское и Польшу, а если он или кто иной от него появится в этом княжестве, то «чтоб король приказал схватить, заковать в оковы и бросить в тюрьму». Он повелел также привести всех западнорусских епископов, священников и весь народ в послушание Григорию.

Король ревностно старался выполнить повеление папы. По его приказу во всей Беларуси, Волыни, Холмщине, Галичине и Киевщине поднялась волна насилия над православными. Королевские власти принуждали силой православных епископов, священников, монахов и народ подчиниться Григорию. Митрополит Иларион писал: «Римский митрополит Григорий поднял злую бурю на Руси, началось гонение на духовенство и народ. Но все преследования ничего не помогли: народ бойкотировал Григория Болгарина, и мира в Церкви не было».

Против Григория выступил митрополит Иона, используя силу своего авторитета. Он разослал свое послание ко всем епископам Великого княжества Литовского, уговаривая их не признавать униата и не подчиняться ему. В Москве 13 сентября 1459 г. он созвал собор епископов, на котором было составлено соборное постановление против Григория. Великий князь московский Василий Васильевич со своей стороны написал письмо к королю Казимиру, прося его не преследовать православных и не принуждать их подчиняться Григорию. Король не обращал внимания на письмо московского великого князя и продолжал свое дело. Он в ответном письме к Василию Васильевичу предлагал признать и принять униата Григория митрополитом в Москве вместо престарелого митрополита Ионы.

Десять лет шли споры и между представителями конфессий в Беларуси, и во всем Великом княжестве Литовском. Православные епископы подчинились митрополиту-униату под давлением короля. Только один черниговский епископ не признал униата и уехал в Москву, оставив свою епархию. Король досадовал на то, что уния не имела успеха среди православных. В 1468 г. он писал папе Павлу II, что в Великом княжестве Литовском обитает великое множество «еретиков и схизматиков», и число их со дня на день возрастает. Король просил папу прислать монахов, чтобы уговорами обращать русинов и белорусов в унию, потому что силой с ними ничего нельзя сделать. Папа прислал монахов бернардинов, которые в 1469 г. основали свой монастырь в Вильно и повели агитацию в пользу унии.

Митрополит Григорий вскоре убедился, что его действия не приносят успеха. Он был митрополитом, но без народа и духовенства. Такое положение становилось ему в тягость. Григорий решил отречься от унии и возвратиться в лоно Православной Церкви, от которой в свое время отошел. В 1469 г. он послал своего доверенного посла Мануила к Константинопольскому патриарху с просьбой принять его и утвердить на киевском митрополичьем престоле. Ходатайство он подкрепил богатыми подарками. Но в то время на патриаршем престоле происходили частые перемены патриархов. Патриарх Марк II Ксилокарав не принял подарков от Григория и отказался дать ему свое благословение. В 1472 г. патриарх Дионисий утвердил Григория. Митрополит Григорий вскоре после своего утверждения умер и был похоронен в Наваградке как православный митрополит. По поводу даты смерти Григория нет единого мнения: архиепископы Макарий и Филарет указывают 1473-й как год его кончины, А.В. Карташев – 1475-й.

4.2. Разделение Русской Православной Церкви на две митрополии

Прибытие митрополита Григория Болгарина в пределы Великого княжества Литовского внесло новый порядок в церковную жизнь. С этого времени начался новый период независимого от Москвы существования Литовской митрополии. В летописи по этому случаю говорится: «И оттоле разделися митрополія: король сего прія Григорія, а князь велики (московский) не восхоте; и оттоле сотворишася два митрополита на Руси, един на Москве, а вторый в Кіеве». Эта летопись подтверждает факт разделения Русской Православной Церкви на две митрополии: Московскую и Киевскую или Литовско-Наваградскую. Это событие имело большое значение в истории Православной Церкви на Руси.

Московская митрополия отделилась от юго-западных областей Руси, находившихся в Великом княжестве Литовском, и создала свою автокефальную Церковь. В составе этой митрополии остались все епархии Московского государства, вследствие чего она стала митрополией этого государства. Московские митрополиты отказались от митрополичьего киевского титула и начали именоваться митрополитами московскими и всея Руси. Фактически таковыми они были в продолжение двухсот лет со времени переселения их предшественников из Киева во Владимир-на-Клязьме, а потом – в Москву. Когда в январе 1589 г. в Москве было учреждено патриаршество, патриарший титул стал именоваться так: «Патриарх Московский и всея Руси». Московские митрополиты и патриархи не простирали более своей власти на Киев и юго-западные

русские епархии, оставив их в покое и занимаясь устроением церковной жизни в Московском государстве.

По поводу отделения Московской митрополии от Киева А.В. Карташев в своем труде «Очерки по истории Русской Церкви» цитирует документ, который был подписан епископами митрополии на соборе в Москве, созванном митрополитом Ионой в конце 1459 г., когда началась борьба с униатским митрополитом Григорием, утвердившимся в Великом княжестве Литовском. Суть документа в том, что епископы давали письменное обещание, своего рода присягу, что они будут «неотступными от Святой Церкви Московской, от митрополита Ионы и во всем повиноваться ему, а по отшествии его к Богу, повиноваться его законным преемникам; к отступнику же от православной веры, Исидорову ученику Григорию, отлученному от Святой Соборной Церкви, нам, архиепископам и епископам Русской митрополии не приступать, грамот от него никаких не принимать и совещаний с ним не иметь ни о чем».

Приводя этот документ, А.В. Карташев дает следующее пояснение: «В этом документе в первый раз говорится о Русской Церкви, как *«Церкви Московской».* Такое название Восточно-Русской Церкви особенно характерно в данный момент разделения митрополии, так как окончательное их распадение произошло именно от того, что Русская митрополия сделалась Московской... Теперь, когда с митрополита Ионы начинается на Руси ряд митрополитов, избираемых и поставляемых в Москве, преимущественно по воле одного московского князя, причем митрополит не только оставался жить в Москве, но и был московским подданным, – политика литовско-польских государей уже никак не могла мириться с таким положением дел, и разделение Русской митрополии должно было произойти неизбежно».

Разделение митрополии стало окончательным завершением продолжительной борьбы православных Великого княжества Литовского и Галичины за независимое от Москвы существование своей Церкви. В этой борьбе превалировал мотив политический, чисто государственный. Главными инициаторами и действующими лицами были великие князья литовские и короли польские. Они не могли допустить, чтобы их православные подданные находились в подчинении иностранного митрополита, жившего в Москве, которая часто враждовала с Великим княжеством Литовским и вступала с ним в войну. Эти политические мотивы побуждали великолитовских государей настойчиво домогаться от патриарха Константинопольского назначения для их государства особого митрополита, подчиненного не Москве, а Константинополю. Православный епископат играл пассивную роль. Он вовлекался в борьбу по мере необходимости: в решительные моменты, когда его помощь была крайне

необходима и могла быть действенна, как, например, при избрании и поставлении литовского митрополита Григория Цамблака.

С другой стороны, московские митрополиты не уступали своих прав на управление Киевом и православными в Великом княжестве Литовском и сильно противодействовали учреждению и существованию здесь митрополии. Они заботились о единстве Русской Церкви и оберегали целость древней Киевской митрополии, которую возглавляли. С канонической точки зрения это была обязанность митрополита всея Руси. Но назначение особого митрополита для Великого княжества Литовского и отделение православных этого государства от Москвы зависело от Константинопольского патриарха с синодом, как канонического главы Русской Православной Церкви.

Московские великие князья поддерживали своих митрополитов в их усилиях сохранить единство Киево-Русской митрополии по политическим соображениям. Юго-западные русские области представлялись им исконными вотчинами, которыми они стремились владеть. За обладание этими землями велись войны между Москвой и Великим княжеством Литовским, а позднее – Польшей. Враждебные военные настроения углубляли рознь между государствами и отдаляли православных великолитовцев от митрополита в Москве.

Митрополит Григорий Болгарин был тем церковным деятелем, который помимо своей воли помог закрепить отдельное существование Литовской митрополии, оставшейся под властью и каноническим возглавлением Константинопольского патриарха. Митрополиты ее стали именоваться «киевскими», позднее «киевскими и галицкими». По старой традиции они называли себя митрополитами «киевскими и всея Руси». Но митрополитами «всея Руси» они не были, как не были таковыми и митрополиты московские после разделения митрополии. Русь разделилась на две части: северо-восточную и юго-западную. В каждой части ее было свое государство и своя Православная митрополия.

Хотя православные митрополиты Великого Княжества Литовского титуловали себя «киевскими» и считали Киев своим столичным городом, жить продолжали в Наваградке, а в Киеве бывали редко; некоторые из них даже вообще туда не ездили. В Киеве находились их наместники и управляли церковными делами от имени митрополита. При таком положении киевский титул имел для православных митрополитов лишь номинальное значение, связывающее с историческим прошлым. По местожительству они являлись митрополитами «наваградскими» или «литовско-наваград-скими». Этот титул соответствует местопребыванию кафедры и древней церковной традиции.

4.3. Митрополиты Мисаил, Спиридон Сатана, Иона Глезна, Иосиф I Болгаринович, Иосиф II Солтан, Макарий II, Михаил Рогоза и их деятельность

Со времени отделения Московской митрополии от Киева начинается длинный ряд самостоятельных митрополитов Великого княжества Литовского.

Митрополит Мисаил. После кончины митрополита Григория на митрополичий престол в 1475 г. был избран епископ смоленский Мисаил, родом из князей Пеструцких или Пестручей. Каким образом произошло его избрание в митрополиты, точно неизвестно. Судя по обычаю того времени, его избрали на соборе епископы, архимандриты, князья, бояре и знатная шляхта Великого княжества Литовского. Польский король дал свое согласие на избрание Мисаила, но поставил условие, чтобы тот принял католическую унию. В угоду королю Мисаил послал папе Сиксту IV «епистолію» или грамоту от 14 марта 1476 г., составленную весьма витиевато, многословно и туманно, в которой выражалась готовность принять унию, была жалоба на притеснения со стороны римо-католиков и просьба уравнять его с латинскими епископами. Грамоту подписал Мисаил следующими словами: «Мисаилъ, священный епископъ смоленскій, електъ на митрополію кіевскаго престола и всея Росіи». Вместе с ним подписали эту грамоту два архимандрита: Виленского Троицкого монастыря Макарий и Киево-Печерской лавры Иоанн, а также несколько мирян из знатных родов: князь Феодор Вельский, князь Димитрий Вяземский, Ян Ходкевич – наместник витебский, великий гетман и маршалок Великого княжества Литовского, его брат Павел – наместник каменецкий и другие. Содержание этого документа подробно описал архиепископ Макарий.

Папа получил письмо Мисаила, но ответа не дал. Был ли Мисаил униатом, неизвестно. Есть данные, что он управлял Литовско-Наваградской митрополией до своей смерти, как епископ смоленский и елект на престол Киевской митрополии. Умер он в 1480 г. в Наваградке, где жил в митрополичьем доме и где находилась его кафедра. Константинопольский патриарх, узнав о контактах Мисаила с Римом, своего благословения на возведение его в сан митрополита не дал. Самовольно же Мисаил не пожелал именовать себя митрополитом.

Митрополит Спиридон Сатана. В 1477 г., когда Мисаил управлял Литовско-Наваградской митрополией, патриарх Константинопольский Рафаил посвятил в сан митрополита Литовской митрополии монаха Спиридона, прозванного Сатаной за изворотливость и «резвость его». Историки, основываясь на летописях, называют его «тверитянином», т.е. уроженцем Твери. Когда Спиридон, после своего посвящения в митрополиты, появился в Великом княжестве Литовском, король Казимир

не только не признал за ним права на митрополию, но посадил в заточение, в котором тот оставался до 1482 г. Из своего заточения Спиридон отправил посланца в Москву с письмом к великому князю Ивану Васильевичу, прося его заступничества. Москва вступилась за него. Выйдя на свободу из заточения, Спиридон написал послание к пастве под названием: «Изложенiе о православной, истинней нашей вере». В послании он пишет, что принял рукоположение и поставление на «кiевскую митрополью всея Руси» в Царьграде от патриарха Рафаила и всего освященного собора св. митрополитов и боголюбивых епископов, упоминает и о своих страданиях за правду во время пребывания в польском заточении. Он титуловал себя: «Спиридонъ, архiепископъ кiевскiй и всеа Руси». Из Великого княжества Литовского он прибыл в Москву, но там приняли его негостеприимно: заточили в Ферапонтов монастырь, где он и скончался.

Остается невыясненным вопрос, кто послал Спиридона в Константинополь и снабдил его деньгами для того, чтобы получить сан митрополита. Есть основание полагать, что сделала это Москва по каким-то своим соображениям. Когда же Спиридону не повезло в Великом княжестве Литовском и он оттуда бежал, Москва побоялась оставить его на свободе, чтобы он не предъявил притязаний на Московскую митрополию. А.В. Карташев замечает, что Москва таким образом защищалась не лично от Спиридона, а от Константинополя. Москва опасалась вмешательства Константинопольского престола в дела Московской митрополии, которая самостоятельно отошла от него.

Митрополит Симеон. С согласия польского короля православные великолитовцы избрали себе митрополитом Симеона, архиепископа полоцкого. На этот раз король не предъявлял своих условий новому митрополиту на принятие унии. Константинопольский патриарх Максим утвердил Симеона и прислал ему свой «благословенный лист», в котором обращался не только к нему, но и ко всем епископам и всем православным. Патриаршее послание привезли два экзарха: митрополит енейский Нифонт и епископ ипанейский Феодорит, которые и совершили интронизацию нового митрополита вместе с епископами Литовской митрополии в Наваградке в 1481 г.

Во время управления митрополита Симеона крымский хан Менглигирей в 1482 г., в угоду московскому великому князю Ивану III, внезапно напал со своей ордой на Украину, разграбил и сжег Киев, взял множество пленных, в том числе архимандрита Киево-Печерского монастыря Феодосия Войколовича и киевского воеводу Ивана Ходкевича с семейством, разграбил Софийский митрополичий собор, а похищенные из него сосуды – золотой потир и дискос – отослал в Москву великому князю.

Митрополит Симеон святительствовал до 1488 г. По Супрасльской летописи он скончался в том же году. За год до своей кончины он посвятил Вассиана в сан епископа Владимирского и Берестейского.

Митрополит Иона Глезна. После смерти митрополита Симеона православные обратились к королю с просьбой разрешить им избрать митрополита. Когда разрешение было получено, начались поиски кандидата в сан митрополита. Происходило «взыскание многое» по всем странам Великого княжества Литовского. Нашли «мужа святаго, сугубо наказаннаго в писаніях, могущаго и иных пользовать и противящимся закону нашему сильнаго возбранителя», Иону, архиепископа Полоцкого. Избранный долго не соглашался, называл себя недостойным, но был «умолен просьбами князей, всего духовенства и людства, и подвигнут повеленіем господаря». Все это православные изложили в письме к патриарху. В заключение они просили патриарха «внять писанію и не презреть их моленій», т.е. утвердить на митрополии архиепископа Иону. В мае 1492 г. архимандрит Слуцкого Троицкого монастыря Иосиф повез письмо патриарху. Прошло четыре года со смерти митрополита Симеона, когда наконец совершилось избрание Ионы и утверждение его на митрополичьем престоле. До получения патриаршего утверждения Иона управлял Литовской митрополией с титулом «електа» или нареченного митрополита. Скончался в 1494 г.

Вскоре после утверждения Ионы митрополитом умер польский король Казимир. Церковная политика этого короля после неудачных попыток введения церковной унии отличалась толерантностью к православным.

Митрополит Иосиф I Болгаринович. Преемником митрополита Макария был епископ смоленский Иосиф Болгаринович. В Супрасльской летописи говорится, что «в лето 7006 (1498), месяца маіа в 30 день, индикта I, вел. князь Александр литовскій даде митрополію кіевскую и всея Руси Іосифу, епископу смоленскому, с епископіею смоленскою».

Иосиф происходил из шляхетского рода и имел родовое имение в Слуцком уезде. До своего епископства он был архимандритом и настоятелем Слуцкого Троицкого монастыря. Ввиду того что в летописях не сказано об обычном избрании его собором епископов и духовенства на митрополию, следует предполагать, что это избрание провел единолично великий князь литовский Александр, ревностный католик, который загорелся желанием ввести унию в Великом княжестве Литовском, вдохновленный на это папой и иезуитами. Митрополит Макарий не согласился на унию. После его смерти Александр целый год искал подходящего кандидата в митрополиты, который бы согласился на унию. Пока митрополичья кафедра пустовала, митрополичьей епархией управлял

епископ пинско-туровский Вассиан. Когда Иосиф согласился принять унию, великий князь Александр «даде» ему митрополию своей властью.

Патриарх Нифонт признал Иосифа митрополитом и написал ему свое послание 5 апреля 1498 г., величая его «благочестивым и боголюбивым Іосифом, братом и сослужителем, митрополитом кіевским и всея Росіи и в Литве». Нифонт не прислал своего экзарха для поставления Иосифа в сан митрополита. Но по особому ходатайству Александра патриарх Константинопольский Иоаким прислал своего посла Авраамия, который вместе с епископами: полоцким Лукой, луцким Кириллом и туровско-пинским Вассианом – 10 мая 1500 г. поставил епископа Смоленского Иосифа митрополитом Киевским и всея Руси.

С момента избрания на митрополию Иосиф начал поддерживать унию, сначала секретно, конспиративно, но позднее уже открыто. 20 августа 1500 г. он написал грамоту к папе Александру VI, по содержанию своему похожую на грамоту митрополита Мисаила к папе Сиксту IV 1476 г. В ней содержались следующие обращения к папе: «...я верую и исповедую, что ты пастырь всех верующих и глава Вселенской Церкви и всех св. отцов и патріархов... Пред тобою мы смиренно склоняем головы наши со всею покорностію доброй воли.., желаем от твоей святыни святейшаго благословенія... Мы молим твою святыню, будь милостив к нам... Мы уверены, повергаясь пред тобою на землю и целуя ноги твои, что ты исполнишь желание сердца нашего и утъшишь нас, пребывающих в скорби, и не отвергнешь прибегающаго под твое покровительство».

Иосиф пытался обратить в униатскую веру супругу великого князя литовского Елену, дочь великого князя московского Ивана III. Но та решительно отклонила увещания Иосифа. В Москву поступали все новые известия о попытках Иосифа вместе с римо-католиками обращать православных в униатство.

К концу жизни активность митрополита Иосифа по распространению униатства угасла. Он умер в середине или в конце 1501 г.

Митрополит Иосиф II Солтан. Этот митрополит происходил из знатного рода Солтан. В 1502 г. он был уже нареченным епископом смоленским. При осаде московскими войсками Смоленска показал свою верность королю Александру, за что получил в награду три имения, которые подарил Супрасльскому монастырю. В сан митрополита Иосиф был избран в конце 1507 г. или в январе 1508 г. В начале 1509 г. патриарх Пахомий благословил его на митрополию. Уже в сентябре того же года он подписывал грамоты следующим образом: «...волею Божією, Іосифъ архіепископъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Руси».

Митрополит Иосиф Солтан был одним из видных архипастырей. Свою архипастырскую деятельность на митрополичьем престоле он

ознаменовал созывом Церковного Собора в Вильно. Собор, открывшийся 25 декабря 1509 г., т.е. на Рождество Христово, был посвящен соблюдению древних обычаев и устава Церкви. Собор вынес ряд важнейших решений, которые имели большое значение для Церкви.

В 1514 г. митрополит Иосиф созвал новый Собор в Вильно, на котором обсуждался вопрос об установлении праздника в честь преп. Елисея Лавришевского. Было определено праздновать его память 23 октября. О других постановлениях и принятых решениях ничего не известно.

Митрополит Иосиф скончался в конце 1521 г., оставив о себе память как о выдающемся святителе Православной Церкви в Великом княжестве Литовском.

Митрополит Макарий II. 1 января 1534 г. король Сигизмунд издал следующую грамоту: «Бил нам челом владыка луцкій и острожскій, епископ Макарій и просил нас, чтобы мы пожаловали его хлебом духовным, митрополіею кіевскою и галицкою и всея Руси, которую держал пред ним митрополит Іосиф. О том же говорила нам за него наша королева и великая княгиня Бона, а ходатайствовали перед нами воевода виленскій, пан наш, староста бельскій и мозырскій, Ольбрахт Мартынович Гаштольд и все князья паны греческаго закона, чтобы мы дали ту митрополію ему и пожаловали его тем хлебом духовным, – так как и сам митрополит Іосиф, еще будучи здоров, уступил ему ту митрополію по своем животе. И мы, по своему государскому благоволенію, во вниманіе к желанію нашей королевы и ходатайству воеводы виленскаго и князей и панов греческаго закона, и находя его – Макарія – на то годным, исполнили его челобитье: дали ему – владыке луцкому и острожскому Макаію – митрополію кіевскую и всея Руси, со всеми именіями, дворами, фольварками и селами, принадлежащими митрополіи, со всеми доходами, платежами и пожитками, каие на нее приходят. И имеет он ту митрополію держать и в ней править и рядить, и брать себе доходы и платежи так же, как правили прежніе митрополиты кіевскіе, по обычаю греческаго закона».

Из текста грамоты видно, какие права имели короли при назначении митрополитов Православной Церкви в Великом княжестве Литовском.

Новый митрополит был из Москвы и прибыл в Вильно с великой княжной Еленой как ее духовник. Макарий был женат и имел детей. Овдовев, принял монашество, после чего получил назначение на место настоятеля в Лещинском монастыре Пинской епархии. Был рукоположен во епископа Пинско-Туровского. В 1528 г. получил епископию Луцкую, а в 1534 г. – митрополию. Константинопольский патриарх дал ему свое благословение, и в апреле 1535 г. Макарий титуловал себя уже митрополитом Киевским и проч. Скончался в 1555 г.

Митрополит Михаил Рогоза. Прошло только пять дней после низложения митрополита Онисифора, как король Сигизмунд III выдал грамоту от 27 июля на митрополию архимандриту Минского Вознесенского монастыря, «шляхетне урожонному» Михаилу Васильевичу Рогозе. В грамотесказано, что «...панове рада и рыцарство Великаго княжества Литовскаго, закону и послушенства Церкви греческой» избрали Михаила Рогозу и что по их просьбе избранный удостаивается митрополичьей кафедры. Но в этом документе допущена неточность. Вряд ли многие православные принимали участие в избрании Михаила Рогозы. Возможно, кто-то из православных представил его кандидатуру королю. В действительности же избрание и назначение Михаила Рогозы на митрополию произвел король своей властью. Об этом королевском назначении писали виленские иезуиты вскоре после возведения Михаила Рогозы. Они упрекали его, что был назначен на митрополичью кафедру «безъ содействія» православной шляхты. Патриарх Иеремия, который в то время находился еще в Вильно, 1 августа 1589 г. возвел Михаила Рогозу в сан митрополита. Митрополит Михаил был последним из ряда литовско-наваградских митрополитов, возглавлявших Православную Церковь в Великом княжестве Литовском и Польше до введения Брестской унии в 1596 г.

РАЗДЕЛ 5. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

5.1. Обострение противоречий между «грекофильской» и «латинской» партиями в кругах русского духовенства

Вторая половина XVII в. была связана с рядом изменений. Обострились противоречия между «грекофильской» и «латинской» партиями в кругах русского духовенства. «Латинская» партия имела широкие связи с европейскими странами, опиралась на появившихся в числе московских иерархов представителей украинско-белорусской Церкви, ученых-монахов, которым оказывала покровительство царская власть. Цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич поддерживали Симеона Полоцкого, ученик которого – поэт и церковный писатель Сильвестр Медведев считался идеологом «латинствующих». Медведеву покровительствовали правительница Софья и западник князь В.В. Голицын. Противниками Медведева были сторонники грекофильского, традиционалистского направления – Евфимий, а позже – братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Патриарх Иоаким (1674–1690) оставался в стороне от полемики, которая развернулась в богословской публицистике, выражавшей фактически различные политические интересы. Сильвестр

Медведев был выразителем интересов светской власти, стремившейся укрепить свои позиции и связи Русского государства с католической Речью Посполитой и Священной Римской империей. Братья Лихуды отображали интересы патриарха, ревнителей православия и старины, которые отстаивали политические притязания Церкви и выступали против распространения в Русском государстве западного влияния.

В борьбе за власть царевны Софьи, царей Ивана и Петра патриарх Иоаким примкнул к сторонникам Петра и оказал им существенную поддержку. Однако правительство Петра I, пришедшего к власти осенью 1689 г., удовлетворило лишь частные требования ревнителей православия и старины: из Москвы выслали католическую миссию и осудили как еретика Сильвестра Медведева. В главном вопросе о соотношении светской и духовной власти Петр начал жестко вести политику превращения Православной Церкви в одно из звеньев бюрократической системы абсолютной монархии.

Иерархия Русской Православной Церкви в своем большинстве не приняла церковные реформы Петра I. Хотя среди иерархов были сторонники реформ Петра, такие как святитель Митрофан, епископ Воронежский, благословивший царя на строительство морского флота, большинство архиереев считали петровские реформы изменой национальным устоям и интересам. По отношению к недовольным применялись массовые репрессии. По некоторым данным, среди политических процессов первой четверти XVIII в. дела, связанные с духовенством, занимали до 20% от всех следственных дел, причем в числе политических «отступников» был ряд крупных православных иерархов. Старообрядцы реформы Петра рассматривали как дело антихриста. В зарубежных протестантских странах реформами восхищались и расценивали их как положительное явление.

Поскольку потребность в Церкви как в идеологической опоре абсолютизма была, Петр стремился приблизить к себе украинских архиереев, более образованных и «европеизированных», особенно воспитанников Киево-Могилянской академии. В 1700 г. Петр I издал указ о вызове малороссийских священников. Среди приехавших в Россию были: Стефан Яворский, профессор риторики Киево-Могилянской академии; Феофан Прокопович, получивший образование в Киево-Могилянской академии и в Коллегиуме Святого Афанасия в Риме, Феодосии Яновский (с 1712 г. стал архимандритом основанного в 1710 г. и призванного стать главным в столице Александро-Невского монастыря в Петербурге) и др. Из 127 архиереев, занимавших до 1762 г. епархиальные кафедры, было 70 украинцев и белорусов и 47 русских.

Выходцы из Украины занимали высокие посты в Церкви. Дмитрий Тупило стал с 1702 г. ростовским митрополитом, Филофей Лещинский – сибирским митрополитом.

В 1700 г. после смерти патриарха Адриана патриаршим местоблюстителем стал Стефан Яворский. Благодаря поддержке Петра он занял кафедру митрополита Рязанского. Яворский не оправдал надежд царя и примкнул к партии противников реформ. Он осуждал Петра за привлечение в Россию иностранцев с предоставлением им свободы вероисповедания. Царь запретил ему выступать с публичными проповедями. В 1713 г. Стефан Яворский оспорил решение светского суда по делу кружка вольнодумцев, возглавлявшегося московским лекарем Дмитрием Тверитиновым, высказывавшем взгляды протестантского характера. Светский суд счел достаточным отречения заговорщиков от своих взглядов, но местоблюститель добился их проклятия на церковном соборе и сожжения одного из членов кружка (Фомы Иванова). Предстоятель Церкви усмотрел в этом деле большую опасность. Он и его сторонники видели в осуществлявшейся реформе результат воздействия западного протестантизма. Стефан Яворский написал сочинение «Камень веры», вызвавшее недовольство царя и запрещенное им к публикации (издано после смерти царя в 1728 г.).

Влиятельным выдвиженцем и сподвижником Петра в его церковных реформах был Феофан Прокопович (1681–1736). В 1709 г. он обратил на себя внимание Петра проповедью в честь Полтавской победы, после чего приглашен в Санкт-Петербург и в 1718 г. стал архиепископом Псковским с постоянным пребыванием в Санкт-Петербурге.

В 1718 г. по поручению царя, в связи с «делом царевича Алексея», Феофан пишет трактат «Правда воли монаршей». В этом сочинении Феофан Прокопович развивает концепцию маестата, величества высшей власти, которая в отличие от византийского принципа симфонии значительно больше импонировала российскому абсолютизму. Концепция утверждала абсолютное превосходство власти государя над всякой иной властью, в том числе и церковной. Верховная государственная класть создает законы, но сама никаким законам неподвластна и повинуется только Богу. Судить о том, соответствуют ли действия власти Божьей воле, может только сама эта власть.

5.2. Реформы Петра I и деятельнось Феофана Прокоповича

В 1720 г. по поручению государя Феофан Прокопович составил законодательный акт об управлении Церковью под названием «Духовный регламент», принятый и получивший силу закона в 1721 г. Этот документ

обобщил и довершил перестройку, начатую указами Петра. Церковные реформы регулировались серией царских указов. В январе 1701 г. вышло распоряжение о восстановлении Монастырского приказа, поставленного с 1711 г. под контроль Сената, и о передаче ему функций управления хозяйственными делами Церкви. 30 декабря 1701 г. был издан указ о сокращении монашествующих. По этому указу вводился фиксированный оклад священнослужителям. Так, митрополит Ростовский получал 1 000 рублей в год, митрополиты Смоленский и Вологодский получали по 1 500 рублей в год. В 1704 г. был создан специальный драгунский полк из церковных, подпавших под сокращение. Вводилось штатное расписание приходской Церкви. На приход в 100–150 дворов полагалось иметь одного священника, одного диакона и одного пономаря. Штат кафедрального собора должен был составлять 11 человек.

Указ от 1708 г. обязывал священников добиваться на исповеди сведений о крамольных замыслах и бунтах. В это время власть была обеспокоена крестьянско-казацким восстанием во главе с Кондратием Булавиным. Преобразования частично затронули богослужебную сферу: службы пересоставлялись с расчетом утвердить мысль о том, что един Бог на небе и един царь на земле; молитвы о победе над врагами должны были подчеркивать величие царя; вводились праздники в честь лиц царской фамилии и специальные службы к этим праздникам; провозглашено было анафематствование вора и разбойника Стеньки Разина.

Наряду с тем, что петровские указы вменяли Церкви государственные обязанности, они же и поддерживали Православную Церковь государственными средствами. Указ от 1718 г. обязывал православных выполнять религиозные обязанности. Отсутствие на исповеди, непосещение Церкви в праздничные и воскресные дни каралось денежным штрафом.

Старообрядцы должны были платить двойную подушную подать. Некоторые права признавались за поморскими старообрядцами, приписанными к Олонецким заводам. В 1711 г. им было дано право беспрепятственно торговать и заниматься промыслом. Позже их освободили и от двойной подати. В 1721 г. был учрежден Святейший Правительствующий Синод, называвшийся первоначально «Духовная коллегия». Президентом Синода стал бывший местоблюститель патриаршего престола С. Яворский. После его смерти должность президента была устранена. Феофан Прокопович обосновывал преимущество коллегиального управления Церковью по сравнению с единоличной властью патриарха. Кроме того, наличие рядом с царем «правителя духовного дает повод народу, удивленному честью и славой патриарха, помышлять, будто он есть вторый государь, самодержцу

равносильный, даже больший». В мае 1722 г. вышло распоряжение Петра «в Синод выбрать из офицеров доброго человека и быть ему обер-прокурором». Первый обер-прокурор – светское лицо, полковник И.В. Болтин, «око государя», подчинялся непосредственно императору. Таким образом, возглавление иерархии соборно избранным патриархом упразднялось и независимость иерархии от государственной власти исключалась. В 1723 г. зарубежные патриархи официально признали Синод как равного себе собрата.

С 1722 г. священники принимали присягу подобно военнослужащим. Должностные обязанности священников и епископов были изложены в «Духовном регламенте». Согласно ему, высшей властью в Церкви обладает царь, от имени которого управление осуществляет Святейший Синод, формируемый царем. При епархиальных архиереях создавались органы по управлению епархиями из светских чиновников и подведомственные обер-прокурору епархиальные консистории. Приходское духовенство стало замкнутым служилым сословием. Дети священников с рождения приписывались к духовному ведомству и должны были в дальнейшем становиться священниками или идти в солдаты. Пополнение белого духовенства за счет других сословий существенно затруднялось. Лишние священники переводились в податные сословия. Домовые церкви, кроме домов знатных престарелых особ, ликвидировались.

На приходских священников возлагались функции государственного контроля за благочестием и политической лояльностью своих прихожан: «Если кто при исповедании объявит духовному отцу своему некое неделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, измену и бунт на Государя или на Государство, то должен духовник донести вскоре о нем где надлежит».

Особые ограничения касались монастырей, куда запрещалось принимать лиц моложе 30 лет, беглых солдат, помещичьих крестьян без отпускного письма помещика и приказных людей (чиновников) без согласия губернатора. Регламент духовной коллегии постановил не строить без разрешения царя и Святейшего Синода новых монастырей, а монастыри с количеством монахов менее тридцати сводить в одну обитель, обращая их церкви в приходские. Синоду предписывалось искоренять предрассудок, что спастись можно только пострижением.

Монастыри были центрами противодействия реформам, поэтому вводилось множество строгостей. Настоятелями монастыря могли стать только лица, известные правительству. Монахам запрещалось держать в келье чернила и писать без ведома настоятеля. Предписывалось отлучаться из монастыря не более четырех раз в год, а гостей принимать только при свидетелях. Запрещалось переходить из одного монастыря в другой.

Священникам, архиереям, гражданским и военным чиновникам из монастырского приказа предписывалось ловить бродячих монахов.

Петр считал, что монастыри должны служить удовлетворению религиозных потребностей некоторых лиц, ищущих уединения, а также подготовке избранных монахов к высшим духовным должностям. Монастырям вменялось в обязанность заниматься больницами, богадельнями, воспитательными домами, образовывать ученые братства. Неученые монахи должны заниматься ремеслами.

Согласно «Духовному регламенту», во всех епархиях при архиерейских домах было предписано создавать школы повышенного типа – семинарии, с принудительным зачислением в них всех детей священников данной епархии. Учебный план семинарий был разработан Феофаном Прокоповичем и предусматривал обширную программу. На содержание семинарий выделялось не менее 30% доходов церковных вотчин в каждой епархии. Учащиеся должны были проживать в общежитиях монастырского типа. Самовольно оставившие обучение подлежали наказанию и сдаче в солдаты.

«Духовный регламент» был разослан на подпись правящим архиереям епархий и настоятелям основных монастырей, которые вынуждены были его утвердить. Тем самым Петр отменил и патриаршество, и церковный собор, поскольку канонический порядок управления Церковью был утвержден не соборным актом, а государственным законом.

Петр I не собирался разрушать Церковь или менять религию. Он не вторгался в вероучительную и догматическую область, сохранил общую иерархическую структуру Церкви, но истребил оппозиционный дух и сделал Церковь проводником самодержавной политики.

5.3. Жизнь Русской Православной Церкви в период второй половины XVIII–XIX веков

Политику Петра в отношении Церкви продолжили его преемники. В правление Анны Иоанновны, в 1732 г., было разрешено принимать в монахи только овдовевших священников и отставных солдат. Была проведена перепись духовных лиц, и постриженных вопреки указу расстригали и отдавали в солдаты. В 1740 г. в монастырях, по свидетельству Синода, остались только старики и больные, не способные к богослужению.

Елизавета Петровна смягчила законы Петра. С 1760 г. было разрешено постригать лиц всех сословий.

21 марта Петр III издал указ о секуляризации церковных земель. Но и после этого указа у Церкви осталось 8,5 млн. десятин земли и 1 млн. крепостных.

В царствование императрицы Екатерины II (правила с 1762 по 1796 гг.) Церковь лишилась своей экономической самостоятельности. Согласно Манифесту от 26 февраля 1764 г., большая часть монастырских и архиерейских вотчин передавалась под полное управление Коллегии экономики Синодального правления – т.е. светской власти. Архиерейские дома и монастыри отныне переводились на содержание казны.

Крестьянское население церковных вотчин, составившее к тому времени около 910 тыс. душ мужского пола, выделялось в особую категорию государственных «экономических» крестьян. Бывшие церковные, а теперь «экономические» крестьяне кроме подушного налога облагались денежным оброком в 1,5 рубля. Из собранных оброчных платежей около 0,5 млн. рублей выделялось на содержание епископских кафедр и монастырей. Для монастырей устанавливалось штатное содержание. Все монастыри, владевшие вотчинами и неупраздненные, за исключением лавр (Троице-Сергиевой и Киево-Печерской) и кафедральных (Александро-Невский, Чудов, Рождественский-Владимирский, Ипатьевский, Спасо-Преображен-ский, Новгород-Северский), были разделены на три класса. Согласно классу устанавливалась норма штатных монахов. Для мужских монастырей 1-му классу соответствовала норма 33 монаха, 2-му классу – 17 монахов, 3-му классу – 12 монахов; для женских монастырей 1-му классу соответ-ствовала норма от 52 монахинь до 101, 2-му и 3-му классу – 17 монахинь. В это время Синод установил для всех монастырей киновию. Количество монастырей было сокращено с 1 072 до 452 (по другим данным – с 814 до 396). Закрытые монастыри преобразовывались в казармы и госпитали. Открытие новых монастырей допускалось лишь с особого разрешения правительства.

Оппозиция подавлялась. Ростовский митрополит Арсений (Мациевич), выступивший с проповедями против «насильствующих и обирающих Церкви Божией и монастыри», был отдан суду Синода и заключен в карельский Никольский монастырь. В ссылке опальный иерарх обвинял Екатерину в насилии над Церковью и выражал сомнения в законности ее прав на престол. В 1767 г. он был судим вторично, расстрижен и заключен под именем Андрей Враль в крепостную ревельскую тюрьму, в которой умер.

К концу XVIII в. процесс полного подчинения Церкви самодержавному государству завершился. 5 апреля 1797 г. закон Павла I о престолонаследии объявил императора главой Русской Православной Церкви, которая отныне господствующая и главенствующая в Российском

государстве. В конце XVIII в. была введена духовная цензура, причем не только для религиозной, но и для светской литературы. Перед властью встала новая задача – поднимать престиж Церкви как части государственного аппарата и духовенства, бывшего вторым после дворянства сословием в Российском государстве.

С 1766 г. для ученого монашества отменялись указы Петра, запрещавшие иметь частную собственность при монастыре и распоряжаться ею в духовных завещаниях. Ученые монахи находились на содержании монастырей и получали жалование от школ, в которых преподавали. Повелением от 1799 г. особо заслуженных ученых монахов начали причислять в качестве соборных иеромонахов к соборам богатых монастырей, что давало право пользования кружечными доходами. Павел I стал давать ордена высшему духовенству. Для белого духовенства вводились специальные знаки отличия: крест на цепи, камилавка (головной убор).

Александр I увеличил привилегии духовенства. Он освободил от платежей и повинностей (кроме мостовой и фонарной) городские имущества монастырей, а монастырскую недвижимость вне города – от оброка в казну. С 1801 г. были отменены телесные наказания духовенства. С 1804 г. представители духовного сословия освободились от подушной подати и получили разрешение покупать ненаселенные имения, а с 1819 г. – и населенные (для священников дворянского происхождения). В 1821 г. духовное сословие было освобождено от постойной и земской повинностей и от воинской службы.

В 1817 г. было учреждено Министерство духовных дел и народного просвещения, в ведении которого находились семинарии, духовные училища, приходские школы.

Свод законов Российской империи 1832 г. завершил юридическое огосударствление Церкви.

Церковь, как часть государственного аппарата, выполняла ряд функций. Она должна была воспитывать паству в преданности престолу и послушности «властям предержащим». С этой целью в богослужении были обязательными молитвы за царя, за здравие и процветание царствующего дома, с поименным упоминанием его членов; все подлежащие оглашению царские указы и манифесты должны были читаться прихожанам с церковных амвонов после богослужения, причем закон запрещал выход молящихся из Церкви до их прочтения. В школьное образование был введен обязательный предмет – Закон Божий.

Церкви вменялась в обязанность регистрация актов гражданского состояния с непременным соблюдением церковных ритуалов крещения, венчания, отпевания. Брак лиц православного вероисповедания без

церковного венчания считался юридически незаконным, для венчания требовалось удостоверение церковных метрических книг о крещении.

Церковному надзору подвергали светских лиц, и необязательно за какие-либо проступки в делах веры.

Православная Церковь охранялась в Российской империи рядом законодательных и административных мер. За открытое богохульство полагалась каторга сроком до 15 лет, за избиение священника – тюремное заключение сроком до 8 лет, за переход из православия в раскол или «совращение» других в раскол – ссылка в Сибирь, за переход в какую-либо нехристианскую религию – лишение всех прав состояния и ссылка на каторгу на срок от 8 до 10 лет. Выход из господствующего православного вероисповедания до манифеста от 17 апреля 1905 г. рассматривался как уголовное преступление. Законом допускалась «свобода веры» для лиц неправославного вероисповедания, но пропаганда своей религии лицами неправославного вероисповедания была строго запрещена.

В начале XIX в. Святейший Синод состоял из семи высших духовных иерархов, образовывавших коллегиальное «присутствие синода». Обер-прокурором Синода назначалось светское лицо из числа высших царских сановников. Делопроизводство Синода вела синодальная канцелярия с двумя обер-секретарями, также светскими лицами. Хозяйственно-финансовой частью ведало хозяйственное управление, системой духовного образования – комиссия духовных училищ. Монопольное право на издание духовных книг имела синодальная типография.

Вся территория страны, где проживало православное население, подразделялась на епархии (округа), которые по своему статусу состояли из трех разрядов – митрополии во главе с митрополитами, архиепископства во главе с архиепископами и епископства во главе с епископами. Главу епархии назначал император из трех кандидатов – архиерейских чинов, предлагаемых Синодом. При епархии существовала консистория, которая ведала назначением и смещением священнослужителей, а также привлечением их к церковному суду за правонарушения по должности. На правах епархий находились управления придворного и военного духовенства. Первым управлением ведал духовник царя, вторым – обер-священник (в дальнейшем протопресвитер) армии и флота.

В начале XVIII в. Русская Православная Церковь насчитывала 24 епархии, а к его концу в Российской империи числилось 37 епархий, в 1890 г. – уже более 60 епархий, в том числе 3 митрополии, 16 архиепископств и 46 епископств.

Если в первое десятилетие XIX в. было около 26 тыс. церквей и православных соборов, то в 1890 г. – 45,7 тыс. Молитвенных домов и часовен насчитывалось 18,9 тыс.

В первой четверти XIX в. «белое» духовенство включало от 30 до 40 тыс. человек. Согласно переписи 1897 г., его количество возросло до 62 964 священников и дьяконов и 47 955 причетников. Павел I отменил право выбора священников, священники в приходы назначались. Приходские должности передавались по наследству старшему сыну, обязанному закончить духовное училище. Остальные сыновья являлись кандидатами на вакантные приходы. Если у священника были только дочери, то за старшей сохранялось «место», которое занимал ее муж, обязательно из духовной среды и окончивший духовное училище. Во второй половине XIX в. снимаются ограничения для выхода из духовного сословия. В 1869 г. наследственность получения духовного сана была упразднена.

В 1825 г. насчитывалось 476 монастырей и 11 080 монашествующих, в 1860 г. – 613 монастырей и 40 286 монашествующих, в 1908 г. – 912 монастырей и 71 961 монашествующий.

Статус лавры имели Троице-Сергиев монастырь в Сергиевом Посаде, Александро-Невский монастырь в Петербурге, Киево-Печерский и Почаевский монастыри на Украине. Соловецкий, Симонов, Донской, Новоспасский, Новоиерусалимский, Заиконоспасский и Спасо-Яковлевский монастыри были «ставропигиальными» и подчинялись непосредственно Синоду.

С 1842 г. правительство стало выдавать из средств казны жалованье приходскому духовенству. Оклад священника как лица, находящегося на государственной службе, составлял в среднем 219 рублей в год. Основным средством существования приходского духовенства были платы за требы: крещение, венчание, отпевание и пр. К началу XX в. стоимость всех плат за требы в денежном исчислении составляла от 80 до 85 млн. рублей.

Большинство приходского духовенства, особенно сельского, в небольших приходах жило небогато. Были духовные лица, занимавшиеся хозяйственным предпринимательством. В синодальном отсчете за 1887 г. говорилось: «Некоторые священники увлекаются материальными интересами и даже вступают иногда в коммерческие предприятия и торговые подряды».

В «эпоху великих реформ» 60–70-х гг. XIX в. по инициативе светской власти были предприняты меры по преодолению замкнутости и корпоративности духовного сословия, улучшению системы подготовки священников и материального положения духовных учебных заведений и быта духовенства.

В 1884–1885 гг. были восстановлены 2 тыс. приходов, закрытых в 1869 г. В 1883 г. вышло новое издание устава духовных консисторий, усиливавшее их административно-карательные права. В 1890 г. Синод разработал, а царь утвердил инструкцию для церковных старост, по которой усиливалась их роль в приходе.

В 1883 г. обнародован новый закон о старообрядцах, разрешающий отправлять требы и молиться только в частных домах и на кладбищах без облачения «уставщиков и наставников». Старообрядцы теперь не преследовались, но не считались духовными лицами. Им запрещалось «распространять свои заблуждения», организовывать крестные ходы, строить колокольни при храмах, затруднялось строительство новых молитвенных зданий.

Последние два десятилетия XIX в. можно назвать временем «церковного ренессанса». Этот период характеризуется заметным ростом влияния Церкви на общегосударственные дела, повышением ее материальной обеспеченности. В 1891 г. капиталы центральных учреждений Церкви составляли около 38 млн. рублей, что почти в два раза больше, чем в шестидесятые годы. Возросли субсидии от государства: если в 1866 г. они составляли 5 млн. рублей, то в 1891 г. достигли 11,2 млн. рублей.

Новый статус Церкви подчеркивался религиозно-церковными мероприятиями. В 1883 г. отмечались три пышных праздника: 500-летие иконы Тихвинской Богоматери, 100-летие со дня смерти Тихона Задонского и освящение храма Христа Спасителя. Торжественно празднуются Церковью исторические юбилеи: 100-летие памяти Кирилла и Мефодия (1885), 900-летие крещения Руси (1888).

В конце XIX в. проводились Церковные Соборы, посвященные насущным вопросам. В 1884 г. состоялись два Собора: Собор 11 юго-западных архиереев в Киеве против сектантства и Собор о церковно-приходских делах в Петербурге. В 1885 г. был проведен Собор сибирских архиереев в Иркутске против раскола. В 1888 г. в Киеве состоялся Собор, посвященный 900-летию крещения Руси.

В синодальный период истории Русской Православной Церкви происходит становление русской духовной школы и богословского образования.

Создание духовных школ в Москве начинается с XVII в. В 1687 г. ученые греческие монахи с Афона – братья Иоанникий и Софроний Лихуды – основали в московском Заиконоспасском монастыре Славяно-греко-латинскую академию. Это было не только духовное, но и светское высшее учебное заведение, воплотившее в обучении традиции братских школ Украины и Беларуси и Киево-Могилянской академии. Из стен

Славяно-греко-латинской академии вышло много сподвижников Петра, а в 1730–1735 гг. в ней обучался великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов.

В царствование Петра I по инициативе отдельных архиереев духовные школы стали возникать в ряде городов. В 1700 г. школу в Чернигове открыл епископ Черниговский Иоанн; в 1702 г. в Ростове Великом – Дмитрий, митрополит Ростовский; в 1704 г. в Тобольске – митрополит Тобольский Филофей; в 1706 г. в Новгороде – митрополит Новгородский Иов. В целом секуляризационные процессы XVIII в. не способствовали развитию духовных школ. В большинстве семинарий, открытых согласно «Духовному регламенту» 1721 г., программа не выполнялась в силу отсутствия подготовленных педагогических кадров. Проведенная Екатериной II секуляризация церковных земель привела к упадку многих духовных школ ввиду недостатка средств.

В 1808 г. митрополит Московский Платон провел «училищную реформу», в соответствии с которой создавалась единая система духовного образования, включающая высшее звено – духовные академии для подготовки богословов и преподавателей духовных школ; среднее звено – духовные семинарии, готовящие священников; начальное звено – уездные духовные училища для выпуска низших церковнослужителей и приготовления к поступлению в семинарии и приходские училища.

Высшими духовными учебными заведениями были духовные академии – в Петербурге при Александро-Невской лавре (открыта в 1809 г.), в Москве при Троице-Сергиевой лавре (преобразована из Славяно-греко-латинской академии в 1814 г.), в Казани (вновь открыта в 1818 г.) и в Киеве (преобразована из Киево-Могилянской академии в 1819 г.).

Численность обучавшихся в учебных духовных заведениях возросла в первую половину XIX в. с 29 тыс. до 61 тыс. человек. В начале XIX в. в Российской империи числилось 37 православных семинарий и 76 епархиальных школ (низших духовных заведений), в 1854 г. численность их возросла соответственно до 48 и 223.

Положение о духовных училищах 1803 г. предписывало преподавать в епархиальных школах: закон божий, русскую грамматику, арифметику, историю и географию; в семинариях вводились предметы «словесных, философских, исторических и математических (алгебра и геометрия) наук», два европейских (немецкий и французский) и два древних (латинский и греческий) языка; в духовных академиях расширялось преподавание богословских наук и философии. По новому положению 1838 г. в духовных учебных заведениях резко сокращался объем преподавания светских наук, упразднена была философия в духовных академиях.

Благодаря усилиям митрополита Московского Филарета (Дроздова) во второй половине XIX в. духовные учебные заведения достигли уровня лучших европейских и российских университетов. Поэтому образовательный и культурный уровень российских священнослужителей к началу XX в. был высоким. В 1913 г. в России были 4 духовные академии, 57 семинарий и 183 уездных духовных училища, расширялась система духовных учебных заведений.

В синодальный период истории Русской Церкви произошло восстановление традиций старчества. Старчество восходит к правилам монашеской аскетики, разработанным в трудах подвижников древней Церкви (особенно синайского аскета VI в. Иоанна Лествичника) и в исихастском учении XIV в. об «умной молитве» как пути к боговедению.

Согласно православной аскетической традиции, старец – это опытный монах (независимо от возраста), благодаря своему подвижничеству получивший благодатные дары Святого Духа: прозорливости, исцеления, чудотворения. Старец обретает возможность раскрывать людям Божию волю, имеет право брать под свое духовное руководство других монахов и мирян. Духовное руководство осуществляется посредством послушания – беспрекословного подчинения младшего монаха старшему.

Восстановление школы российского старчества связано с именами преподобного Паисия Величковского (1722–1794), преподобного Серафима Саровского (1759–1839), Феофана Затворника (1815–1894).

Особенно знаменитой стала духовная школа оптинских старцев, существовавшая с 1828 по 1923 гг. По преданию, монастырь Свято-Введенская Оптина пустынь в Калужской губернии был основан раскаявшимся разбойником Оптой в XV в. В 1821 г. братья Моисей и Антоний Путиловы, начавшие монашескую жизнь в Саратовской обители при Серафиме Саровском, возводят в лесу скит с церковью Иоанна Предтечи. В 1828 г. в скиту поселился старец, ученик Паисия Величковского иеросхимонах Лев. Его ученик старец Макарий возглавил группу ученых монахов, осуществивших перевод на русский язык аскетических сочинений подвижников древней Церкви. Наиболее известным из оптинских старцев стал ученик Льва и Макария преподобный Амвросий Оптинский (1812–1891), прототип старца Зосимы из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». С 40-х гг. XIX в. Оптину пустынь посещали многие русские писатели и мыслители: Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, принявший перед смертью монашество К. Леонтьев. В 1878 г. Амвросий основал женскую обитель в селе Шамордино в двенадцати верстах от Оптиной пустыни.

Важным направлением деятельности Церкви в Российской империи было миссионерство. Идеалом русского миссионерства стал образ

святителя Стефана Пермского. Синодальная инструкция 1769 г. для миссионеров предписывала, ориентируясь на опыт святителя комизырян, избегать принуждения, воздействовать только проповедью и личным примером, стремиться к знанию и использованию местных языков. Христианизация народов азиатской части Российской империи приводила к внедрению новых форм быта, грамотности на родном языке, поскольку русские миссионеры осуществляли переводы Священного Писания и богослужения на местных языках.

С 1620 г. центром православного миссионерства за Уралом была Тобольская епископская кафедра. Тобольский епископ Филофей (занимал кафедру в 1702–1721 гг.) положил начало крещению финно-угорских народов Сибири: хантов, манси, ненцев, селькупов, нганасанов, долган.

В 1727 г. учреждается епископская кафедра в Иркутске. Святитель Иннокентий, епископ Иркутский, владевший китайским, монгольским, бурятским языками, распространял православие среди эвенков и прибайкальских бурят. Он открыл школу, в которую принимались дети сибирских народов, в иркутском Вознесенском монастыре. Иркутский епископ Софроний (занимал кафедру в 1754–1771 гг.) крестил якутов. В 1814 г. была основана миссия для забайкальских бурят, но у этого народа уже утвердился буддизм, и число перешедших в православие было невелико. В 1867 г. в некоторых храмах Иркутской епархии было введено богослужение на бурятском языке. В 1829 г. архимандрит Макарий основал православную миссию на Алтае, где с 1865 г. богослужение велось на алтайском языке.

В конце XVIII в. началось распространение православия в Северной Америке. В сентябре 1794 г. на остров Кадьяк у побережья Аляски прибыла православная миссия монахов Валаамского Спасо-Преображенского монастыря во главе с архимандритом Иосафатом. До 1800 г. было крещено 12 тыс. алеутов. Входивший в состав миссии преподобный Герман Аляскинский жил и работал среди алеутов в течение сорока четырех лет. С 1798 г. иеромонах Макарий начал крещение жителей Алеутских островов. В 1804–1807 гг. иеромонах Гедеон создал алеутский алфавит и перевел на алеутский язык основные молитвы.

В 1824 г. с благословения Иркутского епископа Михаила на остров Уналашка Алеутского архипелага отправляется протоиерей Иоанн Попов-Вениаминов, который в течение десяти лет ведет миссионерскую работу среди алеутов. Им была построена первая на острове церковь Вознесения Господня, переведен на алеутский язык Новый Завет, написано на алеутском языке изложение православного вероучения. Миссионеры готовили священников из числа местных жителей. Первым алеутским священником стал Иаков Нецветов. В 1830 г. он построил церковь Святого

Николая на острове Атка. Иаков Нецветов стал крестителем эскимосов, проживавших на материковой Аляске по рекам Юкон и Кускоквим.

В 1834–1838 гг. протоиерей Иоанн вел миссионерскую работу на острове Ситка среди индейского племени колоша. Племенные вожди и главные шаманы колоша крестились. В 1840 г. протоиерей Иоанн принял монашество с именем Иннокентий в память святителя Иннокентия Иркутского. Он стал епископом новообразованной Камчатской епархии Русской Православной Церкви, охватывающей территории Камчатки, Чукотки, Аляски, Приамурья, Приморья, Курильских и Алеутских островов, а с 1853 г. и Якутии. В 1845 г. святитель Иннокентий открыл духовную семинарию для алеутов, эскимосов, индейцев. В 1848 г. был построен кафедральный собор Михаила Архангела, в котором с 1849 г. богослужения проводились на колошском языке. В 1850–1851 гг. состоялось крещение айнов, коряков и чукчей. В 1853 г. архиерейская кафедра была перенесена с Ситки в Якутск, а с 1860 г. – в Благовещенск. Аляска и Алеутские острова были выделены в особый викариат. В 1868 г. после смерти митрополита Филарета святитель Иннокентий Камчатский стал митрополитом Московским.

Ко времени продажи российских владений на Аляске и Алеутских островах в собственность США там было 9 православных храмов и 35 часовен. По условиям договора, американское правительство гарантировало соблюдение прав Русской Православной Церкви. В 1870 г. Аляскинский викариат стал самостоятельной епархией. Архиерейская кафедра была переведена в Сан-Франциско. В 1898–1907 гг. правящим архиереем епархии был епископ Тихон – будущий российский патриарх. В 1900 г. епархия получила наименование Аляскинской и Североамериканской, а в 1905 г. ее центром стал Нью-Йорк. В 1917 г. епархия, в состав которой входили пять викариатов, возглавляемых епископами и разделенных на 27 благочиний, насчитывавшая 306 храмов, 242 священника и диакона, свыше 300 тыс. прихожан, была преобразована в самостоятельный Митрополичий округ. В 1970 г. он стал автокефальной Американской Православной Церковью.

В 1715 г. православная миссия начала действовать в Китае, в Пекине. В 1807–1820 гг. ее возглавлял знаменитый российский востоковед-китаист архимандрит Иакинф (Никита Бичурин). В 1866 г. иеромонахом Исайей было проведено первое богослужение на китайском языке. К началу XX в. в северных провинциях Китая действовало 20 православных храмов и 2 монастыря. Во время «великой культурной революции» 1966–1976 гг. они были закрыты.

С 1900 г. архимандрит Хрисанф вел миссионерскую работу в Корее.

В 1861 г. начала работу православная миссия в Японии. Возглавлявший ее протоиерей Николай Касаткин стал первым архиепископом Японии и был впоследствии канонизирован как святитель Николай Японский. Ко времени его смерти (1912) в Японии насчитывалось 266 приходов. В Токио находились: духовная семинария, катехизаторское училище, причетнический класс, женская школа. Были училища в Осаке и на Хоккайдо. На японском языке издавались три православных журнала. Существовала своя иконописная школа. Успех православного миссионерства на фоне расцвета государственного синтоизма и патриотических настроений можно объяснить следующим. Во время китайско-японской войны первым солдатом, перешедшим реку Ялу и ступившим на землю Китая, был православный. Он был убит, но его командир прославил его на всю страну особой эпитафией. Этот случай вынудил недоброжелателей примириться с существованием православной миссии. Японская православная Церковь, возглавляемая митрополитом Токийским и всея Японии, входит как автономная Церковь в состав Русской Православной Церкви.

В конце XIX в. Церковь активно действовала за «церковной оградой». В 80–90-е гг. действовали около 12 тыс. православных церковных попечительств, 140 православных братств. Расширился выпуск религиозной литературы. Наряду с официальными изданиями возникли новые – «Воскресный день», «Кормчий», «Пастырский собеседник», «Троицкие листки», «Почаевские листки» и др.

На рубеже XIX–XX вв. широкое распространение получили общины сестер милосердия как особая форма женского монашеского служения. В них принимались девицы и вдовы всех сословий от 20 до 40 лет при наличии удостоверения от полиции о добродетельном поведении. Помимо молитвенного служения монахини – сестры милосердия призваны были ухаживать за больными и престарелыми, осуществлять попечительство над детьми-сиротами, оказывать помощь бедным семьям. Центром движения являлась община сестер милосердия во имя святых Марфы и Марии (Марфо-Мариинская обитель), основанная великой княгиней Елизаветой Федоровной, сестрой жены императора Николая II, ставшей после убийства террористами ее мужа, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, монахиней. Марфо-Мариинская обитель много сделала для помощи раненым в годы Первой мировой войны.

РАЗДЕЛ 6. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

6.1. Церковное правление

После трех разделов Речи Посполитой в жизни православных на Белорусских землях произошли существенные изменения. До первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. в Беларуси существовала только одна православная епархия с епископской кафедрой в г. Могилеве. После присоединения Беларуси к Российской империи на основании второго и третьего раздела Речи Посполитой в 1793 и 1795 гг. православная церковная жизнь Белорусской епархии начала быстро восстанавливаться, укрепляться, и развиваться. В 1778 г. была открыта епископская кафедра в г. Слуцке для западной части Беларуси и Волыни. Число православных белорусов стало возрастать с каждым годом в результате перехода в православную веру униатов. Российские власти содействовали распространению и укреплению Православия в Беларуси. Увеличилось число епархий, были учреждены новые и восстановлены старые епископские кафедры. До Первой мировой войны в Беларуси существовало уже пять епархий: Виленско-Литовская, Гродненско-Брестская, Минско-Туровская, Могилевско-Мсти-славская и Полоцко-Витебская. Каждая из этих епархий имела кафедру викарного епископа: в Ковне, Белостоке, Слуцке, Гомеле и Двинске.

В Синодальный период Русская Православная Церковь была поставлена в зависимость от государства. Архимандрит Иларион Троицкий, талантливый богослов, в своей речи в пользу восстановления патриаршества в Российской империи на Всероссийском соборе 24 октября 1918 г. говорил: «Во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви коллегия (Синод), в которой скоро воцарился дух монарха, потому что приставленный к ней обер-прокурор какой-нибудь гусар сонмом архиерейским, как эскадроном на учении, командовал». Зависимость Церкви от государства привела к тому, что император Павел I в 1797 г. провозгласил всероссийского императора главой Русской Церкви. Это царское распоряжение впоследствии так и не было отменено, несмотря на его формальность.

В соответствии с такой системой управления Русской Церковью была выработана специальная формула при избрании и наречении новых епископов.

Упразднение патриаршества в Русском государстве не соответствовало священным канонам, которые предусматривают возглавление

поместной Православной Церкви одним лицом: патриархом, митрополитом или архиепископом. По каноническому принципу соборного управления Церковью Священный Синод существовал при главе Церкви и под его председательством, как вспомогательный орган управления церковными делами. Каждая епархия, как малая Церковь, возглавлялась на Руси епархиальным архиереем. Епархиальный управлял епархией при помощи духовной консистории. Консистория, вместе со своим архиереем, находилась в ведении Синода, от которого принимала указы и распоряжения. Консистория состояла из назначенных епархиальным архиереем и утвержденных Синодом наиболее заслуженных протоиереев и архимандритов, имевших служебные посты в епархиальном городе. Секретарь консистории был обычно в светском звании, назначался обер-прокурором и ему подчинялся. Число членов консистории определялось Синодом по штату, обычно четыре духовных лица. В консистории были светские служащие – столоначальники, заведовавшие отделом или «столом» определенного круга епархиальных дел, например: административным, судебным, хозяйственным, учебно-миссио-нерским. Все поступавшие в консисторию дела решались на заседаниях членов консистории, о чем составлялся особый протокол, который представлялся епархиальному архиерею на утверждение. После утверждения постановление консистории проводилось в жизнь.

Помощниками епископов и консисторий по надзору за духовенством епархии были благочинные, назначаемые епархиальной властью из числа заслуживших уважение и доверие протоиереев данного благочиннического округа. В благочинническом округе числилось несколько десятков приходских церквей и приходских священников со всем церковным причтом.

Государственные власти относились к духовным лицам с вниманием и уважением, называли их «отцами» и оказывали им всякую поддержку. Прихожане называли священников обычно «батюшками», а их жен – «матушками». При каждой приходской церкви был псаломщик-регент. По указу духовной консистории на эту должность назначались светские лица, хорошо знавшие церковное чтение и пение, а также богослужебный устав. В таком же порядке производились назначения настоятелей приходов и вторых священников при приходской церкви. Большие приходы имели по два-три священника и столько же псаломщиков. Духовная консистория имела право перемещать или увольнять с церковных должностей духовных лиц и церковнослужащих. При приходской церкви была должность пономаря, который одновременно исполнял обязанность сторожа церкви. Пономари назначались указом консистории, но подчинялись настоятелю церкви. По такой системе была организована церковная жизнь в Беларуси.

6.2. Состояние белорусских православных епархий

Полоцкая епархия. Эта епархия самая древняя в Беларуси. Она основана в 992 г. В 1511 г. польский король Сигизмунд I приказал называть полоцких епископов архиепископами. После введения Брестской унии Полоцкая епархия перешла к униатам. Указом Синода от 3 апреля 1833 г. она была восстановлена из губерний Витебской и Виленской. Но в 1840 г. с образованием Виленской губернии Полоцкая епархия оставлена в пределах Витебской губернии. С того времени епархиальными архиереями в ней были: Смарагд Крыжановский (1833–1837), Исидор Никольский (1837–1840); Василий Лужинский (1840–1866), бывший оршанский униатский епископ; Савва Тихомиров (1866–1874); Викторин Любимов (1874–1882); Маркелл Попель (1882–1889), главный деятель воссоединения холмских униатов с Православной Церковью в 1874 г., посвященный во епископа Люблинского в том же году; Антонин Державин (1889–1893); Александр Заккис (1893–1902); Серафим Мещеряков (1902–1911); Никодим (1911–1917).

Епархиальные архиереи Полоцкой епархии носили титул: «Епископ Полоцкий и Витебский». Со времени восстановления этой епархии в 1833 г. епископская кафедра и резиденция епархиального архиерея находились в губернском городе Витебске. Кафедральным собором была Николаевская церковь, возведенная в 1716 г. униатами на месте православного монастыря св. Алексия, человека Божьего. В 1843 г. эта церковь была перестроена в кафедральный собор, в 1872 г. снова перестроена и сохранилась в таком виде до 1917 г.

В 1913 г. учреждено викариатство Полоцкой епархии. Местопребывание викарного епископа – г. Полоцк, а его титул– «Епископ Двинский». Первым викарным епископом был Пантелеймон Рожновский, посвященный во епископы в 1913 г. из настоятелей архимандритов Витебского Маркова монастыря. В годы Второй мировой войны он был возведен в сан митрополита и возглавил Православную Белорусскую Церковь.

В Витебске существовала духовная семинария, которая помещалась при бывшем униатском Успенском соборе, в 1799 г. обращенном в православный храм.

Приходских и приписных церквей в епархии было 546, из них приходских и соборных – 304, часовен – 235. В епархии существовали монастыри: мужские – Витебский Марков, Полоцкий Богоявленский, Невельский Преображенский и женские – Вербиловский Покровский, Спасо-Евфросиниев-ский с приписным Борисоглебским в Полоцке и Тадулинский Успенский.

Минская епархия. Эта епархия заменила древнюю Туровскую епархию. Кафедра Минской епархии была открыта в 1778 г. в городе Слуцке. В состав этой епархии входили Западная Беларусь и Волынь с Подольем. Епископ ее носил титул: «Минский и Волынский, коадъютор на митрополии Киевской и архимандрит Слуцкого монастыря». Первым епископом был Виктор Садковский. В 1796 г. он был переведен в Черниговскую епархию, а в Слуцк назначен архиепископ Иов Потемкин. Постановлением Синода в том же году Волынь была выделена из Минской епархии и учреждена Волынская епархия вместо Житомирского викариатства Минской епархии. В 1798 г. архиепископ Иов перенес епископскую кафедру из Слуцка в Минск. После этих перемен в Минскую епархию входили Гродненщина и часть Виленщины, включая г. Вильно. Указом Синода от 3 апреля 1833 г. Минская епархия оставлена в составе двух губерний: Минской и Гродненской с присоединением к ней Курляндии. Минскому епархиальному архиерею был дан титул: «Епископ Минский и Гродненский». На основании этого указа Минская архиепископия преобразована в разряд епископий.

В это время Минско-Гродненская епархия разделялась на следующие благочиния: Антопольское, Брестское, Белостокское, Бельское, Виленское, Вилькомирское, Волковысское, Высоколитовское, Гродненское, Дрогичинское, Каменецкое, Коссовское, Кобринское, Ковенское, Колесницкое, Лидское, Любчанское, Новогрудское, Ошмянское, Пружанское, Полесское, Свенцянское, Слонимское, Скидельское.

Епархия имела монастыри мужские и женские, а именно: мужские – Брестский Семеоновский, Виленский Свято-Духовский, Грозовский Иоанно-Предтеченский, Грозовский Николаевский, Disненский Воскресенский, Друйский Благовещенский, Дятловский Преображенский, Евейский Успенский, Койданский Преображенский, Кронский Троицкий, Минский Свято-Духовский, Морочинский Успенский, Пинский Богоявленский, Слуцкий Преображенский, Слуцкий Троицкий, Старицкий Петропавловский, Сурдегский Свято-Духовский, Якобштадтский Свято-Духовский; женские – Виленский Благовещенский, Слуцкий Ильинский. Во всех этих монастырях было очень мало монашествующих, и впоследствии большинство из них были закрыты.

В 1840 г., после воссоединения белорусских униатов, проведено разграничение епархий Минской и Виленской. Минская епархия оставлена в пределах Минской губернии. К Литовской епархии были присоединены Гродненщина и Виленщина. Минскому епископу присвоен титул: «Епископ Минский и Туровский», сохранившийся до настоящего времени.

Резиденция епархиального архиерея сначала помещалась в Минском Свято-Духовом монастыре. Кафедральный собор во имя святых

апостолов Петра и Павла был построен в 1850 г., во время советской власти был разрушен до основания. С конца XIX в. минские епископы жили в специально построенном великолепном архиерейском доме, также разрушенном в 30-х годах.

В 1910 г. в Минской епархии было учреждено Слуцкое викариатство. Епископская кафедра викария находилась в Слуцком Троицком монастыре. Викарным епископом был Иоанн Поммер, впоследствии архиепископ Рижский и Латвийский, убитый в 1934 г. Викарий имел титул – «Епископ Слуцкий».

В Минском Козьмодемьяновском монастыре, основанном в 1870 г. на синодальные средства в зданиях бывшего Бернардинского монастыря на том месте, где раньше существовал православный монастырь, помещалась Минская духовная семинария.

Со времени открытия Минской епархии епископами в ней были: Виктор Садковский (1793–1796); Иов Потемкин (1796–1812); Серафим Гласылевский (1812–1814); Анатолий Максимович (1816–1832); Евгений Бажанов (1832–1834); Никанор Климентьевский (1834–1840); Антоний Зубко (1840–1848), бывший униатский епископ брестский, викарий униатской Литовской епархии; Михаил Голубович (1848–1868), бывший униатский протоиерей и деятель по воссоединению униатов, с 1839 г. православный епископ пинский; Александр Добрынин (1868–1877); Евгений Шерешилов (1877–1880); Варлаам Чернявский (1880–1889); Симеон Линьков (1889–1912); Георгий Ярошевский (1912–1920), после I мировой войны бывший митрополитом Варшавским и всей Православной Церкви в Польше и убитый в феврале 1923 г. архимандритом Смарагдом Латышенком.

До 1919 г. в епархии было 4 мужских и один женский монастырь, а именно: Минский Свято-Духов, Пинский Богоявленский, Слуцкий Троицкий, Ляданский Благовещенский и Минский Преображенский женский. Соборных, приходских, приписных и домовых церквей в епархии насчитывалось 1 230, из которых приходских было 566; часовен – 101.

Могилевская епархия. Могилевская епархия существовала с 1633 г. До присоединения Беларуси к Российской империи в 1772 г. эта епархия называлась Белорусской, а ее епископы носили титул: «Епископ Оршанский, Мстиславльский и Могилевский». В 1795 г. она была переименована Святейшим Синодом в Могилевскую и Полоцкую. Такое название долго не удержалось, и в 1797 г. она уже именовалась Белорусской и Могилевской. Но название «белорусский» почему-то не удовлетворяло власти, и в 1803 г. епархию переименовали в Могилевскую и Витебскую. Это название продержалось до 1833 г. С восстановлением Полоцкой епархии Могилевскую епархию переименовали в Могилевскую

и Мстиславльскую. Это название епархия имела до конца своего существования, то есть до разрушения церковной жизни после 1917 г.

При архиерейском доме в Могилеве существовал небольшой Преображенский монастырь. До 1920 г. в городе имелось 29 церквей и кафедральный собор.

Незадолго до войны 1914 г. была открыта кафедра викарного епископа в г. Гомеле. Викарный епископ именовался Гомельским.

После присоединения к Российской империи г. Могилева епархиальными архиереями здесь были: Георгий Конисский (1755–1795); Афанасий Вольховский (1795–1797); Анастасий Братановский (1797–1805); Варлаам Шишацкий (1805–1813); Даниил Мирдамский (1813–1821); Иоасаф Сретенский (1821–1827); Павел Морев (1827–1831); Гавриил Городков (1831–1837); Смарагд Крыжановский (1837–1840); Исидор Никольский (1840–1844); Анатолий Мартыновский (1844–1860); Евсевий Орлинский (1860–1882); Виталий Гречулевич (1882–1885); Сергий Спасский (1885–1892); Павел Вильчинский (1892); Ириней Орда (1892–1893); Евгений Шерешилов (1893–1896); Мисаил (1896–1904); Стефан (1904–1911); Константин (1911–1919).

В епархии было 13 монастырей, 7 мужских и 6 женских. Монастыри мужские: Могилевский Преображенский, Могилевский Братский, Белыничский Рождественско-Богородичный, Пустынский Успенский, Оршанский Богоявленский, Неклюдовский Борисоглебский, Охорский Преображенский; женские: Оршанский Успенский, Буйничский Свято-Духов, Барколабовский Иоанно-Предтеченский, Мазолевский Вознесенский, Тупичевский Свято-Духов, Чонско-Макарьевский недалеко от Гомеля.

Соборных, приходских и приписных церквей в епархии было 764, из них приходских 541, часовен – 34.

Виленская епархия. Виленская епархия известна из истории как епархия литовско-наваградских и киевских митрополитов. В 1608 г. она перешла к униатам, которые установили кафедру своих митрополитов в Вильно. В начале 1840 г. в Вильно была учреждена архиерейская кафедра православного епископа, а епархиальным архиереем Виленской епархии был назначен Иосиф Семашко, возведенный в сан архиепископа. Полный его титул – «Архиепископ Литовский и Виленский и Священно-Архимандрит Виленского Свято-Троицкого монастыря». В дальнейшем все епископы этой епархии именовались Литовскими и Виленскими. Кафедральный собор был устроен в Казимировском римо-католическом костеле, переделанном под православный храм и освященном архиепископом Иосифом в 1845 г. в честь свтятителя Николая. Этот величественный собор был украшением города.

Вслед за учреждением епископской кафедры Литовской епархии в Вильно в 1845 г. было открыто Ковенское викариатство. Первым ковенским епископом был архимандрит Платон Городецкий, настоятель Виленского Свято-Духова монастыря в Вильно, посвященный в сан епископа в 1843 г. Он устроил кафедральный собор в Ковне в честь св. Александра Невского.

В 1845 г., по ходатайству архиепископа Иосифа Семашко, из Жировицкого монастыря в Вильно была переведена духовная семинария, с сохранением названия «Литовская». Семинария разместилась в особых, предназначенных для нее зданиях в городе и оставалась в Вильно до первой мировой войны, когда в 1915 г., по причине приближения немецко-русского фронта, она была перемещена в глубь Российской империи.

Литовско-Виленскую епархию возглавляли следующие архипастыри: Иосиф Семашко (1840–1868); Макарий Булгаков (1868–1879); Александр Добрынин (1879–1885); Алексей Лавров-Платонов (1885–1890); Донат Бабинский (1890–1894); Иероним (1894–1898); Ювеналий (1898–1904); Никандр (1904–1910); Агафангел (1910–1915).

В епархии было 4 мужских и 3 женских монастыря. Монастыри мужские: Виленский Свято-Духов, Виленский Троицкий, Пожайский Успенский около Ковна, Сурдегский Свято-Духов; женские: Виленский Мариинский, Антолептский Рождества-Богородичный и Березвечский Рождество-Богородичный. По статистике 1910 г. приходских и других церквей в епархии насчитывалось 399, из них приходских – 205, часовен – 58.

Гродненская епархия учреждена в 1900 г., до этого времени ее территория входила в состав Литовско-Виленской епархии. В открытии самостоятельной епархии давно чувствовалась необходимость, так как Гродненская губерния по площади, населению и по числу церквей и монастырей вполне располагала к этому. В Гродно имел епископскую кафедру и постоянное местопребывание викарий Литовско-Виленской епархии епископ Брестский еще с 1848 г. В Гродно был приобретен большой архиерейский дом, представлявший целую усадьбу с помещениями для духовенства и консистории. Дом был куплен за 17 000 рублей епископом Брестским Игнатием Железовским в 1852 г. у пана Леопольда Валицкого. Вся архиерейская усадьба занимала площадь в 7 048 кв. саженей.

Постановлением Синода Брестское викариатство в 1900 г. было переименовано в самостоятельную епархию с присвоением епархиальному архиерею титула: «Епископ Гродненский и Брестский». Первый епископ этой епархии был Иоаким Левитский (1900–1905). После него на кафедру был назначен Михаил Ермаков (1905–1915). Во время войны в 1915 г. все

жители епархии были эвакуированы вглубь Российской империи, вследствие чего епархия временно не существовала.

В 1907 г. открыто викариатство Гродненской епархии с кафедрой в Белостоке. На кафедру викария назначен архимандрит Владимир Тихоницкий, после Второй мировой войны митрополит Западноевропейский (умер в Париже в 1959 г.). Местопребывание викарного епископа – Супрасльский Благовещенский монастырь, настоятелем которого он был. Его титул – «Епископ Белостокский».

В Гродненской епархии до 1915 г. были следующие монастыри: Гродненский Борисоглебский, Супрасльский Благовещенский, Жировицкий Успенский и женский Красностокский Введенский.

Соборных, приходских и приписных церквей в епархии было 612, из них приходских – 356, часовен – 42.

В епархии существовали церковные братства, которые вели религиозно-просветительную деятельность: Гродненское Софийское, Слонимское Преображенское и Брестское Николаевское.

Таким образом, до 1914 г. во всей Беларуси существовало 3 552 церкви, 470 часовен, мужских монастырей 21 и 14 женских. Для подготовки кандидатов в священнический сан было 3 духовные семинарии: Виленская или Литовская, Минская и Витебская.

РАЗДЕЛ 7. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

7.1. Реформы Церкви накануне революции

После целого века интеллектуальных и религиозных шатаний задуманная Феофаном Прокоповичем и Петром I синодальная система окончательно оформилась в эпоху Николая I как деспотическая диктатура гражданского чиновника – обер-прокурора над Синодом и духовенством вообще. Оба обер-прокурора этой эпохи, масон Нечаев (1833–1836) и генерал Н.А. Протасов, откровенно презирали епископат. Свое назначение обер-прокурором Протасов выразил следующими словами в письме приятелю: «Теперь я главнокомандующий Церкви, я патриарх, я черт знает что...» Это он определил Церковь как «ведомство православного исповедания», т.е. министерство, во главе которого он видел себя именно министром. С помощью назначенного им нового ректора Санкт-Петербургской духовной академии монаха-обскурантиста Афанасия Протасов прикрывает дело перевода Библии на разговорный русский язык, благодаря чему русская Библия появляется поздно – уже в эпоху Александра II.

Надо сказать, что к концу века статус обер-прокурора, а следовательно, и его деспотическая власть над Синодом еще больше усилились, когда обер-прокурор Толстой стал по совместительству и министром просвещения, войдя, таким образом, в состав Комитета министров. Прецедент был создан. И, когда пост обер-прокурора занял К.П. Победоносцев, он уже входил в Комитет министров по должности, хотя формально нигде не было предусмотрено, что пост обер-прокурора равнозначен министерскому. По своему обскурантизму, реакционности и деспотичности Победоносцев, вероятно, превзошел всех обер-прокуроров XIX в.

К.П. Победоносцев жил пессимистическим и мистическим предчувствием обвала, катастрофы, революции в России. Но, будучи мизантропом, он видел спасение не в просвещении и свободе, а в охранительности, сохранении любой ценой незыблемости традиционных начал и структур. Он понимал, что традиционная структура, ценности и понятия народа цементируются Церковью, бытовой религиозностью и неким инстинктивным христианством. Для укрепления Церкви и религиозного чувства К. Победоносцев признавал необходимость некоторых мероприятий, которые проводились под его руководством.

В первую очередь это значительное увеличение числа церковноприходских начальных школ. К 1899 г. их было около 40 тыс. почти с 1,5 млн. учеников (против 30 тыс. земских школ с более чем 2 млн. учеников). Правда, хотя Победоносцев добился значительного увеличения государственных дотаций для Церкви, денег для финансирования этих школ у Церкви было гораздо меньше, чем у земств. Поэтому уровень их был значительно ниже: оплата труда учителей церковноприходских школ была мизерной, а потому и преподавали в этих школах люди недостаточно квалифицированные. Но Победоносцев и не хотел их высокой квалификации. Его целью было дать крестьянским детям элементарные представления о Церкви и элементарную грамотность для чтения назидательной литературы и для бытовых нужд, но не превращать сельскую школу в первую ступень для дальнейшего образования, которое он считал вредным, ибо оно начнет колебать традиционные структуру и представления сельского общества.

Кроме того, К. Победоносцев уделял большое внимание строительству красивых храмов в селах и улучшению качества службы в них, в частности – церковного пения, что, по его мнению, должно было укрепить традиционно-эстетическую религиозность.

Между тем К. Победоносцев надеялся спасти синодальную систему при помощи епископата: летом 1905 г. всем архиереям Русской Православной Церкви было предложено прислать в Синод свои записки о положении Церкви и необходимых, по их мнению, преобразованиях. И вот тут-то русский епископат подвел Победоносцева. Епископы подали записки, в которых высказали возмущение и недовольство политикой, проводимой по отношению к Церкви. С точки зрения Победоносцева, это был бунт, революция. Церковь же считала, что эти записки, за редкими исключениями, показали, что дух православия и православно-церковного мышления никогда не угасал в Церкви, несмотря на все искажения, насаждавшиеся сверху, и внешнюю подчиненность епископата существующей системе. Записки эти были полным поражением Победоносцева и всей его «идеологии»; и осенью 1905 г., после Манифеста 17 октября, он вышел в отставку.

Главные рекомендации епископов

1. Почти все архиереи требовали реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости. Большинство предлагало восстановление патриаршества. Почти все указывали на необходимость для осуществления этого, как и прочих реформ, созыва Собора и затем установления периодичности Соборов. На одном согласились все архиереи: патриарх не будет новым папой, а будет первым

среди равных и станет править при помощи Синода и при регулярности созыва Архиерейских Соборов в той или иной форме.

2. По вопросу о составе Поместных Соборов, в том числе по выбору патриарха, мнения разделились: шесть архиереев, среди них Антоний Храповицкий, были решительно против участия приходского духовенства и мирян в соборах. Двадцать три епископа были за Соборы епископов, приходского духовенства и мирян с равными решающими голосами. Остальные предлагали разные формы ограниченного участия белого духовенства и мирян.

3. Авторы большинства записок склонялись к разделению Церкви на самоуправляющиеся митрополии ввиду колоссальных размеров российской территории (экзарх Грузии предлагал даже восстановление автокефалии Грузинской Церкви). Именно в митрополиях предполагалось соблюдать канонические правила о созыве ежегодных и других Соборов. Большинство предлагало восстановить самостоятельность местного епископа и пожизненность его назначения (в синодальной системе и сменялись в среднем раз в четыре года), а также увеличить число архиереев. Утверждалось, что каноны не знают викарных епископов, а следовательно, надо создать епархии не только в объеме губерний, но и уездов.

4. Предлагалось восстановить автономию и широкое самоуправление прихода как основной ячейки соборности Церкви.

5. Рекомендовалось расширить участие Церкви в общественной жизни страны.

6. Предлагались реформы в областях церковного суда, школьного дела – как общеобразовательных школ, находившихся в ведении Церкви, так и богословского образования.

7. Почти все архиереи выразили свою обеспокоенность тем, что миряне в основном не понимают богослужения. Предлагались литургические реформы, как и меры по просвещению мирян в этой области. Меньшинство склонялось к переводу богослужения на живой русский язык.

Складывающаяся ситуация требовала принятия законов, которые дали бы свободу религиозным организациям. В апреле 1905 г. появляется Указ о веротерпимости. Присутствие было особенно взволновано Указом о веротерпимости и учреждением Думы. Как правильно указывает американский историк Каннингхем, «царь-то был православным, но Дума православной не была». Когда Павлу Милюкову, главе кадетской партии, было указано, что программный документ думской фракции конституционно-демократи-ческой партии обошел Церковь полным молчанием, Милюков многозначительно ответил: «Ах, мы совсем забыли о

Церкви». Это прекрасно рисует настроения наиболее широких кругов русской либеральной интеллигенции того времени. Ведь кадеты были партией большинства (хоть и не абсолютного) в первой Думе.

В предсоборном присутствии верно предвидели, что теперь как никогда необходима независимость Церкви от государства. Во-первых, Указ о веротерпимости предоставлял свободу всем религиям империи, кроме православия, которое единственное среди всех религий останется плененным госаппаратом. Но, поскольку главным законодательным учреждением становится Дума, то положение Православной Церкви еще более ухудшится, ибо ею будет командовать не только православный царь, но и почти безбожная Дума.

Царь оставался глух к голосу Церкви.

Итак, реформы 1905–1906 гг., преобразовавшие мирские сферы русской жизни, как будто обошли Церковь. Формально, действительно, после 1906 г. Церковь оставалась в ведении того же обер-прокурора и той же синодальной бюрократии. По-прежнему она оставалась несвободной. Но все же в Церковь уже проник дух нового времени, появилось ощущение, что положение Церкви вскоре изменится, что синодальная система – теперь уже только временное явление. В конце концов, Дума и участие в ней духовенства и верующего народа не могли не повлиять на настроение и быт в Церкви думского периода.

7.2. Церковь и революция

Если подходить формально и руководствоваться только цифрами, Церковь вступала в революционную эпоху как мощная организация. Официально к 1914 г. в Российской империи было 117 миллионов православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами, и 50 с лишним тысяч священников и диаконов служили в 48 тысячах приходских храмов. В ведении Церкви находилось 35 тысяч начальных школ и 58 семинарий, а также больше тысячи действующих монастырей с почти 95 тысячами монашествующих. Более того, в последнее предреволюционное столетие в стране открылось больше монастырей, чем в какое-либо другое столетие в истории России. Уровень богословской науки никогда не стоял так высоко. Хотя на Соборе 1917–1918 гг. и на всех предсоборных совещаниях много говорилось о низком нравственном уровне в монастырях и о необходимости монастырской реформы, именно в XIX веке произошло возрождение монашеского духовничества и старчества, одним из самых замечательных очагов которых была Оптина пустынь. Были значительные достижения и в области православного миссионерства, особенно на территории Аляски,

Японии, Сибири и Дальнего Востока. Хотя интеллигенция в основном оставалась чуждой или даже враждебной Церкви, возвращение в Церковь цвета русской философской мысли, повлекшее за собой так называемый русский религиозно-философский ренессанс, не только имело немалое духовное значение само по себе, но и положило начало притоку в Церковь представителей русской интеллектуальной элиты (несмотря на их явное меньшинство в общественной среде).

Но все эти сдвиги оказались совершенно недостаточными в момент крушения империи. Не имея канонического главы (патриарха) и традиционной соборной структуры, которая обеспечивала бы двустороннюю связь центра с периферией, Церковь вступила в революцию разъединенной, а с отречением царя – формального земного главы Церкви – и обезглавленной. В условиях общего распада государственности Церковь осталась без инфраструктуры, и каждому было ясно, что виной тому монархический абсолютизм.

Антимонархические настроения выразились в отказе синодального епископата выполнить просьбу обер-прокурора – обратиться к народу и поддержать распадавшуюся монархию. Вместо этого Синод 17 марта одобрил решение великого князя Михаила передать вопрос о власти на усмотрение будущего Учредительного собрания, а 26 июля приветствовал наступивший час всеобщей свободы России, когда вся страна ликовала по поводу радостных новых дней ее бытия.

Вообще настроения духовенства, особенно приходского, были в момент прихода к власти Временного правительства весьма радикальны. Уже в марте члены Думы из духовенства совместно с некоторыми светскими думскими депутатами и общественными деятелями образовали Совет по делам Православной Церкви. Хотя его существование было недолгим, он успел провести ряд съездов епархиального духовенства, принимавших либеральные резолюции в поддержку Временного правительства и созыва Поместного Собора. А екатеринодарский съезд высказался за выборность епископата духовенством и мирянами из числа не только монашеского, но и белого духовенства. Аналогичные съезды прошли по многим епархиям. Большинство из них приняли резолюции о ликвидации имений и раздаче земли крестьянам за исключением земель церковных. Это, кстати, противоречит утверждениям советской пропаганды о том, что народ якобы в своей массе считал духовенство паразитическим элементом. В некоторых епархиях епархиальные съезды свергли непопулярных епископов. На место их были избраны: Тихон – митрополитом Московским, Вениамин – митрополитом Петроградским, Гермоген – архиепископом Тобольским и пр.

В.Н. Львов, назначенный Временным правительством новым обер-прокурором, распустил старый Синод; из старого состава в новый попал только архиепископ Сергий (Страгородский, будущий патриарх), хотя, согласно более поздним обвинениям братьев-епископов, Сергий обещал, что в Синод, возглавляемый Львовым, он не пойдет.

Тем временем правительство дало добро на созыв Всероссийского Поместного Церковного Собора. Работа по подготовке Собора была возложена на Предсоборный совет духовенства и мирян, приступивший к делу в июне 1917 г. Здесь впервые и определились две противостоящие друг другу точки зрения на будущую форму церковного управления. Одна, отстаиваемая профессором Покровским, имела в виду полное отделение Церкви от государства и принятие синодально-соборной структуры церковного управления. Сторонники другой, возглавляемые князем Евгением Трубецким и Сергеем Булгаковым, не подвергая сомнению сам принцип отделения, одновременно стояли за то, чтобы за православием, как за Церковью национальной, оставался особый статус – primus inter pares (первая среди равных). Церковь, по их мнению, столь органически срослась с народом, его культурой и государственностью, что ее уже невозможно оторвать от общественного организма – национального государства.

Хотя Временное правительство откладывало решение всех принципиальных государственных вопросов и реформ до созыва Учредительного собрания, тем не менее еще до созыва Собора были осуществлены некоторые преобразования в церковно-государственной области.

Во время руководства Синодом Львовым были уволены епископы, наиболее запятнавшие себя связью с Распутиным: митрополит Петроградский Питирим и Московский Макарий, архиепископ Тобольский Варнава (с назначением на его место епископа Гермогена, который был сослан по приказу Николая II за публичное выступление против Распутина) и Сарапульский Амвросий.

20 марта (2 апреля) 1917 г. Временное правительство объявляет равенство всех религий перед законом, отменяет любые религиозные и национальные ограничения. 29 апреля (12 мая) Синод выпускает обращение к Церкви постановить древний православный принцип выборности епископата и учреждает Предсоборный совет для подготовки Поместного Собора.

20 июня (3 июля) Синод принимает «Временное положение о православном приходе» – кладется начало возрождению самоуправляемого прихода, а следовательно, и активизации мирян и Церкви. В тот же день Временное правительство отнимает у Церкви и национализирует все принадлежащие ей общеобразовательные школы –

примерно 37 тыс. (не включая сюда семинарий и епархиальных училищ), равно как и все общеобразовательные школы, находившиеся в частных руках. Это единственный акт Временного правительства, вызвавший протесты Церкви и серьезные с ней трения.

Под давлением Церкви и ввиду явной некомпетентности Львова 25 июля (7 августа) вместо него обер-прокурором назначается А.В. Карташев, известный молодой историк Церкви, человек глубоко церковный, будущий профессор церковной истории в парижском Свято-Сергиевском богословском институте.

В связи с предстоящим Собором, т.е. с выходом Православной Церкви из подчинения правительству, 5 (18) августа отменяется пост обер-прокурора, и Карташев назначается первым министром исповеданий в новообразованном министерстве под таким же названием. Этим постановлением Временное правительство признало положение Православной Церкви в стране как «первой среди равных», что отражено в определении обязательной принадлежности министра к Православной Церкви, как и его двух первых заместителей – по Православной Церкви и по всем остальным исповедованиям, имеющимся в стране. Согласно этому постановлению права и функции нового министерства будут уточнены на основании решений предстоящего Собора.

Предсоборный совет опубликовал 10 (23) июля правила выборов на предстоящий Собор. На всеобщем приходском собрании выбираются выборщики на благочиннический съезд: участвуют в выборах «на равных правах лица обоего пола православного исповедания»; выборщиками является весь причт прихода по должности и миряне мужского пола не моложе 25 лет, выбранные в количестве, в два раза превышающем численность причта данного прихода. Благочинническое избирательное собрание «избирает закрытым голосованием выборщиков на епархиальное избирательное собрание в количестве двух клириков (один должен быть в сане пресвитера) и трех мирян». Епархиальное собрание «избирает закрытым голосованием пять членов собора»: двух клириков (один обязательно священник, второй может быть викарным епископом, диаконом, псаломщиком или тоже священником) и трех мирян. Епархиальные архиереи отправляются на Собор по должности.

Итак, 15 (28) августа 1917 г. в Москве открылся первый за 217 лет полноценный Поместный Собор. Избрано на него было 564 депутата: 73 архиерея, 192 приходских клирика и 299 мирян, довольно четко разделившихся на своего рода фракции.

7.3. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.

В общей сложности состоялось три сессии Собора: 1-я – с 15 (28) августа по 9 (22) декабря 1917 г.; 2-я – с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля 1918 г. и 3-я – с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября 1918 г., когда пришлось приостановить сессию по двум причинам: большевики отобрали здание Московской духовной семинарии, где квартировала часть депутатов собора, а еще раньше постановлением от 23 января 1918 г. конфисковали счета и фонды Церкви в банках, равно как и всю церковную недвижимость. Тем не менее на заседании 30 августа (12 сентября) 1918 г. было решено собраться снова весной 1919 г., поручив патриарху назначить точную дату. Но дальнейшая разруха, рост гонений на Церковь и кровопролитная гражданская война сделали созыв дальнейших сессий в 1919 и в 1920 гг. невозможным, даже если бы и удалось изыскать для этого средства.

Таким образом, не вся программа Собора была доведена до конца. Собор завершил работу и выпустил окончательные документы по таким вопросам, как: уставы новой соборной структуры всей Церкви – от патриарха и учреждений патриархии до монастырей и самоуправляющихся приходов, с предоставлением на всех уровнях широкой инициативы снизу и выборного начала (кстати, моделью для нового приходского устава послужил устав, разработанный в правление патриарха Тихона епископом Алеутским и Североамериканским для приходов в Америке). Согласно соборному определению, Поместный Собор епископов, клириков и мирян – «высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая» – созывается периодически. По уставу Патриарх, первый среди равных в высшей церковной иерархии, председательствует на Соборе, а также на сессиях Священного Синода и заседаниях Высшего церковного совета. Синод должен был состоять из тринадцати членов в следующем составе: председательствующий патриарх и митрополит Киевский как постоянные члены, шесть архиереев, избираемых соборами на трехлетний срок, и пять – вызываемых Синодом из епархий на год. Административно Церковь разделялась на пять митрополичьих округов с митрополитом во главе; округа делились на епархии; пять вызываемых Синодом ежегодно сменяемых епископов и должны были представлять эти округа. В ведение Синода были также переданы вопросы, относящиеся к вероучению, церковной дисциплине и управлению делами Церкви. Вопросы же социального характера (связанные со светским правом, благотворительностью и т.п.) были переданы Высшему церковному совету. Оба органа должны были работать в промежутках между соборами, по-своему ограничивая прерогативы патриарха. Предусматривалось даже дисциплинарное воздействие на патриарха вплоть до отрешения его от престола; правомочия на этот счет закреплялись за советом архиереев в

полном его составе, созываемым по решению совместного заседания Синода и Высшего церковного совета.

Собор и ленинское государство. Находясь в плену марксистских представлений, согласно которым религия есть не более чем надстройка над неким материальным базисом, Ленин первое время был всецело убежден в том, что он разом покончит с Церковью одним ударом – попросту лишив ее собственности. По Декрету о земле от 8 ноября Церковь в целом, а вместе с нею и приходское духовенство лишались прав собственности на землю. 4 (17) декабря 1917 г. опубликован Декрет о земельных комитетах, по которому все сельскохозяйственные земли, включая и все церковные и монастырские, отбирались в руки государства.

11 (24) декабря 1917 г. появляется Декрет о передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения, т.е. Церковь лишается всех семинарий, училищ, академий и связанного с ними имущества.

18 (31) декабря аннулируется в глазах государства действенность церковного брака и вводится гражданский.

Затем в январе 1918 г. публикуются тезисы Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, окончательная версия которого станет известна под названием Декрета 20 января (1918 г.). На это реагирует Вениамин, митрополит Петроградский. В письме Совнаркому от 10 (23) января он предупреждал, что опубликование такого декрета вызовет бунты и кровопролития. По-видимому, с того момента советские власти занесли митрополита в черный список. О такой «дерзости» митрополита помнили еще и через двадцать лет, когда известный тогда антирелигиозный автор Ф. Мегружан назовет это письмо попыткой «шантажировать Совет Народных Комиссаров».

В 1918 г. посыпался ряд декретов и постановлений, направленных на удушение Церкви. Самый важный из них – это, конечно, уже упомянутый Декрет от 20 января (2 февраля н.ст.), который лишал Церковь всего имущества, движимого и недвижимого, и права владеть им. При этом прекращались всякие государственные субсидии церковным и религиозным организациям. Отныне религиозные общества могли получить необходимые для совершения богослужения здания и «предметы» не иначе как на условиях «бесплатного пользования» и с разрешения местной или центральной властей. Однако при этом полученное Церковью «в бесплатное пользование» имущество подлежало налогообложению (по статьям, предусмотренным для частного предпринимательства!). Во исполнение декрета у Церкви сразу же было отобрано без малого шесть тысяч храмов и монастырей – как «особо ценные памятники» истории или архитектуры, подлежащие переходу «под охрану государ-ства». Были закрыты и все банковские счета религиозных ассоциаций.

Декретом от 20 января, кроме того, запрещалось «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы»: «Граждане могут обучать и обучаться религии (только) частным образом». Понятие «граждане», естественно, было отнесено лишь к взрослым людям. Все церковные и религиозные общества были подчинены общим положениям о частных обществах и союзах (но не общественных организациях) и лишены каких бы то ни было прав на «принудительные взыскания сборов и обложений», равно как на наложение мер принуждения или наказания в отношении своих членов. Поскольку отныне в качестве договаривающейся стороны при получении в пользование молитвенных домов рассматривались лишь группы мирян, духовенство, включая патриарха и епископов, юридически оказывалось не у дел; власть епископа над паствой теперь всецело определялась доброй волей верующих и мерой их готовности исполнять преподанные им наставления и указания, в силу чего указания эти приобретали некий просительный характер. Сама ситуация несла в себе приглашение к конфликту, к расколу, который и не заставил себя долго ждать.

Декрет от 20 января – классическое свидетельство попытки Ленина дословно следовать заветам Марксова учения о религии как духовной надстройке на материальном базисе. Следует убрать этот базис – имущество и средства доходов Церкви, и Церковь отомрет сама по себе.

РАЗДЕЛ 8. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

8.1. Подчинение территорий Западной Беларуси, Западной Украины и Прибалтики Московской патриархии

Начиная с сентября 1939 г. в связи с расширением границ Советского государства, благодаря включению в его состав западных территорий, возникла необходимость проверки на лояльность миллионов новых граждан. Правительство сознавало, что этого невозможно достигнуть открытой антицерковной кампанией. Нужно было сначала подчинить эти территории Московской патриархии, используя национальные чувства западных украинцев и белорусов, воссоединявшихся с восточными, русских, живших в Прибалтике, православных эстонцев, латышей и карелов, близких к русским по своей культуре, а также молдаван (в меньшей степени). О серьезности подходасвидетельствует тот факт, что из четырех членов Сергианского синода двое были направлены в присоединенные территории: митрополит Николай (Ярушевич), как экзарх Западной Украины и Беларуси, и митрополит Сергий (Воскресенский), как полномочный представитель Московской патриархии в Прибалтике, экзархом которой он стал после смерти митрополита Литовского Елевферия. Из приблизительно четырех тысяч действовавших в 1941 г. церквей более 90% находились на этих территориях. Правительство не могло не считаться с новыми массами православного населения и, чтобы не вызывать их антагонизма, вынуждено было создать видимость религиозной терпимости, приостановив гонения на Церковь во всей стране. Как отмечает Флетчер, Сергий впервые с тех пор, как он возглавил Церковь, оказался в таком положении, что мог требовать уступок от правительства.

С началом войны с Германией положение коренным образом изменилось. Глава исторической, национальной Церкви знал, как реагировать на нападение врага. Митрополит Сергий обратился к народу 22 июня 1941 г., в первый же день войны, в воскресенье, в день праздника Всех святых земли русской. Его пастырское послание было разослано по всем приходам, что, строго говоря, было нарушением закона, согласно которому запрещалась всякая церковная деятельность вне церковных стен, как и всякое вмешательство в государственные дела.

В своем послании Сергий нигде не упоминает ни Советский Союз, ни его правительство. Он пишет: «…мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охватившей почти весь земной шар, до нас не дойдет...» (В этих словах можно найти скрытый упрек Сталину, который, заключив в 1939 г.

договор с Гитлером, надеялся избежать войны.) Сергий продолжает: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа... Вместе с ним она переживала как его испытания, так и его успехи. Не оставит она своего народа и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг».

Митрополит напомнил народу о его героях в прошлом, которых воодушевляло чувство долга перед своей страной и Церковью. Сергий убеждал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и тем более не предаваться размышлениям о возможных выгодах по другую сторону фронта, что было бы, по его словам, «прямой изменой Родине и своему пастырскому долгу». Это явный намек на то, что после всех ужасов и преследований мысль об этом могла показаться многим соблазнительной.

Через четыре дня Сергий отслужил в Патриаршем соборе благодарственный молебен, после которого произнес проповедь, содержавшую еще более явный намек на то, что положение в Советском Союзе неблагополучно: «Пусть грянет буря. Мы знаем, что она принесет не только несчастье, но и облегчение; она очистит воздух и унесет ядовитые испарения... Мы уже видим некоторые признаки этого очищения». Это было начало активного участия Сергия и возглавляемой им Церкви в патриотической борьбе.

В октябре, когда немцы стояли вблизи Москвы, Сергий выступил с посланием, где осудил священнослужителей, которые, оказавшись в оккупации, начали активно сотрудничать с немцами. По всей вероятности, этим посланием Сергий стремился ослабить негативное впечатление от перехода на сторону немцев митрополита Сергия (Воскресенского), считавшегося вторым по влиянию епископом в Московской патриархии, которому НКВД доверял больше, чем другим епископам, используя в качестве посредника между правительством и Синодом.

Однако, видимо, правительство по-прежнему не доверяло Сергию, так как именно в день опубликования этого послания, опасаясь немецкого наступления, власти принудительно эвакуировали митрополита в Ульяновск, несмотря на болезнь и высокую температуру. Очевидно, власти опасались, что он может последовать примеру экзарха в Прибалтике. 11 ноября, находясь уже в Ульяновске, Сергий обратился к верующим с третьим посланием, в котором было сказано: «Прогрессивное человечество объявило Гитлеру священную войну за христианскую цивилизацию, за свободу совести и религии». Очевидно, он надеялся, что в целях пропаганды Сталин подхватит эту мысль и будет вынужден изменить свою церковную политику.

Тем не менее Сталин был очень осторожен и не торопился. Значительные изменения в церковной политике, происшедшие в 1943 г., были вызваны скорее массовым открытием церквей на оккупированных территориях, чем выступлениями Сергия. Но как бы то ни было, а вскоре после начала войны отношение к Церкви все же начало меняться. Прекратилась антирелигиозная пропаганда, не было сделано никаких попыток помешать Сергию распространять свои патриотические воззвания, предназначенные для публичного оглашения во всех открытых церквах, хотя это и являлось нарушением закона.

Сергию разрешили вернуться в Москву только в конце лета 1943 г., когда немцы уже давно отступили, в то время как митрополит Николай смог вернуться в Москву уже в ноябре 1941 г. Он сразу же начал активно сотрудничать с властями в организации пропаганды за границей и скоро стал зарубежным представителем не только патриархии, но и советского правительства. Уже 2 ноября 1941 г. Николай стал членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, совершенных фашистами на оккупированных территориях. Он был в числе подписавших явно лживое заявление о том, что убийство тысяч польских офицеров в лесу под Катынью было совершено немцами. (В последние годы советским и российским правительством официально признано, что это злодеяние совершено НКВД до июня 1941 г.)

Уступкой Церкви было издание в 1942 г. большой книги под названием «Правда о религии в России», которая вышла одновременно на нескольких языках. (Следует отметить, что Церкви была передана типография практически прекратившего существование Союза воинствующих безбожников.) Книга, предназначенная для пропаганды за границей (в Советском Союзе в продажу поступило лишь небольшое количество экземпляров), производит грустное впечатление: изнуренные, усталые, грустные лица пожилых церковных деятелей и мирян, немногочисленные фотографии действующих церквей, полное отсутствие статистических данных. Заверения о полной свободе религии в Советском Союзе звучат при этом неискренне и неубедительно. Подчеркивается традиционный патриотизм Русской Православной Церкви на протяжении многовековой истории. Дается высокая оценка патриарху Тихону как главе Церкви и отмечается, что тот большой авторитет, которым он пользовался, был основан не на проявлении власти и строгости, а на силе любви. Нет ни слова о его конфликте с властями и о преследованиях, которым он подвергался.

Интересно отметить, что на двух групповых фотографиях епископов с митрополитом Сергием (Страгородским) есть и митрополит Сергий (Воскресенский), который в то время активно сотрудничал с немцами в

оккупированной Прибалтике; под фотографией указано его имя. 22 сентября 1942 г. в своем послании всем верующим, в особенности живущим в Литве, Латвии и Эстонии, Сергий (Страгородский) осудил епископов Прибалтики, возглавляемых Сергием (Воскресенским), за их сотрудничество с врагом. В послании говорится, что даже русские эмигранты и представители других славянских народов в Америке поддерживают Советский Союз в его борьбе с нацизмом, хотя и не принимают большевистскую идеологию. У русских нет другого выбора, так как нацизм стремится к физическому уничтожению населения Советского Союза. Сам Сергий не нуждался в доказательствах необходимости борьбы с нацизмом, его вдохновляла любовь к своей Родине и своему народу. В тот же день Сергий и 12 других епископов подписали резолюцию, осуждавшую епископов Прибалтики. Осуждение это было сделано в нерезких тонах: «Если сведения (об их коллаборационизме) окажутся правильными, то епископы должны принять необходимые меры, чтобы исправить свое поведение... и представить патриарху точный доклад, чтобы будущий церковный суд имел перед собой данные не только о преступлении, но и о его исправлении». В резолюции запрещалось дальнейшее возношение имени экзарха Прибалтики в Московском приходе, где он раньше служил. Эта резолюция была, очевидно, подсказана Сергию правительством, и ее тон показывает, что Сергий не хотел резко осуждать своего личного друга, который даже в условиях оккупации продолжал защищать Московскую патриархию и оставался в ее юрисдикции. 27 марта 1943 г. был осужден украинский архиепископ Поликарп. На этот раз критика была гораздо более резкой, так как Поликарп нарушил каноны, восстановив на оккупированной немцами территории неканоническую Украинскую Автокефальную Церковь.

В книге подчеркивается тесная связь между русским народом и его Церковью; жертвенная любовь к ближнему во имя Божье рассматривается как источник народной силы, что как бы подсказывает необходимость обратиться к Богу, так как только Его помощь может обеспечить победу, одной физической силы для этого недостаточно.

До 1943 г. нет никаких сведений об открытии в Советском Союзе новых церквей. Первой заметной уступкой Церкви было последовавшее в 1942 г. разрешение (по крайней мере, в Москве) совершать пасхальный крестный ход вокруг церкви с зажженными свечами, несмотря на опасность немецкого воздушного налета; на эту ночь был отменен комендантский час.

В то же время Церковь продолжала взывать к патриотизму. Особенно деятельным в этом отношении был архиепископ Ленинградский Алексий, которому разрешили остаться в осажденном городе, очевидно, для того,

чтобы поддержать дух населения. Проповеди Алексия характеризуются патриотическим пафосом, в них часто проводятся исторические параллели. Так, 9 апреля 1942 г. в своей пасхальной проповеди Алексий отмечает, что в этот самый день 700 лет тому назад Александр Невский одержал победу над тевтонскими рыцарями на льду Чудского озера и спас Новгород, т.е. северо-запад России, от немецкого нашествия. Уже летом 1941 г. в своих проповедях Алексий призывал верующих жертвовать все, что могут, для спасения Родины. По-видимому, именно он начал церковные сборы средств на оборону страны. Известен случай, когда анонимный паломник оставил под иконой Святителя Николая в соборе архиепископа Алексия 150 дореволюционных золотых десятирублевых монет. В своих проповедях Алексий постоянно подчеркивал, что Дмитрий Донской и Александр Невский одержали победы не просто в силу своегоу патриотизма, а благодаря «глубокой вере русского народа, что Бог поможет в правом деле... Так и теперь мы верим поэтому, что все небесные силы с нами».

Митрополит Сергий предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав для этого нелегальные церковные сборы на оборону страны. 5 января 1943 г. он послал И.В. Сталину телеграмму, прося его разрешения на открытие Церковью банковского счета, на который вносились бы все деньги, пожертвованные на оборону во всех церквах страны. И.В. Сталин дал свое письменное согласие и от лица Красной Армии поблагодарил Церковь за ее труды. Получив разрешение открыть банковский счет, Церковь стала де-факто юридическим лицом. К 15 января 1943 г. в одном Ленинграде, осажденном и голодающем, верующие пожертвовали в церковный фонд для защиты страны 3 182 143 рубля; кроме того, было пожертвовано еще полмиллиона рублей на создание и вооружение танковой колонны имени Дмитрия Донского. К октябрю 1944 г. церковные пожертвования в этот фонд достигли 150 млн рублей.

После того как И.В. Сталин и Сергий обменялись телеграммами, положение Церкви стало улучшаться. В Красноярске блестящего хирурга и профессора медицины епископа Луку (Войно-Ясенецкого), находившегося под арестом, но работавшего главным хирургом в военном госпитале, вызвали к первому секретарю обкома партии, который сказал, что отношения между Церковью и государством скоро улучшатся и можно будет вернуться к епископскому служению. И действительно, 5 марта 1943 г. епископ Лука написал своему сыну, что в одном из пригородов была открыта церковь (впервые с конца 30-х гг.) и что после шестнадцатилетнего перерыва, вызванного арестами и ссылкой, он опять совершает литургию.

Но главные перемены произошли после 4 сентября 1943 г. До появления в 1989 г. статьи В. Алексеева «Неожиданный диалог» о событиях этого дня ходило много рассказов, часто полулегендарных, но конкретные сведения были весьма туманны. По данным упомянутой статьи, события того дня выглядят следующим образом.

И.В. Сталин пригласил к себе на дачу Г.Г. Карпова и в присутствии Г.М. Маленкова и Л.П. Берии расспросил его о личностях трех митрополитов: Сергия, Алексия и Николая. Затем он задал вопросы о том, как происходило избрание патриарха Тихона, о патриархах Константинопольском и Иерусалимском, о положении православных церквей Румынии, Югославии и Болгарии, о связях РПЦ с зарубежными церковными организациями. Задав целый ряд вопросов о состоянии РПЦ, количестве приходов и положении епископата и выслушав ответы Карпова, «Сталин сказал, что назрела необходимость создания специального государственного органа, который бы осуществлял связь между правительством и руководством православной Церкви». На ответ Карпова, что такой орган следовало бы учредить при Президиуме Верховного Совета, Сталин возразил, что Совет по делам РПЦ должен быть создан при Совнаркоме СССР, чтобы «осуществлять связь между правительством и патриархом. Совет сам решений не принимает, а докладывает обо всем правительству и от него передает государственные решения Церкви».

Затем И.В. Сталин обменялся мнениями с Г.М. Маленковым и Л.П. Берией, после чего прямо с дачи Карпов позвонил митрополиту Сергию и сообщил, что правительство готово принять его вместе с митрополитами Алексием и Николаем. Прием состоялся вечером того же дня в Кремле.

В беседе И.В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем принимали также участие Г.Г. Карпов и В.М. Молотов. Сталин начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности Православной Церкви, а затем поинтересовался проблемами Церкви.

Митрополит Сергий отметил, что главная проблема – это вопрос о патриархе, подчеркнув ненормальность ситуации, когда патриарх не избирался в течение 18 лет. Для избрания патриарха необходимо созвать поместный собор. И.В. Сталин одобрительно отозвался о проведении собора. Спросил, как будет именоваться патриарх, когда может быть созван собор, нужна ли помощь правительства с транспортом, доставкой и размещением участников. Предложил также финансовую помощь.

Митрополит Сергий сказал, что для подготовки собора потребуется не менее месяца: время военное, а собрать необходимо всех епископов, существуют трудности передвижения по стране и т.д.

«А нельзя ли проявить большевистские темпы?» – спросил И.В. Сталин. Обратившись к Г.Г. Карпову, он попросил помочь руководству Церкви собрать епископов, привлечь для этого авиацию и другой транспорт. Г.Г. Карпов заверил И.В. Сталина, что вся необходимая работа будет проведена и Собор можно открыть через 3–4 дня. Тут же договорились назначить открытие собора на 8 сентября.

Патриарший местоблюститель поднял вопрос о подготовке кадров священнослужителей и выразил желание открыть с этой целью несколько епархиальных курсов. И.В. Сталин предложил открыть не курсы, а академии и училища, на что митрополиты Сергий и Алексий ответили, что для этого у Церкви пока нет сил. Выслушав, И.В. Сталин сказал: «Как хотите, но правительство не будет возражать и против открытия семинарий и академий».

Затем митрополит Сергий сообщил И.В. Сталину о необходимости издания ежемесячного церковного журнала, открытия новых приходов, поставил вопрос об освобождении из ссылок, лагерей и тюрем архиереев и духовенства и о предоставлении возможности священнослужения и свободного передвижения по стране клирикам, отбывшим наказание в местах лишения свободы. И.В. Сталин предложил Карпову изучить этот вопрос, а митрополиту Сергию подготовить список священников, находившихся в заключении.

Митрополит Алексий обратил внимание И.В. Сталина на необходимость отчисления епархиями и приходами части средств на содержание православного центра, отметив, что, например, Ленгорисполком не разрешает этого делать. Митрополиты Сергий и Николай высказались за избрание священников в состав исполнительных органов приходов. Патриарший местоблюститель особо остановился на важности открытия в епархиях свечных заводов, мастерских по изготовлению церковной утвари. И.В. Сталин не возражал против осуществления этих мер.

Повернув разговор в другое русло, И.В. Сталин предложил митрополитам помощь правительства в продуктах, транспорте и помещении для церковного руководства. Он сообщил, что правительство решило предоставить Церкви для размещения патриархии бывшую резиденцию германского посла в Москве Шуленбурга. Здание находится в Чистом переулке, оно передается Церкви вместе со всей мебелью. Кроме того, И.В. Сталин поставил митрополитов в известность о том, что правительство полагает создать специальный орган – Совет по делам Русской Православной Церкви и председателем Совета назначить Г.Г. Карпова. И.В. Сталин подчеркнул, что Совет по делам РПЦ будет представлять собой орган связи между правительством и патриархией.

Обратившись к Г.Г. Карпову, он сказал: «Подберите себе двух-трех помощников, которые будут членами вашего Совета, создайте аппарат. Но только помните, во-первых, вы не обер-прокурор Синода, а во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность Церкви».

Совет по делам РПЦ контролировал все дела Православной Церкви. Патриарх Алексий обращается за разрешением или, во всяком случае, согласием Г.Г. Карпова на любое церковное мероприятие. Да и в указанном докладе отца Сергия приводятся такие примеры, как планы работы Совета: «Подготовка проекта Устава РПЦ (исполнитель тов. Зайцев К.А.)... Обеспечить контроль по выпуску... номера «Журнала Московской патриархии». Таким образом, на самом деле функции Совета были вполне сходны с обер-прокурорскими, с той «только» разницей, что ни царское правительство, ни обер-прокуроры не ставили своей целью удушение Церкви и были они хотя бы формально верующими. Здесь же юридически положение Церкви ухудшалось даже по сравнению с эпохой, предшествовавшей 1938 г., когда за соблюдением законности все же следили профессиональные юристы в специальных комиссиях или отделах при ВЦИКе и как-то пытались противостоять произволу ЧК – ГПУ – НКВД. Здесь же Церковь отдавалась непосредственно в руки НКВД – МГБ – КГБ.

Но вернемся к беседе И.В. Сталина с митрополитами в изложении о. Сергия Гордуна: «Беседа окончилась поздней ночью, а на следующее утро, 5 сентября, в Богоявленском кафедральном соборе состоялась торжественная воскресная литургия, после которой патриарший местоблюститель, впервые после двухлетней разлуки приветствуя московскую паству, сообщил ей о намеченном на 8 сентября соборе епископов для избрания патриарха. Выйдя из храма, верующие имели возможность прочитать опубликованное в газете «Известия» сообщение ТАСС о приеме И.В. Сталиным трех митрополитов».

Как и было намечено, Собор епископов состоялся 8 сентября 1943 г. в Москве. В нем участвовало 19 иерархов: 3 митрополита, 11 архиепископов и 5 епископов, из которых 2 иерарха – митрополиты Сергий и Алексий – с дореволюционной епископской хиротонией, 9 архиереев были хиротонисаны в 20-е годы, 2 иерарха – в 30-е и 6 участников Собора были рукоположены в епископский сан в 1941–1943 гг. Только двое из участников Собора – митрополит Сергий в 1922–1923 гг. и архиепископ Калининский Василий (Ратмиров) с 1922 по 1941 гг. – состояли в обновленчестве, причем последний был членом обновленческого Синода и в сане митрополита занимал Курскую кафедру, после чего отказался от сана и был делопроизводителем обновленческого Синода в звании мирянина, а в 1941 г. принес покаяние и был принят митрополитом

Сергием в церковное общение в сущем сане, так как скрыл факт своего отречения от сана.

Собор заслушал доклады патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия о патриотической работе Церкви в течение двух военных лет и митрополита Ленинградского Алексия «Долг христианина перед Церковью и родиной в переживаемую эпоху отечественной войны». Затем митрополит Алексий, обратившись к Собору, сказал, что «необходимо довершить церковное строительство избранием патриарха». Поскольку митрополит Сергий уже в течение 17 лет фактически исполнял обязанности патриарха, то он и был выдвинут митрополитом Алексием в качестве единственного кандидата на патриаршее место. Все участники Собора поддержали выступление митрополита Алексия. В ответ на вопрос патриаршего местоблюстителя, нет ли у кого-либо иного мнения, последовали возгласы: «Нет, единодушно», «Единогласно», «Всем Собором». Затем все встали и трижды пропели «Аксиос».

Поблагодарив за избрание, митрополит Сергий объявил об образовании при патриархе Священного Синода, состоящего из трех постоянных и трех временных членов. Постоянными членами Синода были назначены митрополиты Алексий и Николай и архиепископ Горьковский Сергий.

Затем Собор принял зачитанное митрополитом Сергием постановление о том, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана».

Члены Собора приняли также обращение к советскому правительству, в котором выражали благодарность за «сочувственное отношение» Сталина к нуждам Русской Церкви и ее служителей и заверяли, что они приумножат свои труды, участвуя «в общенародном подвиге за спасение родины».

Собор обратился к христианам всего мира с призывом «дружно, братски, крепко и мощно объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом в мировой борьбе, за попранные Гитлером идеалы христианства, за свободу христианских церквей, за свободу, счастье и культуру всего человечества».

12 сентября 1943 г. в московском Богоявленском соборе состоялась интронизация новоизбранного патриарха. В тот же день святейший Сергий обратился к всероссийской пастве со своим первым патриаршим посланием, в котором напомнил церковное учение о том, что «хранителем православной веры у нас является не епископат, не духовенство, а сам верующий народ», поэтому «каждый член данной православной общины обязан участвовать в охранении православной веры, содержимой этой общиной». Святейший владыка призвал паству следить за тем, чтобы к

священническому служению не допускались лица, имеющие безблагодатные хиротонии от раскольников.

Святейший Сергий получил поздравительные телеграммы от всех восточных патриархов, а также от некоторых предстоятелей и иерархов инославных церквей.

К концу 1942 г. кроме трех митрополитов оставалось еще восемь епархиальных архиереев. С тех пор были рукоположены два, остальные шесть были, очевидно, возвращены из ссылки или лагерей либо получили разрешение вернуться к своей деятельности после вынужденной отставки. Однако в ссылке и лагерях по-прежнему томились еще десятки епископов. Вероятно, четырех дней было недостаточно, чтобы освободить их из заключения и привезти в Москву некоторых из этих епископов. По-видимому, некоторые из заключенных епископов отказывались признать церковную политику Сергия после 1927 г. как условие для своего освобождения. В то время катакомбная Церковь была еще весьма деятельной.

Почему же И.В. Сталин пошел на такое решительное «примирение» с Церковью? Обычно это объясняют необходимостью привлечь помощь Церкви для победы. Но ведь на дворе уже был сентябрь 1943 г. Сталинград был давно позади, и в победе никаких уже сомнений не могло быть. В благодарность за материальный и духовно-патриотический вклад Церкви в дело победы за предыдущие два года? Но Сталину не свойственно было проникаться благодарностью и помнить об оказанных ему услугах. Цитируемый С. Гордуном В. Алексеев объясняет все внешнеполитическими причинами. Сталин готовился к Тегеранской конференции, надеясь добиться там решения об открытии второго фронта. Для того чтобы «понравиться» союзникам, учитывался и фактор религиозной терпимости, хороших отношений между Церковью и государством. Известно было, что на правительства на Западе с целью скорейшего открытия второго фронта оказывали давление общественные движения, которые помогали Советскому Союзу. В Великобритании Объединенный комитет помощи СССР возглавлял, как его называли, «Красный декан» – марксист Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора. А англиканская Церковь добивалась от советского правительства разрешения на приезд своих представителей с визитом в СССР. Отказать такому партнеру, да еще накануне Тегеранской конференции, было бы в высшей степени неразумно. Делегацию должен был возглавить архиепископ Йоркский, а чтобы произвести на него благоприятное впечатление, Русская Православная Церковь должна была быть во всем своем внешнем блеске: с патриархом, синодом и пр.

Но, казалось, в таком случае можно было бы «свернуть» Церковь снова после войны, особенно с началом холодной войны. Этого не произошло, хотя, как будет показано ниже, нажим и зажим начался даже до окончания войны, но относительно осторожный. Тут было две причины. Во-первых, И.В. Сталин «вошел во вкус»: он считал, что от покорной Церкви ему больше выгоды на внешнеполитическом фронте, чем потерь – на внутреннем. Судя по его послевоенной политике, Сталина гораздо больше волновала изоляция мира, находившегося под его контролем, чем проблемы мировой революции. Во-вторых, не все в его церковной политике объясняется только Тегераном и дружбой с англиканами. Сталин понимал, что ему предстоит как-то «приручать» католические, православные и протестантские народы Восточной Европы, да и «своих» западных территорий, а для этого надо было не отпугивать и не настраивать против себя тамошние Церкви. Нужно было доказать это религиозной терпимостью «дома», наличием Церкви в СССР, которая, по крайней мере, казалась бы благополучной и процветающей.

8.2. Организация церковной жизни в Беларуси после начала Великой Отечественной войны

На основании тайного советско-германского договора 17 сентября 1939 г., когда Польша уже была оккупирована немецкими войсками, советские войска перешли польскую границу и без сопротивления заняли Западную Беларусь, Волынь и Галичину. Западная Беларусь была присоединена к Советской Беларуси.

Советские власти застали в Западной Беларуси церковную жизнь, православную и католическую, хорошо организованной. Православные архиепископы: Виленский Феодосий Федосьев и Пинский Александр Иноземцев остались на своих местах. Спешно выехали за границу до прихода советских войск епископ Гродненский Савва Советов и викарий епископ Виленской епархии Матфей Семашко. Остались на своих местах и католи-ческие иерархи: архиепископ Виленский Ялбжиковский, епископ Пинский Букраба.

В Жировицком монастыре проживал много лет на покое архиепископ Пантелеймон Рожновский, не признавший автокефалии Православной Церкви в Польше. Узнав, что епископ Гродненский Савва оставил епархию и выехал за границу, архиепископ Пантелеймон немедленно, по своей воле, сообщил духовенству Гродненской епархии о том, что он принимает на себя управление епархией. Никакого протеста не последовало. Гродненская консистория во главе с протоиереем Георгием Боришкевичем ожидала прибытия на Гродненскую кафедру епископа острожского Симона

Ивановского, но тот отказался от поездки в Гродно. После этого консистория и духовенство Гродненской епархии подчинились архиепископу Пантелеймону.

Вскоре после присоединениея Западной Беларуси советское правительство отдало Вильно Литовской Республике. Образовалась государственная граница между Литовской Республикой и Советским Союзом. Вследствие такого положения Виленская епархия лишилась своего епархиального центра, который остался за границей. Архиепископ Пантелеймон принял в свое ведение приходы и духовенство этой епархии. Митрополит Сергий указом от 24 июня 1940 г. утвердил его архиепископом Гродненским и Вилейским. Таким образом, архиепископ Пантелеймон объединил две епархии Западной Беларуси в одну, исключая г. Вильно.

Вновь созданная Гродненско-Вилейская епархия территориально была обширна и имела 307 приходов. Старому 73-летнему архиепископу Пантелеймону было не по силам справиться со всеми епархиальными делами при советской власти. По его просьбе и по докладу экзарха митрополита Николая в Москве решено было рукоположить во епископа Брестского викария Гродненско-Вилейской епархии архимандрита Венедикта Бобковского, настоятеля Жировицкого монастыря. Посвящение во епископа состоялось в Москве 30 марта 1941 г. при участии 10 иерархов, присутствовавших в то время в Московской патриархии, из которых 8 было из, Западной Беларуси, Прибалтики и Волыни. Епископ Венедикт остался жить вместе с архиепископом Пантелеймоном в Жировицком монастыре.

Архиепископ Полесский и Пинский Александр не поехал и Москву по приглашению и этим уклонился от формального присоединения его к Московской патриархии, за что был митрополитом Сергием уволен на покой. На его кафедру в Пинск был посвящен архимандрит Почаевской лавры Вениамин Новицкий.

На момент вторжения немецких войск церковно-религиозная жизнь в Восточной Беларуси и Украине была в разрушенном состоянии. Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись кто куда, многие умерли в ссылках и в тюрьмах. Но верующих было очень много.

Немецкое руководство дало возможность верующим восстанавливать церковную жизнь. Немецкие военные власти помогали в этом с расчетом на приобретение народной симпатии.

Во второй половине сентября 1941 г. из Жировицкого монастыря в Минск приехал епископ Венедикт для организации церковной жизни.

Необходимо было получить разрешение немецких властей, в чем епископу помог начальник Минского округа Радыслав Островский. Епископ Венедикт обсудил с Островским все вопросы, касавшиеся организации церковной жизни в Беларуси, которую, согласно требованию Островского, следовало проводить в национальном духе, а новые епископы должны были быть белорусами по национальности.

При посредстве Р. Островского епископ Венедикт получил из генерального комиссариата Беларуси (военно-гражданская немецкая оккупационная власть) письмо на имя митрополита Пантелеймона Рожновского от 3 октября 1941 г., в котором были указаны следующие условия: а) Православная Церковь в Беларуси руководствуется святыми канонами, а немецкая власть не вмешивается в ее внутреннюю жизнь; б) Православная Церковь в Беларуси должна называться: «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь»; в) проповедь, преподавание Закона Божия и церковное письмоводство следует вести на белорусском языке; г) назначение епископов, благочинных и священников не должно производиться без ведома немецкой власти; д) необходимо представить статут Белорусской Православной Автокефальной Национальной Церкви; е) богослужения должны совершаться на церковнославянском языке.

Митрополит Пантелеймон и епископ Венедикт устроили официальное заседание, на котором постановили: а) принять к руководству и исполнению условия, представленные в письме Генерального комиссариата Беларуси; б) перенести резиденцию митрополита из Жировицкого монастыря в столицу Беларуси – г. Минск; в) открыть духовную семинарию для обучения кандидатов в священный сан; г) присвоить митрополиту Пантелеймону титул: «Митрополит Минский и всея Беларуси». Протокол заседания озаглавлен как «Акт № 1 деяния Собора Епископов Белорусской Православной Церкви от 6 октября 1941 г.». Протокол подписали: митрополит Пантелеймон и епископ Брестский Венедикт. Впервые в истории Беларуси Православная Церковь в этом крае официально в акте православной иерархии названа Белорусской. По содержанию этого протокола было послано ответное письмо генеральному комиссариату.

Митрополит Пантелеймон и епископ Венедикт отлично понимали, что им двоим тяжело иерархически обслуживать всю Беларусь. Первым главой Белорусской Церкви был архимандрит Филофей Нарко, проходивший церковное служение в Варшаве в юрисдикции митрополита Варшавского Дионисия. Митрополит Дионисий отпустил архимандрита Филофея. Епископскую хиротонию совершили в Жировицком монастыре 23 ноября 1941 г. митрополит Пантелеймон и епископ Венедикт. При наречении

Филофею дали титул епископа слуцкого, викария Минской митрополичьей епархии. После этого торжества 30 ноября состоялся отъезд митрополита Пантелеймона и епископа Филофея на постоянное жительство в г. Минск.

Политическим белорусским деятелям, сотрудничавшим с немцами, было известно, что митрополит Пантелеймон придерживается строго русских и монархических убеждений, поэтому к нему не было большого доверия. У них были свои взгляды на Церковь и на церковные дела, чисто политические, которые они хотели проводить в Церкви. Церковные интересы или религиозно-богослужебная сторона их не интересовали. В результате конфликта между политическими деятелями и митрополитом Пантелеймоном последний был отстранен от управления Церковью.

Конфликт между митрополитом Пантелеймоном и белорусскими деятелями сильно углубился и принял нежелательные формы. Распоряжения митрополита относительно архиепископа Филофея (отправлял его в Могилев, для работы в епархии) показались им опасными для белорусского национального дела, поэтому решено было удалить митрополита из Минска и тем развязать руки архиепископу Филофею. За содействием они обратились к немецким властям. В конце мая митпрополита вызвали в генеральный комиссариат, где начальник отдела Юрда объявил об увольнении его на покой, а управление делами Церкви следовало передать архиепископу Филофею.

2 июня 1942 г. подъехал автомобиль с немецкими чинами из СД, митрополита Пантелеймона с его келейником о. Юлианом увезли в Ляды и поместили в бывшем монастыре, в котором сохранилась церковь. Здесь Пантелеймон оставался до поздней осени. На зиму немцы перевезли его в г. Вилейку, где он жил под надзором немецкой военной полиции.

Через несколько дней после высылки митрополита в Ляды белорусские деятели представили архиепископу Филофею два меморандума, в которых изложили ряд своих требований. Для характеристики приведем некоторые из этих требований: произвести регистрацию всех благочинных в митрополии с целью перемещения их, уволив русских и назначив белорусов; организовать при архиереях «рады» из лиц духовных и светских, известных белорусских националистов; переменить состав городского духо-венства в Минске и в Минской консистории, назначив сюда белорусов, при этом назывались фамилии кандидатов.

Архиепископ Филофей столкнулся непосредственно с белорусскими деятелями. Раньше они осаждали митрополита Пантелеймона, а теперь повели свою атаку на него. Из представленных требований Филофей выполнил только одно, назначив священника Н. Лапицкого в Минск, а от остальных отказался, мотивируя тем, что он не митрополит и не может их

выполнить. Это разгневало белорусских деятелей, которые начали помышлять о том, чтобы удалить из Минска архиепископа Филофея и на его место назначить более угодного им. Но они сознавали, что это не в их власти.

Когда в середине июля в Минске собрались епископы для обсуждения церковных дел в связи с высылкой митрополита в Ляды, белорусские деятели решили воздействовать на них через немецкие власти. Начальник отдела генерального комиссариата Беларуси Юрда вызвал архиепископа Филофея и епископов Афанасия и Стефана и потребовал от них объявления автокефалии Белорусской Церкви и выполнения ряда других пунктов, указанных белорусскими деятелями, при этом высказывал свои требования в грубой форме. Владыки ответили, что не компетентны это провести без митрополита и Всебелорусского Церковного Собора. Увидев неуступчивость епископов, Юрда согласился на созыв Церковного Собора, а в возвращении митрополита отказал, ссылаясь на то, что архиепископ Филофей уполномочен вести дела вместо митрополита.

На предстоящем Соборе планировалось рассмотреть два вопроса: объявление автокефалии Церкви и утверждение ее устава.

Политические деятели добились того, что устав был проверен немецкими властями. По требованию Юрды архиепископ Филофей представил ему устав Церкви, утвержденный Собором епископов в марте 1942 г., а в ответ получил 18 августа письмо следующего содержания: «Представленные мне на одобрение статуты не могли получить моего одобрения. Они не только в своих постановлениях несовместимы с требованиями государства о правовом положении Церкви, но вообще непригодны во всем своем содержании». Далее в письме Юрда указал параграфы устава, которые подлежали отмене. Например, запрещал крестить евреев, открывать мастерские при монастырях, открывать духовные семинарии и академию без разрешения немецких властей, преподавать Закон Божий в школах; отменял юридическую силу церковных браков, поставил под вопрос православные церковные праздники и др. Стало ясно, что немецкие власти не намерены давать какие-либо права Православной Церкви в Беларуси. Юрда был высшим немецким чиновником, определявшим немецкую политику в оккупированной немцами Беларуси. Его письмо представляло программу отношения гитлеровской Германии к Православной Церкви в Беларуси и вообще к белорусскому населению как к покоренной нации.

30 августа после молебна в Преображенском храме бывшего женского монастыря открылись заседания Собора под председательством архиепископа Филофея. В повестку включили два вопроса: объявление автокефалии и утверждение устава. По первому пункту ограничились

чтением докладов об основах введения автокефалии и составлением писем к православным восточным патриархам по этому поводу. Всем было ясно, что в тяжелое военное время немецкой оккупации Беларуси не было канонических оснований делать объявление автокефалии своей Церкви. В дальнейшем процессе заседаний был рассмотрен и утвержден устав «Сьвятой Праваслаўнай Беларускай Аўтакефальнай Царквы». Он содержал 114 параграфов. В §113 было сказано: «Каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми автокефальными Православными Церквами». Собор закончился 2 сентября 1942 г. без формального объявления автокефалии.

В начале апреля 1943 г. архиепископ Филофей созвал Синод для решения вопроса об автокефалии белорусской Церкви. В Минск прибыл только епископ Афанасий, архиепископ Венедикт и епископ Стефан не явились. Тогда Филофей и Афанасий обратились в генеральный комиссариат с просьбой возвратить из ссылки митрополита Пантелеймона для возглавления Синода и подписания писем. (Подготовленные письма об автокефалии, согласно уставу Церкви, может подписать только митрополит, как глава поместной Церкви.) Это ходатайство было удовлетворено. Немедленно митрополит Пантелеймон был освобожден и 16 апреля привезен чинами из немецкой военной полиции в Минск, где поселился в митрополичьих покоях.

Начались заседания Синода под председательством митрополита Пантелеймона. Первым пунктом было рассмотрение и подписание писем к патриархам. Владыки понимали, что письма не имели большого значения в военное время, но во избежание неприятностей с немецкими властями их подписали и отдали в генеральный комиссариат. Дальнейшая судьба их неизвестна.

В середине мая 1944 г. митрополит Пантелеймон созвал Собор епископов в Минске. Собор созвали по требованию немецких властей, хоте-вших, чтобы белорусские епископы высказались против возведения в Москве митрополита Сергия в патриархи. Предложенный немцами текст был отклонен, собор епископов составил свой текст.

Собор епископовпровели в сжатые сроки, потому что близость немецко-советского фронта беспокоила всех. Белорусские иерархи во главе с митрополитом в спешном порядке выехали в Гродно и оттуда 7 июля 1944 г. эмигрировали в Германию.

8.3. Деятельность патриархов Сергия и Алексия

Став патриархом, Сергий продолжал консолидацию Церкви: восстанавливались епархии, в них назначались епархиальные архиереи.

Некоторые из них, вероятно, вернулись из ссылки, после того как признали Сергия и поверили в его обещание полной лояльности. Были рукоположены в епископы некоторые вдовые священники и уцелевшие монахи, имевшие необходимое образование. К январю 1945 г., когда был созван Собор для избрания нового патриарха, число епархиальных архиереев, признававших Сергия патриархом, достигло сорока одного. Сергий так и не дожил до осуществления своей главной мечты – восстановления богословского образования в России. Первая пастырская школа и богословский институт, переведенные впоследствии в восстановленную Троице-Сергиевскую лавру, были открыты через месяц после его смерти.

Были предприняты необходимые меры, чтобы получить признание патриархии другими поместными православными церквами. Об успехе этих мер можно судить по участию восточных патриархов или их представителей в Московском соборе 1945 г. Очень важно также то, что восточные патриархи признали автокефалию Грузинской Православной Церкви, дарованную Московской патриархией 10 ноября 1943 г. После присоединения к России, когда умер последний грузинский патриарх, Грузия лишилась своей древней автокефалии. После установления Советской власти Грузия стала на короткий срок независимой и односторонне объявила свою автокефалию, что не было признано патриархом Тихоном. Таким образом, между 1919 и 1943 гг. Грузинская Церковь не имела литургического общения с другими православными церквами.

Защитники Сергия особенно высоко оценивают его заслуги в сохранении церковного единства во всем Советском Союзе и в восстановлении нормального церковного управления. После смерти Сергия называли гением, который, обладая необходимой духовной и канонической интуицией и эрудицией, один мог сохранить Церковь, возродить и направлять ее в эти «трудные, полные кризисов и политически решающие годы нашей родины». Такой известный богослов, как В.Н. Лосский, находившийся в эмиграции во Франции, восхвалял «великого церковного деятеля... великого Сергия, в жизни которого все было велико... он жил догматами Церкви... все возвышал до основных истин веры». Возрождение Православной Церкви в Советском Союзе в военные годы рассматривалось как результат долголетней политики и трудов митрополита Сергия. Однако, по-види-мому, сам патриарх Сергий не был так уверен в абсолютной правоте своей политики. В слове, сказанном при своей интронизации, он признался: «В звании патриаршего местоблюстителя я чувствовал себя временным и не так сильно опасался за возможные ошибки. Будет, думал я, избран патриарх, он и исправит все

допущенные ошибки». Но ему не суждено было их исправить: через 8 месяцев патриарха Сергия не стало. И лишь через 45 лет появилась возможность исправить ошибки.

Интересно отметить, что в своем приведенном выше замечании о том, что патриаршая Церковь приняла и продолжила наследие обновленцев, советский религиовед Шишкин также признает, что Сергию удалось спасти Церковь от полного уничтожения.

Противники Сергия считают, однако, что изменения в государственной политике были вызваны войной, необходимостью получить поддержку народа в борьбе с нацизмом, необходимостью принять во внимание стихийное церковное возрождение в оккупированных немцами областях, тем, что Сталин решил «не отставать от Гитлера в благочестии».

И действительно, даже после сентября 1943 г. число открытых по разрешению советских властей церквей было очень невелико, гораздо меньше, чем в оккупированных немцами областях, что отмечалось и в советской печати. Так, если по всему Советскому Союзу в 1947 г. было 14 092 действующих православных храма (включая 2 491 храм, перешедший от униатов), то из этого числа непосредственно по разрешению Совета по делам РПЦ было открыто всего 1 270 православных храмов; а на территориях, занятых немцами и румынами, за время их оккупации было открыто 7 547 храмов. В связи со сложной процедурой, которую разработал Совет по делам РПЦ и принял Совнарком 28 ноября 1943 г. под № 1325, открыть храм было крайне сложно.

Согласно этому постановлению, верующие подают ходатайство сначала в местные Советы, которые имеют право только отказать в открытии Церкви. Если же отказа не последовало, то ходатайство направлялось в Совет по делам РПЦ, который «выносит предварительные свои решения» и представляет в Совнарком (данной республики) на одобрение. В случае одобрения последним Совет сообщает свое окончательное решение местному совету. Иными словами, вся процедура была такова, что закрыть храм или отказать в его открытии было просто и быстро, а открыть – крайне хлопотно, сложно и долго.

Изучение архива Совета по делам РПЦ показывает, что даже в лучшие годы с момента первой подачи прошения об открытии храма и до его окончательного одобрения Советом проходило в среднем 2–3 года. О.С. Гордун приводит типичную статистику: «В Казахстане в первый квартал 1945 г. было возбуждено верующими 21 ходатайство. Удовлетворены были – 4».

Мы уже приводили сравнительные цифры об открытии церквей на территориях, оккупированных в годы войны противником. Можно только

добавить, что чем дальше от линии фронта на восток, тем труднее открывались храмы; это особенно касалось территорий на восток от Волги, а тем более Сибири. Например, в Красноярске и окрестностях в 1943–1944 гг., пока там жил архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), было открыто только два храма. В Горьком на миллион с лишним жителей к концу 70-х гг. действовало всего три церкви, в миллионном Свердловске – всего одна.

Сложное положение восстановленной Церкви, ее противоречивые и взаимоисключающие функции служения Богу и восхваления богоборческого режима проявились уже на Поместном Соборе 1943 г.

В первом же докладе патриарха Сергия Собору 8 сентября можно найти такие высказывания: «Нам не пришлось долго раздумывать о том, какую позицию занять во время войны... Фашисты напали на нашу страну, разоряли ее, увозили наших соотечественников на принудительные работы... Простое чувство приличия не позволило нам занять какую-либо другую позицию». В этом заявлении подразумевается, что Церковь есть нечто отдельное от государства и имеет моральное право выбирать свою позицию по отношению к государству.

7 ноября 1943 г., по случаю 26-й годовщины Октябрьской революции, патриарх отслужил торжественную литургию, но в особых молитвах говорилось скорее о происшедшем накануне взятии Киева, возносились благодарения, поминались погибшие на войне. Была вознесена молитва о «богохранимой стране нашей и ее правительстве, возглавляемом Богом дарованным вождем» и провозглашено многолетие.

Вскоре после Архиерейского Собора определились сферы деятельности трех старших иерархов: митрополит Николай представлял интересы Советского Союза в международных отношениях, митрополит Алексий обращался к верующим с патриотическими воззваниями и организовывал сбор средств на нужды армии и военных-инвалидов, послания патриарха Сергия носили по большей части морально-богословский или пастырский характер.

После смерти Сергия в должность патриаршего местоблюстителя вступил митрополит Алексий. В своем первом письме Сталину он писал: «...с одной стороны, я буду придерживаться церковных канонов и правил, с другой – неуклонной лояльности по отношению к родине и к Вам, как главе ее правительства». Интересно отметить, что верность Церкви стоит на первом месте. Поведение Алексия во время хрущевских гонений показало, что это были не пустые слова.

При Алексии, который в чинопочитании Сталина заходил дальше, чем Сергий, «разделение труда» между ним и митрополитом Николаем определилось еще яснее: Алексий был пастырем и духовным вождем

Церкви, а Николай ее «министром иностранных дел», поддерживавшим советскую пропаганду.

Подробности о спорной политической деятельности митрополита Николая можно найти в книге Флетчера «Николай», здесь же мы отметим только самые показательные из его выступлений. По случаю годовщины нападения гитлеровской Германии на СССР, 22 июня 1942 г., Николай написал воззвание к советским партизанам и населению оккупированных областей; листовки с этим воззванием разбрасывались по другую сторону фронта с советских военных самолетов. Начиная с ноября 1942 г. и в течение всего 1943 г. митрополит выступал с воззваниями к Православной Румынской Церкви и румынским солдатам, а также к населению и Церкви в Югославии, Чехословакии и Греции; сам Николай стал при этом членом организованного правительством Всеславянского комитета, который призывал братьев-славян поддержать Советский Союз в его борьбе с нацистами. В одном из своих воззваний Николай говорил: «Церковь преисполнена... священной ненависти к врагу», что звучит довольно странно в устах православного архиерея. По-видимому, это чувство было искренним, так как подобные заявления делал и такой праведный человек, как архиепископ Лука. В одной из своих статей в «Журнале Московской патриархии» он требует смертной казни нацистам, ссылаясь на закон Моисея и другие места в Ветхом Завете. Он добавляет, что заповедь Христа о любви к ближнему неприменима «к немецким убийцам... Любить их абсолютно невозможно». В условиях Советского Союза еще более трагически звучит следующее его высказывание: «Как мы будем проповедовать евангелие любви и братства тем, кто не знает Христа, но кто видел сатанинское лицо немца, который называет себя христианином?» В «Журнале Московской патриархии» можно найти много патриотических статей, в которых подчеркивается патриотическая традиция и роль Православной Церкви во всей русской истории. Есть много сообщений о том, как отдельные приходы организуют помощь раненым и инвалидам войны: прихожане добровольно и безвозмездно исполняют обязанности санитаров, церковные хоры посещают больницы и для поднятия духа раненых исполняют музыкальные программы из светских песен. Строго говоря, с точки зрения советского закона вся эта благотворительная деятельность Церкви была противозаконной.

Самым важным для Церкви событием 1945 г. был Поместный Собор, который продолжался с 31 января по 2 февраля. На этом Соборе Алексий был единогласно избран тринадцатым патриархом Московским и всея Руси, было принято новое Положение об управлении Русской Православной Церковью. Есть достоверные сведения о том, что на заседании епископов, состоявшемся 21 ноября 1944 г. для избрания

предсоборной комиссии, архиепископ Лука напомнил другим епископам, что, согласно постановлению Собора 1917 г., право выдвижения кандидатов в патриархи должно быть предоставлено самим участникам Собора и что голосование должно быть тайным, и заявил, что поскольку выдвижение Алексия, как единственного кандидата в патриархи, это постановление нарушает, то он проголосует против Алексия. В результате Лука оказался единственным русским епископом, не приглашенным на Собор, в котором участвовали 41 русский и 5 иностранных епископов.

Интересно, что официальное издание Московской патриархии избрание Алексия объясняет тем, что его назначил местоблюстителем в своем завещании патриарх Сергий, а также тем, что патриарх Алексий был старейшим среди русского епископата по хиротонии. Если второе объяснение нейтрально по отношению к канонам, то первое им полностью противоречит. Каноны запрещают правящим архиереям назначать себе преемников. Нарушение этого правила Собором 1917–1918 гг. было вызвано критическим положением Церкви того момента. То, что такой знаток канонов, как патриарх Сергий, тоже пошел на это нарушение, указывает на его неуверенность в прочности и долговечности «конкордата» с советским правительством, что косвенно подтверждается и текстом завещания, датированного еще 12 октября 1941 г., и тем, что он не счел необходимым его изменить. Завещание начинается следующими словами: «В случае моей смерти или невозможности исполнять должность патриаршего местоблюстителя...» Но решение русского епископата идти на это нарушение на соборе 1945 г. объясняется не иначе как прямым давлением определенных советских органов.

Положение об управлении Русской Православной Церковью, принятое Собором, как указывалось раньше, было составлено «при участии члена Совета по делам РПЦ К. Зайцева и утверждено постановлением Совнаркома СССР от 28 января 1945 г.». В Положении говорится: «...патриарх для решения назревших важных церковных вопросов созывает, с разрешения правительства, Собор Преосвященных Архиереев и председательствует на Соборе, а когда требуется выслушать голос клира и мирян и имеется внешняя возможность к созыву очередного Поместного Собора, созывает таковой и председательствует на нем».

Из всех постоянных соборных церковных органов, учрежденных Собором 1917–1918 гг., сохранился только возглавляемый патриархом Синод епископов, и состав его был гораздо менее демократичным: в него входили митрополиты Киевский, Ленинградский и Крутицкий (Московский) и три епископа, приглашаемых патриархом и постоянными членами Синода по старшинству на полугодичные заседания Синода.

В Положении 1945 г. ничего не говорится о порядке включения в состав собора клириков и мирян. В Московский Собор 1917–1918 гг. входили по должности епархиальные архиереи, а также по два представителя от клира и по три от мирян по выборам в каждой епархии. На Соборе 1945 г. присутствовали 46 епископов, 87 священников и дьяконов и 37 мирян.

В положении полностью отсутствует точное определение обязанностей и прерогатив разных органов церковного управления. Единственной очевидной функцией Поместного Собора является избрание нового патриарха. И действительно, в «доперестроечный» период, после Собора 1945 г., Поместный Собор созывался лишь однажды – в 1971 г., для избрания патриарха Пимена на место скончавшегося в 1970 г. Алексия I.

Принимая или будучи вынужденным принимать те или иные решения, патриарх просто рассылал телеграммы всем епархиальным епископам с просьбой выразить свое согласие, после чего решение публиковалось как соборное постановление. Соборы епископов тоже собирались чрезвычайно редко.

Положение 1945 г. противоречит законодательству 1929 г. и другим советским законам о религии и Церкви. Это положение устанавливает в высшей степени централизованное церковное управление с последовательным подчинением низших органов высшим и с сосредоточением власти в руках патриарха, в то время как, строго говоря, советские законы не признают никаких религиозных объединений, кроме групп из 20 мирян, снимающих у государства церковное помещение. Патриарх имеет право назначать епископов, что включает и право их перевода в другие епархии. Епископы представляют патриарху ежегодный отчет о вверенных им епархиях. Патриарх преподает епископам «братские советы и указания касательно их должности и управления».

В епархиях устанавливаются такого же рода отношения между епархиальным архиереем и благочинными, а также между благочинными и приходскими священниками. Правящий епископ может (по своему усмотрению) создать епархиальный совет, в который входят приходские священники, или же управлять епархией при помощи своей канцелярии. Вопреки советским законам, священники полностью подчинены своим епископам, которые обладают правом их назначения и перевода.

Положение ограничивает прерогативы двадцаток, которые были затем переименованы в приходские общины. Органами приходской общины являются общее приходское собрание и избираемые этим собранием в составе трех лиц церковный совет и ревизионная комиссия. Священник, бывший до этого «наемником» двадцатки, становится теперь главой

приходской общины и председательствует как на приходском собрании, так и в церковном совете.

Интересно отметить, что тот же Сергий, который в 1905 г. отстаивал максимальную демократизацию Церкви, ее соборность и активное участие мирян в управлении Церковью, стал впоследствии создателем или по крайней мере вдохновителем централизованного и авторитарного церковного управления, которое в 1905 г. отстаивал не кто иной, как митрополит Антоний (Храповицкий), будущий глава заграничного синода и один из главных противников Сергия в 30-е гг. Очевидно, Сергий и Алексий надеялись, что при такой организации Церковь сможет лучше выдержать новые испытания и гонения со стороны властей.

В 70-е годы, с оживлением церковной публицистики неофитов, начало раздаваться много голосов, напоминающих постановления патриарха Тихона и митрополита Агафангела о временных местных автокефалиях. Некоторые «самиздатские» авторы утверждали, что децентрализованная Церковь менее уязвима перед лицом централизованного тоталитарного аппарата, чем Церковь централизованная, ибо в первом случае аппарат не мог бы проводить свои репрессии через единую патриархию, а имел бы дело с множеством центриков. Вопрос этот спорный. Но, может быть, выживание и большая жизненная динамика децентрализованных сект подтверждают правоту упомянутых авторов. Стоит, однако, указать на один явный изъян положения, противоречащий последовательному клерикальному централизму (если к таковому в тогдашних условиях стремились патриархи Сергий и Алексий): прерогативы власти священников, епископов и даже патриарха обрисованы в положении весьма условно и неопределенно. Над этим явно поработал аппарат Г.Г. Карпова.

Статья 16 Положения гласит: «Патриарх имеет печать и штамп, зарегистрированный надлежащей гражданской властью». Важно подчеркнуть, что в тексте говорится о штампе и печати не патриаршего престола как такового, а конкретного лица, поставленного на должность патриарха. Регистрация штампа и печати гражданскими властями предполагает их контролирующую власть. Таким образом, исход выборов заранее известен: избирается тот, чьи штамп и печать будут зарегистрированы гражданскими властями. При избрании нового патриарха в 1943, 1945 и 1971 гг. выдвигался только один кандидат. В таком же положении находятся и епархиальные архиереи, и настоятели приходских храмов. Более того, их деятельность должна быть согласована с местным уполномоченым Совета по делам Русской Православной Церкви (по делам религий – с 1965 г.).

Видный специалист по каноническому праву профессор Александр Боголепов писал, что положение председателя Совета по делам Русской

Православной Церкви можно сравнить с положением обер-прокурора Святейшего Синода: и тот и другой представляли интересы государства, однако теперь это было государство, враждебное Церкви, а не благорасположенное к ней.

В Положении указывается, что Церковь имеет право открывать мастерские и маленькие фабрики для производства свечей и других предметов церковного обихода, что означает фактическое признание Церкви юридическим лицом. Церковь получила также типографское оборудование для издания религиозной литературы. Митрополит Никодим с раздражением говорил автору этих строк о том, что Церковь проворонила это типографское оборудование. Во всяком случае, с 1959 г. Церковь была вынуждена обращаться к услугам государственных типографий, к Церкви явно не благорасположенных.

Как уже было сказано, Положение 1945 г. явно противоречило советскому законодательству о религии и Церкви, действовавшему с 1918 по 1939 гг. То, что И.В. Сталин и его преемники согласились на это положение, порождало надежды, что законодательство о религии будет в ближайшем будущем пересмотрено и что новое положение Церкви будет признано и де-юре. Но этого не произошло, и Церковь в советский период так и не была признана юридическим лицом. Таким образом, строго говоря, все новые права, дарованные Церкви в 1943–1945 гг., могли быть в любую минуту отобраны.

Во время войны Церковь организовывала сборы добровольных пожертвований не только на военные нужды, но и на инвалидов и сирот войны. Эта деятельность развернулась особенно широко при патриархе Алексии, после 1944 г. Несмотря на то, что такая деятельность была запрещена законодательством 1929 г., Сталин лично поблагодарил Церковь за ее труды. В Положении 1945 г. этот прецедент был использован для расширения имущественных прав Церкви. В 41-й статье Положения указано, что исполнительный орган приходской общины может «вносить потребные суммы на содержание епархиального архиерея и его управления, а также на общецерковные нужды: на патриаршее управление и на содержание духовных учебных учреждений при патриархии». Было узаконено также и отчисление приходских средств на «патриотические нужды»; патриархия, епархии и приходы получили разрешение помещать церковные средства «на хранение в банк или сберкассу», что раньше было запрещено. (Очевидно, вначале термин «патриотические нужды» охватывал всякую благотворительную церковную деятельность, впоследствии под предлогом «патриотических нужд» власти самовольно снимали с церковных банковских счетов огромные суммы денег в так называемые Фонды Мира.)

Церковь так и не получила права собственности на церковное здание, которое все еще должно было арендоваться у государства двадцатками; здание это сдавалось бесплатно, но облагалось максимальным налогом. Тем не менее банковский счет открывался не на имя двадцатки, а на имя прихода и все чеки подписывались священником и старостой. После 1961 г. священники потеряли это право, и чеки подписывались тремя членами церковного совета и утверждались местными властями. Нередко при возникновении необходимости капитального ремонта церковного здания местные власти отказывались утверждать приходские чеки – специальная комиссия признавала состояние церковного здания опасным, Церковь закрывалась, и священник лишался регистрации, т.е. лишался права заниматься своей деятельностью. По всей вероятности, такие действия основывались на тайных, часто противоречащих официальным законам инструкциях; такого рода инструкции существовали во всех сферах жизни в Советском Союзе.

Как уже было сказано, ни Сергию, ни Алексию не удалось добиться никаких реальных уступок в области религиозного обучения детей. Было оставлено в силе законодательство 1929 г., запрещавшее преподавание вероучения группам детей больше трех человек, причем преподавание в таких группах разрешалось только лицам соответствующей педагогической квалификации, которая определяется местным отделом народного образования. В советских условиях официальное признание священника квалифицированным педагогом было просто немыслимо. Несмотря на заявление Г. Карпова, что родители могут не только сами обучать детей, но и поручать это священнику, к которому дети могут ходить на дом, преподавательская деятельность священника фактически ограничивалась его собственными детьми. В самые «либеральные» 40-е гг. известны отдельные случаи религиозных бесед священников с детьми после богослужения, иногда такие беседы сопровождались показом диапозитивов, иллюстрировавших Ветхозаветные и Новозаветные тексты. Когда священников приглашали на обед, за столом начинались иногда разговоры на религиозные темы, во время которых могли присутствовать и дети. Кроме того, ребенок мог получить ответы на интересовавшие его вопросы на исповеди.

Как только митрополит Алексий вступил в должность местоблюстителя, он послал Сталину телеграмму, в которой обещал продолжать церковную политику Сергия и заверял Сталина в своей любви и преданности. В своей телеграмме от 24 октября 1944 г. Сталин поблагодарил Алексия за его широкую патриотическую деятельность и щедрые церковные пожертвования на сирот войны. Вскоре после своего избрания в патриархи, 10 апреля 1945 г., Алексий был принят Сталиным.

На встрече присутствовал министр иностранных дел В.М. Молотов. Алексия сопровождал митрополит Николай Крутицкий, глава Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви. Предметом разговора были, по-видимому, внешнеполитические вопросы, и от Церкви ожидалась всемерная защита интересов советского государства в международном церковном движении. Именно так можно лучше всего охарактеризовать последовавшие многочисленные речи и пропагандистские выступления представителей Московской патриархии, в особенности самого митрополита Николая.

28 мая патриарх Алексий отправился в паломничество на Святую Землю, несомненно получив на это разрешение, а может быть, и указание самого Сталина во время их недавнего разговора. Впервые в истории русский патриарх ехал паломником на Святую Землю, и цель этой поездки была не только религиозной, но и политической: нужно было продемонстрировать всему некоммунистическому миру, что Русская Церковь свободна, что положение в Советском Союзе изменилось к лучшему и что антикоммунистическая пропаганда является в этом отношении грубым преувеличением.

На обратном пути патриарх остановился в Египте и посетил патриарха Александрийского. Один русский эмигрантский приход в Египте присоединился к Московской патриархии. Из Египта патриарх направился в Бейрут, где посетил патриарха Антиохийского, и к концу июня вернулся в Москву. В течение всей поездки патриарха принимали главы правительств и видные политические и церковные деятели.

Сопровождавший патриарха митрополит Николай, прежде чем вернуться в Москву, поехал в Англию. Там он выступил в Лондонском университете с речью о нацизме как о главном враге человечества, христианства и цивилизации. Архиепископ Йоркский устроил в его честь прием. На этом приеме архиепископ в унисон с тогдашней политикой Московской патриархии обрушился на Ватикан, называя его общим врагом православия и англиканства, и заявил, что в своем вероучении православие и англиканство почти не различаются. Митрополит Николай был принят королем Георгом VI в Букингемском дворце. Он служил и проповедовал в местной Русской Православной Церкви, незадолго перед этим присоедини-вшейся к Московской патриархии.

РАЗДЕЛ 9. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД КОНЦА 50-х – НАЧАЛА 60-х ГОДОВ XX ВЕКА. КАТАКОМБНАЯ ЦЕРКОВЬ

9.1. Политика государства по отношению к Церкви

Поначалу казалось, что смерть Сталина в 1953 г. открыла эру большей свободы и для Церкви. В 1954–1958 гг. «Журнал Московской патриархии» регулярно сообщает о восстановлении и открытии храмов. Но построено было незначительное число церквей. Большая часть церковных зданий продолжала оставаться полностью или частично разрушенными со времен войны. С 1949 г. наблюдается осторожное сокращение количества действующих храмов. Рост их числа, начавшийся в 1955 г., был незначительным и закончился к 1957 г. С 1959 г. начинается массовое закрытие и храмов, и монастырей, и семинарий.

Гонения Хрущева на Церковь не были громом с ясного неба. Уже в 1950 г. начинают появляться статьи, в которых говорится, что религия не отомрет сама по себе в социалистическом обществе, так что следует усиливать антирелигиозную пропаганду. Вскоре стало очевидным, что одной пропаганды мало. В Постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» отмечалось, что и Православная Церковь, и сектанты успешно привлекают молодое поколение к Церкви умелыми проповедями, благотворительностью, обращением к каждому отдельному человеку и религиозной литературой. «В результате активизации деятельности Церкви наблюдается увеличение количества граждан, ...отправляющих религиозные обряды». Постановление призывало Министерство образования, комсомол и профсоюзы усилить антирелигиозную пропаганду. Впрочем, разногласия в самом руководстве после смерти Сталина привели к тому, что спустя 4 месяца после названного постановления (10 ноября 1954 г.) появляется новое Постановление ЦК КПСС («Об ошибках в проведении научно-атеисти-ческой пропаганды среди населения»), осуждающее произвол, наклеивание ярлыков и оскорбление верующих и духовенства в ходе антирелигиозной кампании. Нападки на Церковь поутихли, и период 1955–1957 гг. можно считать самым «либеральным» для верующих после 1947 г., невзирая на тот факт, что в армии было введено атеистическое воспитание, а с 1957 г. начинает издаваться «Ежегодник Музея истории религии и атеизма» объемом свыше 400 страниц. Ноябрьское постановление делало акцент на научности атеистического воспитания (а не на пропаганде), и, вероятно, именно поэтому оно задержало появление журнала, специально посвященного

пропаганде атеизма в массах: журнал «Наука и религия», обещанный еще в 1954 г., начинает печататься только в 1959 г. и к 1978 г. достигает тиража 400 тыс. экз.

Государственная политика не удовлетворяется уже только многократным увеличением числа антирелигиозных лекций, введением специальных обязательных курсов по атеизму в школе и вузах, открытием Института научного атеизма, но расширяется так называемая «индивидуальная работа с верующими». Местные комитеты партии, комсомола, отделения общества «Знание», а также профсоюзы направляют своих членов-атеистов к известным им верующим, в большинстве случаев своим сотрудникам. Те посещают дома верующих, пытаются их переубедить, а в случае неудачи выносят рассмотрение «их дел» на общественный суд, где уже публично осуждают их «религиозную отсталость».

Много усилий потребовалось приложить, чтобы склонить некоторых священников к снятию сана. В бывшем СССР приблизительно двести священников согласились на это и стали авторами брошюр и книг, содержащих нападки на религию, причем некоторые вскоре получили ученые степени в области атеизма и заняли соответствующие высокие посты в этой новой для них отрасли.

Любопытную картину борьбы верующих за Церковь и меняющегося отношения Совета по делам Русской Православной Церкви к этому вопросу дает сравнение сводных отчетов Совета за 1955 г. и за 1960–1962 гг. «За 1955 г. в Совет поступило 616 жалоб» верующих и духовенства на разного вида притеснения на местах, в том числе 137 ходатайств о восстановлении храмов – в большинстве отнятых у общин в последние годы под зерно, клубы и пр., что «на 124 жалобы больше» общего количества жалоб в предыдущем году. Из 137 ходатайств об открытии или восстановлении храмов удовлетворено только 41, т.е. около 30% прошений.

Другая картина наблюдается в 1959 и последующие годы. Тут остановимся только на некоторых деталях. За один год, с 1 января 1960 г. по 1 января 1961 г., общее количество православных храмов в СССР сократилось на 1 392 – с 12 963 до 11 571. Пропорционально больше всего пострадала Беларусь, где число действующих церквей сократилось на 212 – с 944 до 732; количественно – Украина (с 8 207 до 7 462). За весь год не было открыто ни одного храма.

Продолжались гонения на духовенство, разными путями священников лишали сана, препятствовали поступлению молодежи в духовные учебные заведения.

Патриарх Алексий не молчал. Он пытался действовать – ходатайствовал о прекращении гонений. То же самое стремились делать и другие епископы, особенно митрополит Николай Крутицкий (Ярушевич), но безуспешно.

Мудрый и достаточно дипломатичный митрополит Николай, заметив, что сгущаются антирелигиозные тучи и, по-видимому, предвидя новую волну гонений, ставит еще в январе 1958 г. перед Г.Г. Карповым вопрос, почему власти не допускают избрания духовенства в Советы, как это имеет место в других странах «народной демократии». Говорит, что об этом спрашивают и иностранцы, и рисует перспективу выгодности для советского правительства выступлений духовенства с трибуны Верховного Совета в защиту мира, в поддержку советской внешней политики. Г.Г. Карпов удивляется: с чего бы это вдруг? Ведь никогда раньше этот вопрос церковниками не поднимался. А ответ достаточно ясен: властям было бы труднее развернуть кампанию интенсивного гонения против Церкви, когда ее представители находятся в законодательных органах, у всех на виду.

Патриарх несколько лет добивался встречи с Н.С. Хрущевым, чтобы поднять вопрос о гонениях. По всем данным, в том числе и по высказываниям патриарха в 1959–1961 гг., встреча не состоялась. Но вот в отчете Г.Г. Карпова о беседе с патриархом на его даче в Одессе 10 сентября 1958 г. сказано, что патриарх спросил, «можно ли ему ожидать положительного разрешения тех вопросов, которые он оставил на приеме у Н.С. Хрущева в мае с.г.». Речь идет о передаче Церкви типографии, так как ее заказы государственные типографии исполняли с нарушением сроков и нехотя; о переселении жильцов из Троице-Сергиевой лавры, поскольку строительство для них домов на церковные средства затягивается; и об открытии ряда храмов, о которых, по-видимому, патриарх обещал верующим похлопотать, так как, по его словам, это «вопрос самый острый, ставящий его... в неудобное положение». Г.Г. Карпов с ходу отказывает в типографии, но обещает, что церковные заказы будут исполняться пунктуальнее. Переселение мирян обещает начать через полгода. Касательно храмов отвечает очень туманно, что «выбрано 10–12 мест, в отношении которых идет согласование с советскими органами на местах». Из этого ничего не вышло. В документе 1959 г. говорится: «Просьба патриарха Алексия об открытии 13 церквей по СССР отклонена».

Особое волнение вызвало Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастыря», что грозило подрывом экономического состояния храмов, церквей, приходов и свечных заводов в связи с введением больших налогов на продажу свечей. Интересна последовавшая после этого решительная угроза со стороны управляющего делами Московской патриархии пресвитера Колчицкого и

епископа Пимена, будущего патриарха, в Совете по делам Русской Православной Церкви 28 октября 1958 г., что если Совет не примет меры к ограничению налогов на продажу свечей, то, как сказал Колчицкий, «придется информировать иностранцев о положении нашей Церкви». Митрополит Николай Крутицкий прямо говорит о начавшемся походе на Православную Церковь, подкрепляя в беседе с Карповым свои слова примерами: правительственное постановление о налогах на свечное производство, у монастырей отбирают земли, молодых монахов не принимают в монастыри, не прописывают. Митрополит указывает на усиление так называемой научно-атеистической работы, которая является не чем иным, как травлей Церкви и духовенства. Митрополит Николай жалуется, что антирелигиозная пропаганда общества «Знание» искажает статьи в «Журнале Московской патриархии», используя их для грубых выпадов против Церкви, и грозит, что он или закроет «Журнал Московской патриархии», или превратит его в издание чисто информационно-фактическое, исключит из него все богословские материалы и статьи, ибо они используются только для нападок на Церковь.

В 1959 г. Совет по делам Русской Православной Церкви явно переходит в наступление на Церковь, требует слияния епархий. Патриарх добивался встречи с Хрущевым, но последний его не принимал. Высшим духовенством было написано Хрущеву письмо, в котором изложены все проблемы, однако ответа не последовало. Вопрос остается открытым: дошло ли письмо до Н.С. Хрущева?

В начале 1960 г. церковное руководство решает вынести вопрос о гонениях на Церковь на суд общественности. В качестве последних козырей самозащиты Церковь использует аргументы ее значения в истории и культуре России, положительную роль Церкви в годы Второй мировой войны. Уже с 1958 г. появляются статьи в «Журнале Московской патриархии», оперирующие именно этими аргументами – патриотической ролью Церкви на протяжении всей ее истории. 16 февраля 1960 г. в Кремле состоялась конференция советской общественности за разоружение. На этой конференции выступил патриарх Алексий. Свою речь он использовал для вынесения на суд общественности трагического положения Церкви. Патриарх остановился на роли Церкви в установлении государственности и рассказал о нападках и гонениях на Церковь.

Хотя после речи патриарха в «Журнале Московской патриархии» появилось несколько хвалебных статей, наступление на Церковь в 1960–1961 гг. и уход в отставку мужественного и красноречивого Николая, казалось, заставили патриарха Алексия уступить давлению.

Самым трагичным для Церкви стало изменение «Положения об управлении Русской Православной Церкви» на Архиерейском Соборе в

Троице-Сергиевой лавре 18 июля 1961 г. Это совещание с трудом может быть названо Собором, поскольку епископы приехали по телеграммам от патриарха, в которых ничего не говорилось о цели вызова. Епископы прибыли накануне памяти св. Сергия во время всенощного бдения. На следующий день они совершили продолжительную литургию, затем обедали и после этого были препровождены в зал заседаний, все еще не имея представления о повестке дня, включавшей следующие вопросы для обсуждения: 1) расширение состава постоянного Священного Синода введением в него епископа – секретаря патриархата и епископа, ответственного за внешние сношения, в добавление к 6 епископам – членам Синода (3 главных митрополита и 3 епископа, избираемых Синодом на одну сессию); 2) изменения к положению о приходах; 3) вступление Русской Православной Церкви во Всемирный совет церквей; 4) участие Церкви во Всемирном христианском конгрессе за мир (прошедшем в Праге 13–18 июня 1961 г.).

Перемены в статусе и организации приходов лишили приходского священника всякой власти, передав ее приходскому совету. На деле полномочия были предоставлены исполнительному комитету из трех человек: старосты, помощника старосты и казначея, выбираемых приходским советом из числа прихожан. Собрания приходского совета созывались по необходимости с разрешения местного или районного Советов.

Вообще, это было беспокойное для священников время, время процессов, когда к тюремному заключению были приговорены, по крайней мере, два епископа и множество священников по лживым обвинениям в присвоении церковных средств, сокрытии доходов и т.д. В этих условиях многие епископы надеялись, что лишение священников всякой финансовой ответственности оградит их от обвинений хотя бы в финансовых злоупотреблениях; к тому же требование Советов изменить церковные постановления косвенно свидетельствовало, что власти не планировали немедленного уничтожения всей Церкви, как в 30-е гг., предполагалось лишь ее дальнейшее подчинение. Оставалась, таким образом, надежда, что со временем появится возможность улучшить положение.

9.2. Подготовка кадров. Судьбы семинарий и монастырей

Посвящением в 1953 г. Михаила Чуба, первого епископа – выпускника послевоенной богословской академии, начинается совершенно новое поколение епископов, выросших и получивших образование при советской власти, поколение, пришедшее на смену старым кадрам. К

концу 60-х гг. почти все правящие епископы принадлежали к этому поколению. Аналогичный процесс проходил, конечно, в среде приходского духовенства. Московский священник отец Всеволод Шпиллер, реэмигрант, получивший образование в Болгарии, имевший, таким образом, опыт жизни и церковного служения как в некоммунистической стране, так и в Советском Союзе, в своем отчете для внутреннего пользования следующим образом характеризует это поколение «советских» епископов: «В нашей Церкви, возможно, больше людей... пришедших в Церковь через личный опыт той или иной формы «обращения» (чем в любой другой Церкви). У них в детстве... окружение было активно нерелигиозным и часто антирелигиозным... Вдруг они увидели Церковь в ее правде и красоте... и присоединились к ней».

Дальше отец Всеволод Шпиллер замечает, что эти люди понимают Церковь совершенно иначе, чем традиционно верующие. Не употребляя самого этого слова, священник утверждает, что они внутренне настолько смирились с секулярным тоталитаризмом, что просто не могут представить себе терпимое общество, с двумя типами законов: секулярным и церковным. Всеволод Шпиллер ссылается на опыт югославско-русского специалиста по каноническому праву Троицкого, приехавшего читать элементарный курс канонического права в Московской духовной академии: он обнаружил, что его студенты просто не понимают, о чем идет речь. Они не могли представить себе возможным существование независимых учреждений, с их собственными отдельными законодательными системами, в обществе, которое управляется иными законами. Другими словами, тот факт, что Церковь в Советском Союзе не имела статуса юридического лица, казался совершенно нормальным студентам 40-х гг., т.е. тому поколению, которое родилось и выросло при Сталине. Соответственно они не воспринимали и Церковь как общественный институт. Они рассматривали ее в очень узком смысле как «собрание верующих», что полностью исключает юридический контекст.

Судьбы семинарий. Спустя восемь лет после возобновления работы духовных школ в Советском Союзе вопросы богословского воспитания и образования все еще не были решены. Это видно из речи патриарха Алексия при открытии совещания ректоров, инспекторов и наставников академий и семинарий 18 июля 1953 г. В своей речи патриарх говорил, что в связи с тем, что в течение без малого тридцати лет не было в стране богословской науки, она не развивалась, некому было двигать ее вперед, уровень духовных школ и преподавателей оказался весьма низким, большинство преподавателей не имели специального богословского образования и не были по профессии преподавателями или учеными в области богословия. Он призвал не снижать, а повышать уровень

богословского образования, не упускать из виду главной цели – «подготовлять пастырей, дать ученику основные понятия о пастырстве, вооружить его прежде всего тем, что потребуется ему завтра как священнослужителю Православной Церкви, как проповеднику». Он говорил также о беспрецедентной неподготовленности студентов и воспитанников – ведь они поступали из гражданских школ без элементарного понятия о Церкви, поэтому в сжатые сроки, за 4 года, приходилось восполнять то, что в дореволюционное время преподавалось в течение всей учебы в начальной, средней школе и в семинарии. Патриарх Алексий призвал к углубленному изучению творений отцов Церкви и анализу Священного Писания, которое в семинарии проходится поверхностно. Эти предметы можно изучать более интенсивно за счет сокращения изучения расколо- и сектоведения, которые были злободневной проблемой в дореволюционной России, но в некоторой степени, по мнению патриарха, утратили свою остроту в новое время. Несколько иронически звучали его заверения в том, что сейчас, наконец, у Церкви есть полная свобода, которой у нее не было до революции при обер-прокурорстве. Патриарх призвал развивать церковную науку, воспользовавшись новой свободой, которой раньше не было. Конечно, патриарх вынужден был считаться с присутствием на этом совещании Г.Г. Карпова и говорить о «свободе и благополучном состоянии» школ.

Некоторое волнение представителей Совета по делам РПЦ по поводу роста количества слушателей духовных школ замечается с 1955–1956 гг., когда он становится особенно заметным. В отчетах Совета по делам РПЦ указывается, что в 1956 г. число студентов и слушателей духовных школ по сравнению с 1952 г. увеличилось почти вдвое. Заметно растет уровень учебной подготовки молодежи, поступающей в семинарии. Так, в 1956 г. 91% учащихся в семинариях имели полное среднее светское образование. Растет число молодежи. В одном из отчетов говорится, что четыре года назад в семинариях и академиях обучалось в возрасте от 18 до 20 лет только 126 человек, а теперь 311, или 30% всего состава. Все это беспокоит Совет. Указывается на то, что подают прошения в семинарии комсомольцы и люди с высшим образованием, со светскими профессиями или со средними рабочими специальностями. Уже к 1959 г. Совет стремится пресечь попытки увеличить число студентов в семинариях и академиях.

Окончательная расправа с семинариями начинается в 1960 г. Дела о духовных учебных заведениях за 1960 г. переполнены постановлениями руководителей Совета по делам РПЦ о недопущении того или иного кандидата в семинаристы, несмотря на положительное решение семинарского начальства. Предлогом для отказа Совета по делам РПЦ

были разные моменты: отсутствие рекомендации правящего архиерея (как будто это дело Совета, а не академического начальства); моральная неустойчивость, а отсюда сомнение уполномоченного в том, что из кандидата выйдет хороший пастырь. Но что имеется в виду под моральной неустойчивостью? Опять же, разве это дело Совета, епископа и руководства семинарии? Другие причины недопущения в семинарию – это бывшее членство в КПСС или ВЛКСМ. На 1960 г. приходится немало дел священников и выпускников семинарии, посланных на епархии по просьбе местного епархиального архиерея, но не получивших регистрации.

В 1960 г. закрывается Ставропольская духовная семинария. В том же году закрылись Киевская и немного позже Саратовская семинарии. Минская семинария формально действовала, просто после 1959 г. в нее не принимали новых воспитанников, власти не прописывали студентов, не пропускали их в Жировичи, где находилась семинария. Уже в 1962 г. прилагались активные усилия по закрытию семинарии. На выпускном курсе было пять учащихся, переведенных из 3-го в 4-й класс. В 1963 г., осуществив последний выпуск, семинария перестала функционировать.

Монастыри. Особенно пострадали при Н.С. Хрущеве монастыри. Количество монастырей сократилось с 90 в середине 50-х гг. до 18 спустя десятилетие. Процесс ликвидации монастырей начался в 1958 г., когда значительно повысился налог на здания и монастырские угодья, установленный в 1945 г. Теперь монастыри должны были платить ежегодно 40 тыс. руб. (старыми) или 4 тыс. руб. (новыми) за одну сотку земли. Так, Почаевский монастырь должен был выплачивать 400 тыс. руб. (новыми) за свои 10 га пахотной земли. Кроме того, все монастыри, исключая Троице-Сергиеву лавру, находились на территориях, подвергшихся вражеской оккупации, и были открыты с одобрения оккупационных властей, что облегчало их «законное» закрытие.

Постановлением Совета Министров от 16 октября 1961 г. были сокращены земельные участки монастырей, обеспечивавшие их продуктами питания. Поскольку размеры сокращений не были установлены этим документом, последовали административные злоупотребления. Так, у Почаевского монастыря, где в 1961 г. находилось 140 монахов, конфискованы в 1962 г. и поля, и сады. Тем же постановлением монастырю было запрещено нанимать рабочих в мастерские или для сельскохозяйственных работ. Поскольку одновременно местным органам были даны секретные указания отказывать в прописке молодым людям, желающим поступить в монастырь, произвольно выселять, арестовывать или призывать в армию молодых монахов, то легко понять, что оставшиеся, в основном престарелые, монахи попросту не могли себя обеспечить и заплатить драконовские налоги. Упомянутый

документ предписывал также монастырям обязательно заключать арендные соглашения на все постройки, кроме самих храмов. Таким образом, с течением времени местная администрация могла сократить число монастырских зданий или даже конфисковать их. В Почаеве к 1966 г. были конфискованы все здания, кроме монашеских келий: гостиница для паломников была превращена в государственную больницу, другие монастырские строения были переданы различным гражданским учреждениям. Наконец, в связи с уже упоминавшимся запрещением поддерживать беднейшие приходы и монастыри из средств других приходов и епископов монастыри стали полностью зависеть от доброхотных пожертвований богомольцев. Впрочем, и этот последний источник средств был удачно сокращен тем же постановлением 1961 г., запрещавшим организованное «паломничество к святым местам», допуская конфискацию гостиницы и не разрешая ночевать в монастырских церквах. Все эти меры легко превращали монастыри в неплатежеспособные учреждения, которые затем правительство закрывало за неуплату налогов.

Однако в борьбе с национальной святыней – Почаевским монастырем в 60-е гг. власти просчитались. В течение нескольких лет светские паломники и горстка монахов смогли привлечь всеобщее внимание (включая мировую общественность) к судьбе монастыря и к концу 1966 г. добились отмены большинства запрещений и насильственных мер. Монастырь существует и по сей день.

Почему именно монастыри подверглись таким нападкам? Это объясняется тем, что они традиционно являлись национальными центрами духовной жизни и местами массовых паломничеств. В монастырях властям было трудно контролировать и ограничивать контакты с верующими. Люди приходят в монастырь специально для совета и духовного руководства, и множество священников и просто верующих стремились проводить свой отпуск в монастыре или поблизости от него. В условиях, когда полностью отсутствовали средства церковной информации, монастыри были также местом обмена информацией о церковной жизни между паломниками, приезжими священниками и монахами. Все это совершенно не устраивало советскую власть.

9.3. Катакомбная Церковь

Принято считать, что катакомбная Церковь (или те движения внутри Русского православия, которые отказывались иметь литургическое или административное общение с Московским патриархатом из-за его подчинения советской власти) является следствием декларации митрополита Сергия от 1927 г. о лояльности, но это не совсем так.

Катакомбный феномен известен также как Истинно Православная Церковь (ИПЦ) и/или Истинно Православные Христиане (ИПХ). В советской атеистической литературе так и не был решен вопрос, являются ли Истинно Православная Церковь и Истинно Православные Христиане двумя течениями или одним. Наиболее убедительно мнение, что это одно движение, но наименование «Истинно православные христиане» употребляется по отношению к тем общинам, которые не имеют священников. Поскольку же очень редко удавалось заменить арестованного или ликвидированного священника, все большее число катакомбных церквей превращалось в группы мирян Истинно Православных Христиан. Авторы подчеркивают, что догматически и литургически между двумя группами нет различий, как их нет и между «истинными» и легально действующей Православной Церковью. Не следует, однако, примешивать сюда Истинно Православных Христиан Странствующих (ИПХС), которые представляют катакомбную ветвь старообрядцев, во всем параллельную ИПХ. Как показывают конкретные исследования (1959–1961 гг. и 1971–1972 гг.), а также материалы милиции довоенного и послевоенного времени (следственные и судебные), возникновение указанных двух групп и многочисленных связанных с ними сект относится ко времени гораздо более раннему, чем 1927 г.

Одной из ранних «полусект», ставшей позднее ветвью катакомбного православия, была группа «иоаннитов», получившая свое название по имени Иоанна Кронштадтского. При его жизни было засвидетельствовано несколько сот чудотворений после его молитв. «Иоанниты» избрали о. Иоанна объектом своего поклонения еще при его жизни, самовольно превышая почитание святых, принятое в Православной Церкви. Впрочем, они никогда не порывали с Церковью, как и Церковь, которая хотя и порицала их поведение, но не принимала решения о том, являются ли они сектой или экстремистским движением внутри Церкви. Отец Иоанн (умерший в 1908 г.) предсказывал будущее падение монархии и эру Антихриста в России. Так что «иоанниты» не приняли советской власти и не были ей лояльны. Таким образом, они прямо и активно влились в оппозицию митрополиту Сергию после 1927 г.

Религиоведы-марксисты пытались объяснить тот факт, что «истинно православные» сосредоточились в основном в Центрально-Черноземном районе (Воронеж, Тамбов, Курск, Липецк, Мичуринск), социальными и религиозными особенностями этого региона: более высокий, чем в других местах, процент сельского населения (90,5% населения в 1927 г. составляли сельские жители), сильное снижение жизненного уровня и падение урожаев после гражданской войны (обрабатываемые земли сократились па 44% по сравнению с дореволюционным временем); низкий

уровень грамотности (при среднем показателе по стране 39,6% в 1926 г., в Центрально-Черноземном районе – 37,8%); полный провал деятельности обновленцев в этом регионе (так, в 1925 г. на 7 778 тихоновских приходов было всего 259 обновленческих); упорное сопротивление местного населения советской власти, что выливалось в массовые крестьянские восстания 1921–1923 гг. под руководством Антонова, Колесникова и других. Весьма сомнительно, что два последних явления были следствием тех же социально-экономических факторов. Во-первых, гражданская война и наступление Белой армии достигли этого региона в 1919 г. Во-вторых, в этих районах крепостное право было меньше распространено, чем в других районах Европейской России: фактически до конца XVIII в. здесь не было крепостного права и даже в XIX в. большинство крестьян оставались государственными, т.е. более свободными, чем крепостные, по-прежнему пользовавшимися некоторыми формами выборного сельского самоуправления. Так что их сопротивление советской власти может с большим основанием объясняться глубокой традицией свободы и независимости.

Именно здесь родилось религиозно-монархическое движение «федоровцев» в 20-е гг. Речь идет о последователях местного монаха Федора Рыбалкина, предсказывавшего возвращение белых и неизбежное падение советской власти. Согласно официальным источникам, в 1928 г. в Воронежской области это движение было в основном ликвидировано, а его активисты предстали на массовом процессе. Однако «федоровцы» и аналогичные движения сумели распространиться в другие районы, а в 30-е гг. и после войны – прокатились по всей стране. В 30-е гг. подобные движения возникли также на Северном Кавказе, на Кубани и Украине – в районах особой концентрации белых и других антибольшевистских сил во время гражданской войны. Этими движениями поддерживалось убеждение, что царская семья чудом спаслась и со временем вернется к власти. Экстремистские антибольшевистские религиозные движения не ограничивались, однако, периферийными районами. Подобные секты и группы, уже принявшие название «истинно православных», появились предположительно в 20-е годы в Татарской и Мордовской республиках, на Волге и в Брянске, Вологде и других областях. Все они называли советскую власть царством Антихриста и в целом исповедовали эсхатологические воззрения. В 20-е годы – еще до декларации митрополита Сергия – они составляли экстремистское крыло «тихоновской» Церкви, однако находились под предводительством монахов и священников этой Церкви и продолжали оставаться ее членами. И лишь после декларации Сергия они формально порвали с «тихоновской» Церковью. Легализация сергиевского

Синода поставила все указанные движения в нелегальное положение, т.е. толкнула их в катакомбы.

Так началась история Ленинградской автокефалии с митрополитом Иосифом во главе. Временная автокефалия того же толка была и в Ярославской епархии под руководством митрополита Агафангела. Затем подобные автокефалии возникали и существовали некоторое время на Урале, Нижней и Средней Волге, в Горьком, Иваново, Курске, Барнауле, Иркутске и в других епархиях. Все эти самопровозглашенные автокефалии основывались на послании патриарха Тихона от 20 ноября 1920 г.

Очевидно, самой влиятельной антисергиевской автокефалией была так называемая «буевщина», получившая свое название по имени викарного епископа Воронежской епархии Алексия (Буя). Официальные источники указывают, что движение не только распространилось по всему Центрально-Черноземному району, но и перекинулось на Украину, Кубань, Дон и Северный Кавказ. Предположительно духовенство, примыкавшее к этому движению, призывало крестьян бойкотировать колхозы и многих побудило уйти из колхозов. Немало антиколхозных выступлений связывается с «буевской пропагандой».

Противостояние советской системе выражалось даже в том, что ИПХ не позволяли своим детям посещать советские школы или разрешали посещать их до третьего-пятого класса, чтобы получить только минимум грамотности, достаточный для чтения религиозной литературы. Общины ИПХ состояли почти целиком из крестьян, поскольку семьи священников, бывшие в общинах, оставили их и примкнули к официальной Церкви (это относится ко времени легализации Церкви после 1943 г.). Крестьяне ИПХ в основном отказывались вступать в колхозы и соглашались лишь на временные работы.

При всей уязвимости деления советскими религиоведами верующих на такие категории, как фанатики, убежденные верующие, традиционно верующие и колеблющиеся, небезынтересны данные конкретных исследований о том, что общины ИПХ на 80% состояли из женщин, 44% из которых религиоведы причисляли к традиционно верующим и только 30% – к фанатикам; в то время как среди мужчин на первом месте были убежденно верующие – 38% и на втором колеблющиеся – 23%.

РАЗДЕЛ 10. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

10.1. Избрание патриархом Русской Православной Церкви митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена

Русская Православная Церковь приняла самое активное участие в серии Всеправославных совещаний, первое из которых состоялось в сентябре 1961 г. на о. Родос. На них обсуждался перечень тем будущего Всеправославного собора и ряд других вопросов, представлявших интерес для всех поместных Церквей. Была создана Межправославная подготовительная комиссия по созыву собора, куда вошли и полномочные представители Московской патриархии.

Охарактеризованная выше деятельность не только укрепила положение Московской патриархии во вселенском православии, но и помогла ее официальным представителям обрести навыки межцерковного общения, пригодившиеся им при налаживании контактов с католическими и протестантскими теологами. А такие контакты, носившие вначале эпизодический характер, со второй половины 50-х годов стали регулярными.

Начало было положено собеседованием православных и англиканских богословов, состоявшимся в 1956 г. в Москве. Оно открыло целую серию православно-англиканских встреч, проходивших поочередно то в Москве, то в Лондоне. О том, какое значение придавала этим собеседованиям каждая из сторон, свидетельствует факт, что первые две делегации англикан возглавлял архиепископ кентерберийский Михаил Рамсей, а в 1964 г. с ответным визитом в Англии побывал патриарх Алексий.

Ко времени первой православно-англиканской встречи относится и установление контактов Московской патриархии с Национальным советом Церквей Христа в США, приславшим в 1956 г. в Москву большую и представительную делегацию. Повторный визит состоялся в 1962 г. Прошла целая серия собеседований по широкому кругу богословских и церковно-общественных проблем, потребовавших от богословов Русской Православной Церкви принятия нетрадиционных решений.

Московская патриархия расширила связи и активизировала обмен мнениями со старокатоликами. С октября 1959 г. обрели постоянный характер встречи ее богословов с теологами Германской евангелической церкви (ФРГ), в ходе которых обсуждались не только религиозно-церковные, но и социально-этические проблемы. Были установлены стабильные отношения с протестантскими церквами и объединениями Венгрии, Дании, Исландии, Канады, Польши, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и многих других стран, что

стимулировало богословскую деятельность идеологов русского православия, служило практике межконфессиональных дискуссий, обогащало опытом отстаивания своих вероисповедных и социальных позиций.

Московская патриархия ввела своих представителей во все смешанные богословские комиссии, созданные по решению родосских всеправославных совещаний для проведения диалога со следующими неправославными церквами: римско-католической, англиканской, старокатолической, лютеранской и древними восточными (нехалкидонские, монофизитские), к которым относятся армянская, эфиопская, коптская, сирийская и малабарская (Индия).

Чрезвычайно важным шагом в межхристианской деятельности представителей Московской патриархии явилось присоединение Русской Православной Церкви к экуменизму – движению за преодоление нынешнего раскола в христианстве и восстановление единства христианских конфессий и деноминаций. Координирует и направляет это движение Всемирный совет Церквей (ВСЦ), созданный в 1948 г. на панпротестантской основе. Московская патриархия стала членом ВСЦ в конце 1961 г. и сразу же активно включилась во все формы деятельности этого межконфессионального органа, где главную роль играют протестантские Церкви и объединения. Представители патриархии участвуют в работе всех генеральных ассамблей ВСЦ, созываемых раз в шесть-семь лет, в деятельности центрального и исполнительного комитетов Всемирного совета церквей, в проводимых ВСЦ конференциях, семинарах, собеседованиях и т.п.

Экуменическая деятельность явилась для богословско-церковных кругов Московской патриархии своеобразной проверкой их готовности ставить и решать новые для русского православия проблемы. И они эту проверку выдержали, проявив умение отстаивать в экуменических дискуссиях свои подходы к спорным вопросам религиозного и социального характера, влиять на содержание и направленность решений ВСЦ и его подразделений. Экуменическая проблематика заняла прочное место на страницах «Журнала Московской патриархии», «Богословских трудов» и других изданий Русской Православной Церкви.

Наконец, наряду с решением указанных конфессиональных проблем Московская патриархия в лице ее полномочных представителей самого высокого ранга активно включилась в движение сторонников мира, объединившее всех людей доброй воли, как верующих, так и неверующих, совместно противостоящих силам войны и агрессии. Это движение оформилось в апреле 1949 г. на Всемирном конгрессе, проходившем в Париже и положившем начало деятельности Всемирного Совета Мира. Представитель Московской патриархии участвовал в этом конгрессе и был

избран в состав постоянного комитета ВСМ. Русская Православная Церковь была представлена и на всех последующих форумах, проводившихся Всемирным Советом Мира.

Важным событием в жизни Церкви в послехрущевскую эпоху стала смена патриарха: в 1970 г. в возрасте 92 лет умер патриарх Алексий и на Поместном Соборе, проходившем с 30 мая по 2 июня 1971 г., следующим патриархом был избран митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков). Сергей Михайлович Извеков (1910–1990) родился в г. Богородске Московской губернии в семье рабочего. В 1925 г. в московском Сретенском монастыре принял монашеский постриг. В 1932 г. рукоположен в сан иеромонаха. В 1957 г. рукоположен во епископа Балтского и вскоре назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии. С 1960 г. – управляющий делами Московской патриархии в сане архиепископа Тульского. В 1963 г. становится митрополитом Крутицким и Коломенским. В 1971 г. избран Патриархом Московским и всея Руси. Скончался в Москве, погребен в Троице-Сергиевой лавре. Впервые после революции правящий патриарх не назвал своего преемника. В этом смысле избрание Пимена было первым каноническим со времени избрания патриарха Тихона в 1917 г.

Хотя после ухода Н.С. Хрущева прямые преследования Церкви прекратились, тем не менее в последние пять лет жизни патриарха Алексия ни он, ни Синод не прилагали особых усилий, чтобы отвоевать закрытые приходы, семинарии и монастыри. В 1967 г. митрополит Пимен в конфиденциальном разговоре в Совете по делам религий сказал, что престарелый патриарх находится под сильным влиянием своего личного секретаря Даниила Останова – сына бывшего крепостного Симанских (аристократических родителей Алексия), преданного домоправителя будущего патриарха еще со времени его студенчества. Как считал Пимен, Останов вмешивался в управление Церковью, в назначения и т.д. Пимен характеризовал его как грубого, высокомерного и нечистоплотного человека, контролировавшего всех посетителей патриарха и постоянно при нем присутствовавшего, «так что теперь с ним невозможно поговорить наедине».

Ожидалось, что сложившаяся ситуация изменится со смертью патриарха и созывом Собора, который, как полагали, не будет простой формальностью. Подготовительная комиссия получала множество писем и петиций с требованием пересмотра постановлений по Церкви от 1961 г. и повышения авторитета приходских священников. Наиболее известное заявление было подано тогдашним архиепископом Иркутским Вениамином (Новицким), который даже представил полностью переработанный проект постановления об управлении приходами, отличавшийся от навязанного Церкви в 1961 г. по следующим пунктам: 1) «...приходское

духовенство имеет право входить в «двадцатку» и подписывать соглашения. Они могут избираться в приходские советы и его исполнительные комитеты; 2) «исполнительный орган приходской общины отчитывается в своей деятельности перед общим собранием прихода и священником», подразумевается, что священник возглавляет такие собрания; 3) священник отвечает за «духовное руководство прихожан»; 4) «исполнительный орган не вмешивается» в духовную и литургическую деятельность священника и может жаловаться в связи с этим только своему епископу; 5) прием на службу и увольнение исполнительным органом должны быть согласованы с настоятелем.

Отец Глеб Якунин направил в комиссию прошение о восстановлении в сане. Этому письму предшествовало другое, адресованное тогдашнему местоблюстителю Пимену. Пимен же ответил, что поскольку запретил в служении о. Глеба Якунина покойный патриарх, то только патриарх может его и восстановить; поэтому напрасно обращаться к Собору, так как запрещение исходит не от Собора. Пимен напомнил Якунину, что он и его соратник Эшлиман будут восстановлены в сане после покаяния в соответствии с постановлением патриарха от 1966 г. На это Якунин ответил, что ему не в чем каяться, а так как запрещение было не каноническим, а административным, оно и должно быть снято административным путем.

Одно из наиболее противоречивых посланий в адрес комиссии ставило под сомнение богословскую безупречность таких представлений митрополита Никодима, как экуменизм, социальное христианство и апология социализма, которые авторам послания (молодой священник Николай Гайнов и три мирянина: Регельсон, Феликс Карелин и Виктор Капитанчук) представлялись ересью. Послание стало сенсацией и обсуждалось Собором.

В одном отношении Поместный Собор был похож на другие конференции, сессии, съезды в СССР, проходившие формально: на открытых сессиях собора не происходило ничего, кроме единогласного принятия заранее подготовленных решений. Однако было бы ошибкой умалять значение Собора или полагать, что единогласное открытое избрание патриархом единственного кандидата было всего лишь формальностью.

Прежде всего, перед открытием Собора советское правительство попыталось до некоторой степени выявить церковное общественное мнение раньше, чем объявлять о своем выборе епископам. По-видимому, первоначально правительство имело в виду трех кандидатов: митрополита Никодима Ленинградского, Пимена Крутицкого и Иосифа (Чернова) Алма-атинского и Казахстанского. Никодим представлялся слишком противоречивой фигурой для того, чтобы иметь непререкаемый авторитет в церковной среде. По одному надежному свидетельству, он

первоначально был очень серьезным претендентом, но после переговоров (очевидно, с Советом по делам религий) решил отказаться от роли претендента на патриарший престол. Никодим не подозревал, что он тяжело болен, и надеялся достичь большего для Церкви, оставаясь главой отдела внешних сношений, а также занимаясь воспитанием новых кадров высокообразованного духовенства в семинариях и академии своей епархии, предоставив в основном церемониальный пост менее противоречивому Пимену. И в самом деле, рукоположение большинства новых епископов в 60–70-е гг. было совершено Никодимом, причем значительная часть из рукоположенных окончили Ленинградские духовные школы. Семидесятилетний Иосиф отклонил предложение Казахстанского совета по делам религий баллотироваться на пост патриарха на том основании, что он слишком стар и имеет только начальное образование. Этот епископ провел около двадцати лет в советских тюрьмах и лагерях, из них одиннадцать за то, что был правящим епископом в Ростове-на-Дону при оккупантах, хотя с ними у него были постоянные неприятности, поскольку он сохранял верность Московскому митрополиту Сергию и открыто возносил за него молитвы даже тогда, когда тот стал патриархом и осудил всех епископов-коллаборационистов. До последних дней своей жизни Иосиф был исключительно популярен среди верующих и демонстрировал большую независимость в управлении своей громадной епархией, отстраняя недостойных и поддерживая популярных священников. Около двух тысяч московских верующих и духовенства, как говорят, обратились к нему с просьбой согласиться стать кандидатом в патриархи (под страхом ответить на Страшном суде за свой отказ), но все было бесполезно.

Собор, как уже говорилось, проходил в традиционной советской манере показного единодушия по форме и процедуре. Однако, по утверждению участника собора, архиепископа Брюссельского Василия, единогласные решения собора подготовил предшествовавший ему архиерейский собор, на котором все же были и дискуссии, и споры. Там присутствовали только архиереи, решения принимались относительно свободно.

Некоторые епископы (в основном западные, но не только они) настаивали на тайном голосовании, говоря, что только таким образом новоизбранный патриарх получит необходимый авторитет и доверие. Однако большинство русских епископов считали, что в данных обстоятельствах единственной подходящей кандидатурой среди епископов, которым перевалило за 50 лет, был Пимен, а русские люди не примут более молодого патриарха. Открытое голосование, по их мнению, обеспечит большую уверенность людей в единодушии церковного руководства. Такое мнение не соответствовало действительности,

поскольку первоначально большинство епископов (в особенности членов Синода) были настроены против Пимена, среди них бытовало мнение, что он является доверенным лицом Совета по делам религий.

Предметом продолжительной дискуссии на Соборе епископов было постановление 1961 г., возможность и необходимость его изменения. Ведущие епископы, однако, заявили, что, хотя постановление далеко не идеально и некоторые его положения противоречат церковным канонам, оно благодаря «мудрости священников и мирян» не принесло такого зла, которого опасались. Более того, оно находится в согласии с государственными законами о религии 1929 г., так что государство не допустит никаких поправок, расценив последние как действия, «враждебные государству». Василий был удивлен, что епископы (включая Вениамина (Новицкого)), о которых было известно, что они настроены критически к постановлению 1961 г., оставались безучастными во время дебатов. Вениамин позднее доверительно сообщил Василию, что он вместе с другими авторами меморандума о поправках к постановлению 1961 г. были введены в заблуждение подготовительной комиссией, где им заявили, что дебатов по данному вопросу не будет, поскольку постановление соответствует государственному законодательству и не может быть изменено.

Кроме того, на Соборе епископов обсуждались участие Московской патриархии в кампании борьбы за мир и необходимость новых мер против карловацкого раскола. По первому вопросу были высказаны критические замечания относительно «политической окраски» роли патриархии в кампании борьбы за мир. Относительно карловчан митрополит Антоний (Блюм) из Англии с большим воодушевлением призывал к умеренности на Соборе, чем и обусловил важные изменения в окончательных документах Собора сравнительно с первоначальными воинственными нападками митрополита Никодима на карловчан, удержав, таким образом, Собор от планировавшегося осуждения новокарловацкого синода. Собор, как никогда, близко подходил к открытому выражению разногласий. Одним из важнейших решений подготовительного Собора епископов, принятого, как говорят, по инициативе Никодима, было снятие всех когда-либо имевших место отлучений со старообрядцев. Единодушие по данному вопросу на обоих Соборах, без сомнения, было искренним.

Архиепископ Василий подчеркивал, что решение иметь лишь одного официального кандидата в патриархи и проводить открытое голосование было оговорено как исключительно относящееся к данному Собору и никоим образом не создавало ограничительного прецедента для будущих Соборов. Предполагалось, что на тот момент участники Собора не имели

других возможностей, но они надеялись на лучшие времена, когда в Церкви восстановится настоящая соборность.

РПЦ в период руководства Л.И. Брежнева. Первая публикация Положения о Совете по делам религий в 1966 г. и поправок к государственному законодательству о религиозных объединениях в 1975 г. продемонстрировала, что партийное руководство планировало продолжать жесткое давление на Церковь, хотя и предполагалось осуществлять его в более цивилизованных формах. Проявлением такого намерения и была публикация законов взамен секретных инструкций. Положение о Совете превращало этот орган из органа связи между Церковью и государством, как это предположительно формулировалось Сталиным, в орган контроля над Московской патриархией, что становится ясно из следующих извлечений из статей:

«3. Совет по делам религий…

б) осуществляет контроль за соблюдением законодательства о культах религиозными организациями и служителями культов..;

е) проверяет правильность применения центральными и местными организациями, а также должностными лицами законодательства о культах..;

4. Совет по делам религий имеет право:

а) принимать решения... о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов;

б) проверять деятельность религиозных организаций в части соблюдения ими советского законодательства о культах и давать обязательные предписания об устранении его нарушений».

Для Церкви, без сомнения, было важно получить наконец официальные прерогативы, функции и обязанности Совета. Однако поправки и дополнения к законодательству о религиозных организациях 1962–1975 гг. передавали многие функции контроля над религиозными структурами из местных Советов в Совет по делам религий, что очень осложнило верующим борьбу за свои права. Прежде всего, если Советы лишали регистрации и закрывали религиозную общину, последняя могла обращаться за помощью в иной орган СДРПЦ (с 1965 г. – Совет по делам религий (далее –СДР)), орган – посредник между Церковью и государством, который, по крайней мере формально, занимал нейтральную позицию. Теперь же приходилось обращаться именно к тому учреждению, которое преследовало и подавляло.

Когда в 1975 г. стали известны поправки к законодательству о религиозных организациях, приравнявшие законы к прерогативам СДР, выявился их негативный аспект: процедура открытия нового молитвенного дома стала гораздо сложнее в силу бюрократических проволочек. Ранее

религиозная организация должна была обращаться в местный Совет, где в течение одного месяца давали или разрешение, или письменный отказ (ст. 7). Отныне же религиозная организация не могла даже начать хлопотать перед местным Советом, пока не получит разрешение на регистрацию из Совета по делам религий (ст. 4). Новая статья 7 не ограничивала местный Совет временем для ответа, причем в его полномочия не входило принятие окончательного решения. Местный Совет должен был направить прошение в вышестоящие государственные органы, которые, в свою очередь, в течение месяца «дают свои рекомендации СДР». Окончательное решение остается за СДР, который опять-таки не ограничен никаким сроком. Формально ст. 37 и 44 предоставляли религиозным организациям право на обжалование решения. Такое право не предусмотрено в законодательстве 1975 г. Теперь только СДР имеет право закрыть церковь, в этот же орган религиозная организация может обращаться с жалобой. Неизменным осталось право государства удалять отдельных лиц из исполнительного органа религиозной организации, остались прежними ограничения церковной деятельности. В новых указаниях запрещался даже сбор добровольных пожертвований на церковь среди прихожан вне церковных стен, а также предписывалось получать «специальное разрешение районных или городских Советов для проведения службы вне церкви и... в домах верующих».

Некоторые позитивные сдвиги в законодательстве ограничивались тем, что Церковь до некоторой степени приближалась к положению юридического лица, а также отменялись правила выбора делегатов на религиозные съезды. Как указывает Вальтер Саватский, специалист по религиозному законодательству коммунистических стран, «процедура избрания делегатов отныне определяется каноническими правилами религиозных организаций, хотя закон и предусматривает, что участники должны быть людьми доброй воли». Что же касается эволюции в приобретении прав юридического лица, то новые статьи 3 и 20 опускали фразу о том, что религиозные организации не имеют статуса юридического лица, причем специально оговаривалось, что они имеют право приобретать церковные сосуды, предметы культа, средства транспорта; арендовать, строить и покупать здания для своих нужд в соответствии с установленной законной процедурой. Этим изменениям предшествовало письмо 1945 г. тогдашнего главы СДРПЦ патриарху Алексию (упомянуто в гл. 7), предоставлявшее религиозным организациям некоторые права на приобретение собственности, которые теперь в пересмотренной ст. 3 подтверждались, распространяясь в том числе и на приходы. Парадокс состоял в том, что Церковь и отдельные приходы получали право владеть домами, кроме церковных зданий (сами церковные здания оставались

собственностью государства, предоставляемой в пользование религиозным организациям). Логика этого ограничения совершенно ясна: предотвратить широкомасштабное открытие церквей и сохранить за государством право закрывать и конфисковывать церкви в любое время.

Существовали «особенности» и при рукоположении епископов. После того как епископ был рукоположен и назначен в епархию, он по совету патриарха наносил первый визит на месте уполномоченному СДР и делал ему ценные подарки. Вся его будущая деятельность и возможность послужить Церкви зависели почти исключительно от отношений с уполномоченным – от того, сможет ли он деликатно, осторожно, при этом щедро подкупить его. При хороших отношениях епархия будет процветать, откроются новые приходы, могут быть назначены хорошие священники, причем уполномоченный будет докладывать наверх прямо противоположное: что церкви закрываются, атеистическая работа проводится успешно, епископ сотрудничает и не противится деятельности Совета и атеистов. Соответственно отрицательные характеристики епископов не всегда означают, что данный епископ – ярый защитник Церкви (хотя обычно в этом есть зерно правды), они могут просто отражать конфликт уполномоченного с епископом, отказ последнего вознаграждать и благодарить уполномоченного.

Некоторые изменения затронули и подготовку будущих священнослужителей и церковнослужителей. В Ленинграде в 1977 г. во дворе семинарии-академии Церкви были возвращены два здания для студенческого общежития. Таким образом, все здание семинарии-академии могло использоваться исключительно под классы. Это позволило удвоить прием, а также открыть курсы регентов и чтецов при академии. Эти трехлетние курсы, которые посещали в основном девушки, разрослись с 16 человек в 1978 г. до более 70 – в 1981 г. Кроме того, архиепископ Кирилл, ректор Ленинградских духовных школ, получил наконец разрешение занять все громадное здание семинарии-академии при условии, что за счет Церкви где-то в другом месте Ленинграда будет построено здание для студентов светского вуза, занимавшего половину семинарского здания. Эта постройка, требовавшая 3 млн. руб., позволила бы ленинградским богословским школам удвоить количество учащихся. На самом деле учреждение, занимавшее почти половину здания, съехало в новое помещение лишь в 1988 г., после чего ленинградские духовные школы смогли расширить свою площадь.

В период руководства Л.И. Брежнева происходило насильственное закрытие церквей. Однако за исключением взрыва церкви Святой Троицы в Ленинграде 15 ноября 1966 г. и двух церквей в окрестностях Минска

остальные известные случаи закрытия и разрушения церквей имели место в маленьких, провинциальных городках и сельских районах.

В церковной и внецерковной работе церквей было много запретов. Несмотря на все запрещения, церкви продолжали проводить специальные службы для школьников в начале учебного года. Совет был обеспокоен также и тем, что в беднейших приходах члены церковного комитета, чтец, хор, уборщицы и другие подсобные приходские рабочие трудились бесплатно. Очевидно, что для Совета предпочтительнее было бы представлять всякий труд в церкви как вызванный материальной заинтересованностью. Постоянным объектом внимания Совета и частой причиной государственных преследований оставались нерегистрируемые крещения, венчания, соборования и другие требы, включая совершаемые в домах верующих. Далеко не всегда, хотя и часто, эти частные требы и даже литургия тайно совершались в домах священниками, лишенными регистрации. Впрочем, и в отчетах о подобных случаях также отмечается непоследовательность. Например, говорится, что такой-то священник был лишен регистрации за «лень и пьянство». Однако за первый год после отставки он совершил 97 тайных крещений в той же самой деревне. Несомненно, что, будь он наказан за упомянутые пороки, он бы не пользовался такой большой популярностью и доверием своих бывших прихожан, что составляет обязательное условие нелегального священнодействия. В заключение один из отчетов Совета предостерегает против самодовольства, против того, чтобы считать «православие прирученным и пребывающим безобидным». В отчете приводятся пространные выдержки из речи патриарха Алексия в защиту Церкви в 1960 г.; она названа «воинственной речью, которую используют западные пропагандисты и наиболее фанатичные и активные круги внутри страны».

Много проблем было вокруг «Журнала Московской патриархии». Хотя общий тираж журнала составлял в 1970 г. всего лишь 15 тыс. экз., в отчете Совета указывается, что сам журнал и его статьи оказывают опасное религиозное влияние на население.

Церковь на международной арене. Ни после смещения Н.С. Хрущева, ни после смерти патриарха Алексия и митрополита Никодима деятельность Московской патриархии в контексте советской внешней политики не изменилась.

Прошедшая в июле 1969 г. в Загорске Всемирная религиозная конференция была отмечена бесчисленными политическими речами – панегириками советской политике мира и осуждением интервенции США во Вьетнаме. Примечательно полное отсутствие на конференции не то что богословских, но мало-мальски религиозных предметов обсуждения, хотя здесь и присутствовали представители разных конфессий СССР и еще 44

стран мира. Впрочем, последние не получили права голоса в ходе обсуждения и принятия политической резолюции конференции.

Вскоре после избрания на патриарший престол патриарх Пимен предпринимает несколько зарубежных поездок. Особенно важной была его поездка в мае 1972 г. на Святую Землю, где он встретился с министром по делам религий Израиля; причем тогда впервые со времени египетско-израильской войны 1967 г. советский авиалайнер приземлился в Израиле. Здесь патриарха встретили массовыми демонстрациями недавних эмигрантов из СССР, упрекавших его за сокрытие правды о религиозных преследованиях на родине, а также за поддержку официальной советской политики.

В октябре того же года патриарх нанес визиты в Грецию, Румынию и Югославию. В октябре 1977 г. он посетил Вселенского патриарха в Константинополе, с которым на тот момент отношения были несколько напряженными, поскольку Московская патриархия даровала автокефалию Православной Церкви в Америке, законность которой Константинополь не признавал. Однако, возвращаясь к визиту в Грецию, отметим, что патриарх был принят Г. Пападопулосом, премьер-министром хунты, несмотря на то что ранее Московская патриархия в письмах греческому Синоду осудила хунту.

На пресс-конференции в Афинах патриарха попросили прокомментировать «Великопостное письмо» Александра Солженицына. Солженицын в своем послании описал печальное и угнетенное положение религии в СССР и укорил патриарха, который в предыдущем Рождественском послании русским за границей призывал их заботиться о патриотическом и религиозном воспитании детей, в то время как у себя дома, в СССР, он никогда не замечал проблемы детей, лишенных подобного воспитания. Митрополит Ювеналий, недавно назначенный главой Отдела внешних церковных сношений на место слабевшего Никодима (оба иерарха сопровождали патриарха), признал, что такое письмо было получено, но оно содержит много неточностей, отражающих «слабое знание Солженицыным духовной жизни Русской церкви».

Один видный священнослужитель позднее развил эту мысль в частной беседе. Он согласился с мнением Ювеналия: поскольку Церковь не признавалась законным институтом, упрек Солженицына был бессмысленным – патриарх не имел права изменить что бы то ни было, поскольку законными были только «двадцатки». Так что Солженицыну следовало направить свое письмо или советскому правительству, или в оба адреса, или каждой отдельной «двадцатке».

Но на упомянутой афинской пресс-конференции тон ответов Ювеналия был заметно сдержанным, а не враждебным. Возможно, это был один из первых признаков перемены в отношении Московской патриархии

к своим диссидентам («своим» – в том смысле, что они были активными членами той же Церкви; нелишне заметить, что в глубине души многие русские священнослужители, без сомнения, восхищались действиями тех людей, кто героически противостоял в одиночку и совершенно безоружными всей мощи политической государственной машины, защищая гражданские и религиозные права личности). Более того, поток предоставленных диссидентами документов, достигнув Запада, засвидетельствовал слишком широкие масштабы преследований Церкви, которые уже было невозможно отрицать, хотя Никодим однажды ответил в связи с этим православному священнику в Америке так: «Давайте договоримся по этому вопросу. Вы публикуйте на Западе эти материалы, а мы их будем опровергать».

Во внутриправославных отношениях Московская патриархия продолжала демонстрировать заботу и желание решить проблемы православной диаспоры (хотя вопреки соглашению 1970 г. о предоставлении автокефалии Православной Церкви в Америке она препятствовала возвращению ей некоторых североамериканских приходов). В связи с подготовкой Всеправославного Собора каждой автокефальной православной церкви было предложено представить проект тем для обсуждения на соборе. Только Московская и Антиохийская патриархии предложили динамичное и экуменическое решение православной проблемы: вместо неканонической массы параллельных епархий, связанных со своими национальными церквами, что широко распространено в наши дни в обеих Америках, Западной Европе и Австралии, в районах, где концентрируются и расселяются православные разных национальностей, должны быть созданы новые территориальные автокефальные Церкви. Русская Церковь предложила, чтобы Греческая Церковь предоставила автокефальность своим американским архиепископатам, после чего новые автокефальные греческие архиепископаты и Православная Церковь в Америке сольются, образовав патриархию обеих Америк. Греческие Александрийская и Константинопольская патриархии продолжали декларировать право Константинополя на юрисдикцию над всеми Православными Церквами, находящимися за пределами установленных границ территориальной юрисдикции других поместных Церквей, в то время как Румынская патриархия оказывала предпочтение сохранению неканонического порядка, т.е. национальные Церкви, созданные первоначально эмигрантами, навсегда сохраняли свою подчиненность национальным Церквам, из которых они произошли, что ведет к национализму, а значит, противоречит всеобщности христианства.

10.2. Тысячелетие крещения Руси. Избрание патриарха Алексия II

Политика Ю.В. Андропова по отношению к официальной Церкви была несколько иной. В 1983 г. РПЦ был возвращен Свято-Даниловский монастырь. Решение о его возвращении формально было подписано еще Л.И. Брежневым перед самой смертью, однако страной тогда управлял уже Ю.В. Андропов, и церковные круги в Советском Союзе вполне оправданно приписывают заслугу возвращения монастыря лично Ю.В. Андропову, как и чуть ли не удвоение при нем численности учащихся в духовных школах. Верующие свидетельствуют, что вообще при Ю.В. Андропове отношение к верующим и духовенству стало значительно более уважительным, чем раньше или позднее, при К.У. Черненко. Естественно, Ю.В. Андропов, как бывший глава КГБ, знал подлинную обстановку в стране гораздо лучше, чем его предшественники и преемники на посту генерального секретаря. А требования населения об открытии церквей становились все настойчивее, нередко сопровождаясь угрозой забастовок. Ю.В. Андропов, понимая, что страна и ее хозяйство на грани катастрофы, и руководствуясь тем, что верующие – совестливая и работящая часть населения, и шел на некоторые уступки Церкви, которые, однако, были мизерны. В эти же годы председатель Совета по делам религий Куроедов подчеркивает, что ограничение карьеры или доступа в вузы по религиозным причинам – уголовно наказуемое преступление, равно как и закрытие храмов без согласия верующих; признает, что «в прошлом были такие факты», и осуждает «некоторых ретивых администраторов», которые «и сейчас... ставят вопрос о закрытии молитвенного дома». Что же касается открытия прежде произвольно закрытых храмов, то таковых за 25 месяцев правления Ю.В. Андропова были всего единицы.

Более жестким по отношению к религиям оказался период руководства К.У. Черненко. Была даже попытка властей отменить решение о восстановлении из руин Данилова монастыря. Церковь получила указание не открывать там монастырь; и только после долгих переговоров и обещания, что там будет не монастырь, а всего лишь административный центр Церкви со штабом Отдела внешних церковных сношений, чья деятельность так выгодна советскому правительству, запрет на восстановительные работы был снят. Монастырь восстановили к 1 000-летию Крещения Руси; причем израсходовано было на это около 100 млн. руб. вместо планировавшихся 20. С трудом удалось открыть там все же монастырь с 40 насельниками да еще три храма, воскресную школу (с 1989 г.) и общедоступную библиотеку. Из публикаций в литературе и прессе известно, что при К.У. Черненко было принято четыре антирелигиозных постановления. Очевидно, два постановления появились в виде секретных инструкций, так как в печати удалось обнаружить только два. Особых

различий между политикой Ю.В. Андропова и К.У. Черненко по отношению к религии не замечено. Оба генсека, как и М.С. Горбачев (в апреле 1985 г.), успевают провести по одному пленуму ЦК по идеологии, где принимаются прямые или косвенные антирелигиозные предложения. Согласно постановлению июньского (1983 г.) пленума требуется «активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов.., уделять больше внимания атеистическому воспитанию.., настойчивее внедрять советскую обрядность». Решения этого пленума с его антирелигиозным направлением принимаются на вооружение, отразившись даже на Программе КПСС, принятой на XXVII съезде КПСС уже при М.С. Горбачеве.

Проблемы атеистического воспитания были затронуты на апрельском 1984 г. пленуме по вопросам школьной реформы. Хотя «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», одобренные названным пленумом 10 апреля, прямо атеизм не называют, нижеследующие материалы указывают на жесточайшее идеологическое давление, не оставляющее места для религиозного разномыслия: во главу угла надо поставить формирование гражданина с прочным коммунистическим убеждением; воспитывать молодежь на идеалах марксизма-ленинизма; привлечь к воспитанию лекторов общества «Знание»; внедрять коммунистическую мораль; готовить учащуюся молодежь к вступлению в комсомол; трудовые коллективы призваны постоянно держать в поле зрения воспитание детей, помогать родителям и строго спрашивать с них за изъяны и недоработки в семейном воспитании; разработать меры по усилению ответственности родителей за воспитание детей; шире использовать возможности общества «Знание»; усилить внимание работников народного образования к политической учебе, изучению марксистско-ленинской теории.

Если ссылки на усиление атеистического воспитания в постановлении андроповского июньского пленума по своей расплывчатости звучат как некий штамп, то заклинания апрельского (1984 г.) пленума являются программой только идеологического воспитания семьи, что снова подтверждается постановлением черненковского ЦК о работе комсомола в июле 1984 г. Оно требует от комсомола не только усилить свою роль в воспитательном процессе в школах, но и «закрыть все каналы проникновения... безыдейности... Разработать и осуществить систему мер.., чтобы все формы досуга способствовали выработке... атеистических вкусов». Комсомольцы, согласно постановлению, должны лично организовывать досуг молодежи и руководить им.

Налицо явное признание идеологического кризиса, идеологической утери молодежи. Ю.В. Андропов попытался по-разному подойти к «послушным» и «бунтующим» верующим: первым были сделаны

небольшие уступки, последним – преследование и ужесточение режима в местах заключения. Черненко же безнадежно пытался просто повернуть ход истории вспять.

При Ю.В. Андропове снова заговорили об изменении государственного законодательства о религиях, но обсуждение этого вопроса в печати не обнаружило и намека на какие-либо радикальные улучшения для Церкви. Планировались лишь некоторые косметические исправления, как-то: «замена термина *антирелигиозная пропаганда...* термином *атеистическая пропаганда».* По-прежнему решительно отрицался «буржуазный миф об идеологически нейтральном государстве».

В создавшейся противоречивой обстановке подошла незаметно горбачевская эпоха, и на первых порах не сулила она Церкви никаких радикальных изменений. Правление М.С. Горбачева наступило значительно раньше физической смерти Черненко. Горбачев был в течение всего периода руководства К.У. Черненко вторым секретарем. Следовательно, М.С. Горбачев и несет ответственность за усиление при К.У. Черненко антирелигиозной политики. Не без его одобрения появляется в «Правде» 12 января 1985 г. передовая статья – «Наступательность нашей идеологии», где требуется усилить борьбу против буржуазной пропаганды, против религии, частнособственнических инстинктов и национализма. Затем последовал первый непосредственно горбачевский пленум ЦК в апреле, который не только объявил о предстоящем XXVII съезде КПСС, новой Программе партии, но и призвал к усилению всесторонней идеологической работы. В передовой статье в «Науке и религии» по этому поводу указывается, что постановление последнего пленума и имеющиеся в нем ссылки на июньский (1983 г.) пленум следует понимать однозначно – как требование усиления атеистической борьбы.

Как и следовало ожидать, Программа КПСС, принятая на XXVII съезде партии, составлена была в старом атеистическом ключе. В программе идет речь о распространении «научно-атеистического мировоззрения для преодоления религиозных предрассудков» и о «широком распространении новых советских обрядов и обычаев», т.е. продолжается намеченный уже около двух десятилетий назад курс на превращение атеизма из отрицания Бога в новый культ мифологизации коммунизма – того самого богостроительства М. Горького, А. Луначарского и пр., которое решительно осуждал и даже запрещал В.И. Ленин. Причем в раздел «Атеистическое воспитание» попали в духе 20–30-х гг. и борьба с хищениями, взяточничеством, пьянством. Программа снова относит религию к области патологических отклонений. Лично Горбачев, правда, избегает впоследствии делать прямые выпады против веры, за исключением одного

его выступления в Ташкенте в ноябре 1986 г., когда он призвал улучшить идеологическую борьбу против религии и усилить атеистическую пропаганду. Но, возможно, это было вызвано его опасением роста мусульманского национализма и относилось к специфическим местным условиям. Более показательно то, что он воздержался от антирелигиозных выпадов на совещании глав кафедр общественных наук в конце сентября – начале октября, где Егор Лигачев, тогда второй секретарь ЦК, резко критиковал российскую творческую интеллигенцию за «заигрывание с боженькой», за «выступления в пользу терпимого отношения к религиозным идеалам, в пользу возвращения к религиозной этике».

Это была последняя запущенная сверху антирелигиозная кампания. Свидетельством того, что это была именно кампания, является тот факт, что лигачевскому выступлению предшествовала целая серия статей на тему о необходимости усиления борьбы с религией в газетах, начиная с выступления ветерана Союза воинствующих безбожников доктора философских наук И.А. Крывелева и заканчивая передовыми статьями в «Правде» и «Правде Востока». Газеты жалуются на «кокетничанье с боженькой» интеллигенции и молодежи и на то, что Церковь «спекулирует» на эстетических и этических потребностях людей, которые, якобы ошибочно, считают Церковь источником нравственности. И.А. Крывелев особенно обижается на писателей-деревенщиков, на христианские мотивы в их произведениях, равно как и на богостроительство (в духе Луначарского) главного положительного героя произведения Тенгиза Айтматова «Плаха».

Возмущают И.А. Крывелева и рассказы В. Астафьева под общим названием «Место действия», особенно его рассказ о Грузии с описанием средневекового храма в свинцовых потеках. Свинец был залит между кровлей собора по распоряжению царя Давида, когда наступали монголы. Монголы расположились в соборе и разожгли костры. От жары свинец начал плавиться и течь на головы монголов. Они же решили, что это Бог их наказывает огненным дождем, и в ужасе бежали. По распоряжению царя свинцовые потеки были оставлены как памятник об избавлении от нашествия.

«И думал я, – пишет В. Астафьев, – вот если бы на головы современных осквернителей храмов... богохульников... низвергся вселенский свинцовый дождь – на всех человеконенавистников, на гонителей чистой морали».

В том же году, как известно, произошла чернобыльская катастрофа, которая навела многих на апокалипсические мысли, тем более что по-украински чернобыль – это трава полынь. В связи с полынью есть следующие слова в Апокалипсисе: «…и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей

звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью; и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откровение св. Иоанна Богослова, 8:10–11).

Строки эти стали широко известны – верующие сумели предать их гласности, что послужило неким толчком к обращению многих к Церкви, к бурному росту совершения таинств и обрядов. Наряду с этим Чернобыль нанес сокрушительный удар по господствующей политической системе, продемонстрировавшей свою полную некомпетентность. Взрыв негодования в обществе вкупе с разрешенной Горбачевым гласностью и рост мистических настроений, вызванных катастрофой, – все вместе это нашло отражение в печати. Появляются все более смелые публикации в защиту Церкви, христианской нравственности, звучит осуждение материализма как источника национального нравственного упадка. Такого рода выступления прозвучали уже на съезде Союза писателей. Но непосредственно темы Чернобыля в сопоставлении с Церковью и советским обществом коснулся Юрий Щербак, врач и киевский корреспондент «Литературной газеты». В статье, включавшей, вероятно, первое после Великой Отечественной войны не пропагандистско-политическое интервью с иерархами Православной Церкви – митрополитами Филаретом Киевским и Феодосием Американским, подчеркивалось, что Церковь первой организовала сбор средств в помощь жертвам Чернобыля, а местный священник не покидал своей чернобыльской паствы в отличие от учителей советской школы, которые первыми сбежали, бросив своих учеников на произвол судьбы. Цитируя иерархов, Ю. Щербак говорит, что на протяжении всей своей истории Церковь всегда оставалась со своим народом в трудные времена, и сравнивает Чернобыль в этом контексте с положительной ролью Церкви во время последней войны, вспоминая Сталинград, где во время самых жарких боев в местной, переполненной народом церкви не прекращались моления за народ и его победу.

В 1986 г. КПСС еще идеологически нападала, пыталась одергивать писателей, но уже далеко не так агрессивно-уверенно, как прежде. Например, постановление ЦК «О журнале «Коммунист» критикует творческую интеллигенцию за «безыдейность и мировоззренческую всеядность», требует от журнала решительного классового подхода, идеологической стойкости, верности ленинизму и пр., однако ни словом не упоминает религию или атеизм. Но все говорит уже о каком-то внутреннем переломе, невозможности повернуть назад: и завуалированность партийно-идеологических постановлений, и игнорирование их пишущей братией. На выступления Крывелева откликаются весьма агрессивно Евтушенко и немного позднее Андрей Нуйкин. Если Евтушенко ведет культурологическую защиту Библии и обвиняет Крывелева в культурном нигилизме,

то Нуйкин уже остроумно дискутирует с Крывелевым, уличая его в тайной приверженности к религии. Ведь Астафьев не упоминает атеистов, а проклинает только «осквернителей и богохульников», т.е. хулиганов. Крывелев же поясняет: «...т.е. атеистов». Иными словами, говорит Нуйкин, Крывелев, а не Астафьев считает атеистов богохульниками, хулиганами, осквернителями. Кроме того, Нуйкин приводит цитаты из множества писем читателей, возмущенных тоном и убогой аргументацией Крывелева, доктора философских наук Сурена Калтахчяна, отвечавшего Евтушенко, и вообще писаниями ученых атеистов, которые своими опусами наносят больший вред атеизму, чем любой верующий.

Итак, рубеж 1986–1987 гг. можно считать поворотным моментом в положении религии и верующих в СССР. В условиях явно разрастающегося всестороннего кризиса советского общества, т.е. марксистско-ленинской системы во всех ее проявлениях, М.С. Горбачеву необходима была хоть какая-то поддержка народа, а особенно интеллигенции. Если во времена Н.С. Хрущева интеллигенция в основном была еще так чужда религии, христианства, что можно было «покупать» ее лояльность небольшими подачками относительной художественной свободы, при этом разворачивая жестокие гонения на Церковь, чего интеллигенция тогда даже «не заметила», то в 80–90-х гг. требовались уже гораздо более щедрые и коренные уступки, обязательно включавшие в себя и свободу вероисповедания. Необходимо было и благосклонное отношение Запада. А для приобретения доверия Запада надо было доказать отсутствие агрессивности в своей внешней политике и наличие демократических процессов в политике внутренней, одним из общепризнанных симптомов которых является веротерпимость. И действительно, в 1987 г. атеизм уже не наступает, а, скорее, обороняется. Речь идет, конечно, только о печати. В повседневной практике местные уполномоченные совета по делам религий и местные власти еще долго будут «бороться» с религией, всячески мешая открытию храмов, религиозной активности в общественной жизни, церковной благотворительности, клевеща на верующих и духовенство, иными словами, прибегая к нравственному, а то и физическому террору. Но это уже полуподпольная деятельность, еще раз свидетельствующая об оборонительных позициях, о том, что верующие и атеисты как бы поменялись местами: если раньше вся внецерковная деятельность Церкви проходила как бы в подполье, то теперь из подполья ведется деятельность антицерковная.

В мае 1987 г. в г. Тутцинге состоялась международная конференция в честь предстоящего юбилея – 1 000-летия крещения Руси, организованная Лютеранской академией Баварии. В кулуарах представители Московской патриархии откровенно говорили, что еще неизвестно, как власти позволят

Церкви отметить этот юбилей, и просили предать это событие широкой огласке на Западе, чтобы заставить советское правительство пойти на максимальные уступки в данном вопросе.

Неким прорывом в положении Церкви в СССР следует считать включение М.С. Горбачевым в число членов делегации при поездке в Вашингтон в декабре 1987 г. представителей главных конфессий СССР, среди которых, естественно, самой многочисленной была делегация РПЦ. Пока между Р. Рейганом и М. Горбачевым шли переговоры, в Вашингтонском национальном соборе (Епископальная церковь) происходило совместное моление духовенства СССР и США. В результате было оглашено совместное Послание, подписанное митрополитом Филаретом Минским, тогдашним председателем Отдела внешних церковных сношений, и генеральным секретарем Национального совета Церквей Христа в США Ари Брауэром. Это был первый такой документ, подписанный одним из руководителей РПЦ, где содержалась прямая, хоть и очень осторожная, критика не только правительства другой страны, но и собственной, а также делалась попытка размежевания политики и роли Церкви и государства. В послании утверждалось, что периодические эскалации «напряженности между нашими двумя правительствами» не влияли на добрые христианские отношения между Церквами США и СССР. Вместе с тем правительствам обеих стран адресован серьезный упрек в распространении ужасного оружия, продаже его в страны, где оно несет смерть и горе: «Мы будем молиться о том, чтобы вы, руководители наших стран, услышали вопль боли и смерти.., чтобы вы... прекратили торговлю оружием».

В это же время, в связи с некоторым ослаблением репрессий, освобождением большинства узников совести в СССР, в стране бурно растет самиздат. В отличие от самиздата 60–70-х годов, когда вопросы Церкви и религии занимали незначительное место, в самиздате второй половины 80-х гг. темы религии и Церкви, борьбы за открытие храмов и религиозную свободу становятся центральными. В усиливающей влияние независимой печати подвергается резкой критике пассивность высшего духовенства, публикуются документы, свидетельствующие о беспрекословном подчинении епископата РПЦ Совету по делам религий, выдвигаются требования к духовенству и особенно епископату вести борьбу за Церковь.

Начиная с 1987 г. уже и светская печать все чаще берет на себя защиту прав верующих, разоблачает местные власти, нарушающие эти права. Так, «Огонек» активно поддержал несколько приходов в Краснодарском крае, боровшихся за право построить себе храмы или заменить новыми постройками тесные и прогнившие деревянные молитвенные дома, чему всеми силами сопротивлялись местные власти.

Хотя в большинстве этих сообщений говорится о продолжающихся притеснениях верующих и тех трудностях, которые верующим с помощью сочувствующей общественности и печати приходится преодолевать, чтобы добиться малейших уступок со стороны властей, все же уже в 1987 г. чувствуется постепенный поворот ситуации в пользу верующих.

Немалый вклад в поднятие статуса Церкви в глазах советской общественности сделали такие ученые-христиане, как астрофизик академик Раушенбах, византолог академик Аверинцев. Широкий резонанс имели многочисленные выступления академика Д.С. Лихачева по вопросам нравственности за сохранение и сбережение архитектурно-исторических памятников, т.е. храмов и монастырей. Размышляя о Церкви как об источнике нравственности, Лихачев говорит: «...что можно противопоставить заповеди «Не убий»? А заповеди «Не укради»? Или «Не лжесвидетельствуй»?» А вот об атеистической пропаганде: «Она нередко внушает нашим гражданам враждебное отношение к верующим и Церкви. Вера считается признаком невежества, хотя как раз враждебность к верующим от невежества, от незнания истории Церкви, истории вообще. У нас бытует мнение, что монастыри были рассадниками мракобесия. Но кто же переписывал книги? Кто вводил новые системы хозяйствования, как, скажем, на Соловках?.. Проблемами селекции и генетики именно в монастырях занимались еще в Древней Руси! Ведь было известно до 40 сортов яблок! Я уж не говорю об эстетике... церковного пения, церковного слова, живописи, архитектуры...» Переходя к современности, Д.С. Лихачев ратует за подлинное и полное отделение Церкви от государства, за прекращение вмешательства государства в церковную жизнь и считает, что именно за тем, чтобы не нарушалась свобода Церкви, и должен следить Совет по делам религий, который вместо этого является аппаратом активного ограничения деятельности Церкви. Церковь должна иметь полную свободу издательской и вероучительной деятельности.

Важное значение в жизни РПЦ имел Собор 1988 г. Собору предшествовало предсоборное архиерейское совещание, проходившее с 28 по 31 марта, на котором была принята повестка дня будущего Собора и пред-ставлен на рассмотрение участникам текст проекта нового Устава Русской Православной Церкви.

Хотя Устав и не восстановил во всей полноте соборность, которая была принята собором 1917–1918 гг., но он явился крупным шагом в этом направлении, как и в отношении восстановления канонического положения настоятеля прихода, лишенного всякого права управления приходом правилами, навязанными Церкви советским правительством в 1961 г. В новом Уставе решительно указано, что настоятель является главой приходской общины, созывает «совместно с Приходским советом»

приходские собрания, председательствует на последних и может одновременно состоять председателем церковного совета. Но даже если он таковым не является, «все официальные, исходящие от прихода бумаги подписываются настоятелем и председателем приходского совета». (Это, кстати, – одна из поправок к первоначальному проекту.)

Приближение структуры Церкви по этому Уставу к соборности проявляется в определении сроков периодичности Соборов, как поместных, так и архиерейских, равно как епархиальных съездов (не реже одного раза в год), в то время как по положению об управлении Русской Православной Церкви, действовавшему с 1945 по 1988 гг., они вообще не были обязательными. Соборный принцип сочетания иерархичности с демократичностью можно видеть и в восстановлении этим Уставом прихода как автономной единицы с широким участием в управлении мирян и выборностью снизу. Авторитарность, однако, сохраняется в способе избрания и назначения епископов и священников: первых – Синодом при согласии патриарха, вторых – епархиальным архиереем. Тут формально не оставлено места голосу церковного народа, хотя Устав и предусматривает право жалоб мирян на своего священника, которые в таком случае разбираются приходским собранием под председательством благочинного. Статус патриарха снова приближен к тому статусу, который был выработан на Соборе 1917– 1918 гг.: он всего лишь председатель на сессиях Синода, Собора архиереев и Поместного Собора и всем этим учреждениям подотчетен. У него весьма широкие права замещения кафедр, увещевания архиереев, наблюдения за правильным оформлением епархий, рассмотрения недоразумений между архиереями, если они к нему добровольно обращаются с просьбой об этом. В таком случае решения патриарха для обеих сторон обязательны. Но Поместный Собор имеет право суда над патриархом и отправки его на покой. Самым авторитарным органом является Синод, состоящий из патриарха (председателя), пяти постоянных членов (митрополиты Киевский и всея Украины, Петербургский и Ладожский, Крутицкий и Коломенский; по должности – управляющий делами патриархии и председатель Отдела внешних церковных сношений) и пяти временных – епархиальных архиереев, вызываемых Синодом поочередно на одну сессию, т.е. на полугодие. В системе, выработанной Собором 1917–1918 гг., эта архиерейско-монашеская монополия власти ограничивалась параллельным органом – Высшим церковным советом, в котором между сессиями поместного собора заседали выбранные тайным голосованием, его представители, в том числе миряне и приходские священники.

Интересно, что как в Уставе, так и в Послании Собора боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам РПЦ и в Опре-

делениях Поместного Собора делается упор на учительско-просветительскую деятельность духовенства и верующих мирян, Церкви в целом и каждого прихода в отдельности, что, по действовавшему тогда законодательству, было противозаконно и наказуемо. Но руководство Церкви, по-видимому, после встречи с Горбачевым уже почти не сомневалось, что эти права будут за Церковью закреплены и что новое законодательство обеспечит Церкви право юридического лица (кстати, архиепископ Смоленский Кирилл, знакомивший с этим Уставом Собор, заявил, что соответствующие инстанции просмотрели Устав и не перечили ему). В примечании к Уставу говорится: «Устав составлен в соответствии с ныне действующим законодательством», что, конечно, противоречило действительности вплоть до принятия государством в октябре 1990 г. закона «О свободе вероисповеданий». Поэтому вскоре стали поступать сведения с мест, что в ряде епархий местные уполномоченные чинят препятствия к введению Устава в жизнь приходов и епархий на том основании, что он не имеет юридической силы, находясь в противоречии с действующим государственным законодательством.

Значительными событиями были канонизация девяти святых и обращение Собора «К чадам, не имеющим канонического общения с Матерью-Церковью».

Избрание патриарха Алексия II (23.02.1929–5.12.2008). Патриарх Московский и всея Руси **Алексий II (в миру Алексей Михайлович Ридигер)** родился 23 февраля 1929 г. в столице Эстонии Таллине. Его отец был священником, и Алексей с детства прислуживал в церкви. Учился в русской школе в Таллине, с 1945 г. был церковнослужителем Александро-Невского собора, Симеоновской и Казанской церквях в Таллине.

В 1949 г. окончил Ленинградкую духовную семинарию, рукоположен в диакона, а затем в священника, в 1953 г. после окончания Духовной академии присуждена степень кандидата богословия.

В 1958 г. получил сан протоиерея. Был благочинным Таллинской епархии. 3 марта 1961 г. в Троице-Сергиевой Лавре принял монашеский сан и 3 сентября того же года рукоположен в епископы Таллинские и Эстонские. С 1964 г. был управляющим делами Московской патриархии, членом Священного Синода.

25 февраля 1968 г. Алексий стал митрополитом. В этом качестве он участвовал в комиссиях по проведению празднований в честь восстановления патриаршества, 1 000-летия крещения Руси. 29 июня 1986 г. получил назначение в Ленинградскую и Новгородскую епархию.

Алексий II сыграл большую роль в укреплении позиций Русской Православной Церкви в России, добился роста ее авторитета. Он способствовал сближению светской и церковной культур. При Алексии II прои-

зошло воссоединение РПЦ и зарубежной РПЦ. Он написал и опубликовал большое количество богословских и церковно-исторических трудов.

Его Святейшество удостоен множества наград, титула «Человек-эпоха».

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II скончался 5 декабря 2008 г. и похоронен в Богоявленском соборе города Москвы.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Алексей Михайлович Ридигер) был избран патриархом на Поместном Соборе, проходившем с 7 по 12 ноября 1990 г. В отличие от избрания на безальтернативной основе Сергия, Алексия I и Пимена, тут кандидатами в патриархи были все 75 епархиальных архиереев не моложе 40 лет, с рождения имеющие советское гражданство (Устав 1988 г.). Сначала на однодневном Архиерейском Соборе каждому голосующему в первом туре следовало вычеркнуть все имена в бюллетене, кроме одного-трех, которых он считает достойнейшими. После двух туров остались митрополиты: Алексий – 37 голосов, Владимир Ростовский и Филарет Киевский – по 34 голоса. Поместный Собор, на который прибыло 90 архиереев, 92 клирика, 88 мирян, 39 иноков и инокинь, 8 представителей духовных школ, открылся 7 июня 1990 г. Делегаты могли выдвинуть дополнительно своих кандидатов в патриархи. Делегатами было названо пять имен: митрополит Ювеналий (Поярков) Крутицкий и Коломенский, митрополит Филарет (Вахромеев) Минский и Белорусский, митрополит Питирим (Нечаев) Волоколамский и Юрьевский, митрополит Гедеон Ставропольский и Бакинский и митрополит Антоний (Блюм) Сурожский. Кандидатура последнего была аннулирована, так как митрополит Антоний не являлся гражданином СССР. Но, поскольку ни один из названных митрополитов при тайном голосовании не набрал 50% голосов, кандидатуры Поместного Собора были аннулированы, остались для голосования лишь три выбранных на архиерейском соборе днем раньше. Первый тур тайного голосования отдал 139 голосов митрополиту Алексию, 107 митрополиту Владимиру и 66 митрополиту Филарету Киевскому. Во втором туре из 309 действительных бюллетеней 166 отдано митрополиту Алексию, ставшему 15-м всероссийским патриархом.

Судя по отчету в «Журнале Московской патриархии», наибольшее внимание в выступлениях делегатов после избрания патриарха было уделено обсуждению активной роли Церкви в жизни общества, критике опубликованного в печати проекта закона «О свободе совести и религиозных организациях», вопросу о канонизации новомучеников и осуждению действий украинских раскольников-«автокефалистов» и Карловацкого раскола, начавшего создавать свои приходы в СССР. Наиболее ярким было выступление архиепископа Берлинского и

Германского Германа, который призвал Церковь требовать признания государственным законом права юридического лица не только за отдельными приходами (конгрегационистско-протестактский принцип), а за всей иерархической структурой Церкви, права преподавать основы вероучения в общеобразовательных государственных школах (как факультативный предмет), права «Церкви печалования за неправедно наказанных и обездоленных...». Архиепископ Герман затем потребовал канонизации всех новомучеников, возвращения в собственность Церкви всех ее святынь – храмов и икон из музеев и пр., включения в закон права верующих на празднование религиозных праздников. Другие выступавшие тоже критиковали опубликованный вариант закона, а новоизбранный патриарх в заключение сказал, что «если опубликованный вариант будет принят, то мы сделаем шаг назад» по сравнению с завоеванными Церковью к этому времени правами де-факто. Все это получило отражение в решительном заявлении Поместного Собора РПЦ в связи с публикацией проекта закона «О свободе совести и религиозных организациях». В заявлении говорится, что, несмотря на настоятельные указания Архиерейского Собора (октябрь 1989 г.) и Священного Синода и приглашение представителей Церкви для участия в рабочей группе по подготовке закона, опубликованный проект игнорирует «ряд предложений, на которых настаивали представители Церкви». Далее следовал перечень вопросов, которые обсуждались на Соборе, и обоснование необходимости их внесения.

Другой животрепещущей проблемой, обсуждавшейся на Соборе, были новейшие расколы и конфликты в Церкви. По этим вопросам возник характерный спор между архиепископом Литовским Хризостомом и архиепископом Тернопольским Лазарем о том, можно ли обращаться за поддержкой к государственным законам и властям в случаях межконфессиональных конфликтов. Архиепископ Хризостом, всегда отличавшийся независимостью и вступавший в конфликты с советскими властями по вопросам независимости Церкви, высказался против обращения к властям, Лазарь же не исключал такой возможности. Большинство участников Собора поддержали Лазаря.

Дискуссия по Карловацкому расколу началась с выступления одного из мирян, предлагавшего удовлетворить все требования карловчан: канонизацию всех новомучеников без индивидуального разбора, осуждение декларации митрополита Сергия, отказ от экуменического диалога, после чего якобы наступит общение между обеими церквами. С самой яркой речью по этому вопросу выступил архиепископ Смоленский Кирилл, который отметил, что, в отличие от карловчан, у Московской патриархии к ним претензий нет и патриархия не раз обращалась «к нашим братьям» с предложениями «обсудить все проблемы, но на эти

инициативы не последовало никакого ответа». Архиепископ Кирилл подчеркнул непоследовательность Карловацкого Синода, сначала заявлявшего, что он не намерен создавать параллельные приходы в России, а 16 мая 1990 г. объявившего о решении создавать приходы и епархии на канонической территории Московского патриархата. Обратившись затем к конкретному примеру Царе-Констан-тиновского храма в Суздале и переходу его вместе с настоятелем архимандритом Валентином (Русанцовым) в юрисдикцию так называемой Русской Православной Церкви за границей, Кирилл указал на пагубность этого раскола, переносимого «на нашу многострадальную землю... в момент, когда Церковь стал терзать раскол Украинской Автокефальной Церкви, наступление Унии», и на «недостоинство личности» самого Русанцова, его связи с нецерковными силами и получение через них «церковных наград». «Каждый раскол, – говорил архиепископ Кирилл, – питается нездоровыми силами в Церкви». Принимая таких, как Русанцов, в свои ряды, «приходы Зарубежной Церкви... могут превратиться в сточную канаву, куда пойдут все нездоровые элементы... И если он сегодня оказался там – Бог с ним, пускай за ним десятки таких пойдут».

В заключение Собор канонизировал Иоанна Кронштадтского и принял ряд документов.

Таким образом, после всех гонений Русская Православная Церковь заговорила полным голосом, устами патриарха Алексия II и многих других пастырей и архипастырей сказав правду о своем современном положении и событиях прошлых лет. В это время православных в тюрьмы за веру не бросают, а тех, что сидели, давно выпустили.

Между тем к 1991 г. у Русской Православной Церкви осложнились отношения с Римско-Католической Церковью. Первоначально представители Ватикана в споре РПЦ с униатами даже поддерживали предложения православных. Более того, на нескольких богословских собеседованиях между православными и ведущими католическими богословами, в частности в Фрейзинге 6–15 июня 1990 г., было признано обеими сторонами, что униатство как таковое богословски несостоятельно и не способствует сближению Православия и Католичества. Совещание осудило активный прозелитизм на исторических территориях друг друга, какие-либо переманивания православных католиками и наоборот.

Разница в поведении Ватикана по отношению к РПЦ уже чувствовалась между мартовской и сентябрьской (1990 г.) четырехсторонними встречами по урегулированию положения в Западной Украине. Если в марте ватиканская делегация поддержала позицию Московской патриархии по разделению церквей в Галиции, то в сентябре, когда на предложение РПЦ предоставить хотя бы по одному храму

православным епископам во Львове и Ивано-Франковске (чтобы им было где служить), униаты ответили отказом, делегация Ватикана молчаливо поддержала униатов. В заявлении Священного Синода РПЦ говорится, что такая безучастность Ватикана делает невозможным дальнейший диалог с Римско-Католической Церковью, который гонимыми православными в Галиции воспринимается как предательство их Московской патриархией.

Тем не менее рассматриваемый период отмечен не только расколами и убийствами. Наблюдается ряд положительных сдвигов в положении Церкви в обществе, в позиции независимости Церкви по отношению к правительственным структурам, на путь которой, как мы уже говорили, твердо встал патриарх Алексий II, и в активизации Церкви во всех сферах жизни страны и народа. Сам патриарх подавал пример такой активности: только за первый год своего патриаршества он посетил 15 епархий, при этом совершал богослужения не только в кафедральных соборах, но и в отдаленных и периферийных храмах, встречался с общественностью. С благословения патриарха Алексия II и при полной его поддержке сделаны первые шаги па пути воцерковления общественной жизни. В Москве возродилась Марфо-Мариинская община трудового женского монашества, когда-то созданная великой княгиней Елизаветой Федоровной. При общине открылись трехгодичные курсы православных сестер милосердия. В октябре 1990 г. в Москве состоялся съезд православных братств; но еще до того по инициативе 20 московских церковных братств 28 сентября создан фонд «Христианская благотворительность». Параллельно с этим в Москве возникло Благотворительное Братство во имя Спаса, ставящее своей целью проводить катехизические лекции, занятия с детьми в школах и детских садах, помогать инвалидам и людям, нуждающимся в социальной адаптации, распространять святоотеческую литературу. В Петербурге при Духовной академии открылась первая православная больница – геронтологическая. В Москве при первой городской больнице начал действовать больничный храм, а вся больница взята под шефство Марфо-Мариинской общины. И все это до принятия законов о свободе совести, без которых вся эта деятельность, как и открытие к тому времени уже тысяч воскресных школ по стране, была де-юре незаконной. 25 января 1991 г., в Татьянин день, в Московском университете патриарх Алексий II и ректор МГУ А.А. Логунов открыли Первый учредительный съезд Союза православной молодежи, состоявшийся уже после принятия закона «О свободе совести и религиозных организациях». 7 сентября 1991 г. патриарх Алексий II обратился с письмом к председателю Совета по делам религий СССР Ю.Н. Христораднову с ходатайством отменить дискриминационную статью 27 инструкции Совета 1961 г., требующую регистрации

духовенства у уполномоченных Совета. В октябре эта инструкция была отменена. В декабре 1991 г. патриарх обращается к председателю Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцину с ходатайством включить день Рождества Христова, 7 января, в число национальных праздников России (который и был утвержден 27 декабря 1991 г.). Патриарх также просил объявить нерабочими днями Страстную пятницу, Благовещение и Крещение Господне и не устраивать воскресники в день Воскресения Христова.

Но самым важным событием последних лет было принятие закона «О свободе совести и религиозных организациях». Важно, что после упомянутого протеста Поместного Собора против ужесточения статей проекта закона и последовавшей затем встречи новоизбранного патриарха с М.С. Горбачевым, где первый изложил причины неудовлетворенности проектом и настоял на участии Церкви в его доработке, представители Русской Православной Церкви и всех основных религиозных конфессий страны действительно были допущены к работе над окончательной версией закона в качестве консультантов при соответствующей комиссии Верховного Совета СССР. Окончательная версия закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятая 1 октября 1991 г., была действительно значительно улучшена по сравнению с проектом, хотя и далеко не во всем удовлетворила Церковь. 17 декабря 1992 г. был принят соответствующий закон и в Беларуси – «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». 27 июня 2002 г. Палата представителей Республики Беларусь утвердила закон «О свободе совести и религиозных организациях».

Перечисленные законы впервые в советской истории признают права юридического лица как общественной организации не только за отдельными приходами, но и за всеми центральными организациями, существующими согласно уставу данной конфессии, т.е. в случае РПЦ – за патриархией и епархиальными центрами. Регистрация конфессии государством из разрешительной становится констатационной, ибо «уведомление государственных органов об образовании религиозного общества не является (более) обязательным». Иными словами, религиозное общество может существовать вполне открыто и без регистрации, только в таком случае оно не обладает правами юридического лица. За религиозными организациями признано право обладания недвижимостью и преимущественное право на получение от государства культовых зданий. Впервые четко сформулировано: «Государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций... Религиозные организации не выполняют государственных функций». Но: «Религиозные организации вправе участвовать в общественной жизни и... использовать

средства массовой информации». Отсюда права на благотворительность, работу с молодежью, создание братств и прочих прицерковных организаций, разрешаемых законом, являются уже логическим следствием вышеуказанных прав. Хотя представителям Церкви не удалось добиться утверждения в законе права на воссоздание института военных духовников, в нем все же оговорено, что военное командование не может препятствовать «участию в богослужениях и выполнению религиозных обрядов военнослужащими в их свободное время». Учащиеся духовных учебных заведений уравнены в социальных правах (льготы в отношении военной службы и пр.) с учащимися государственных учебных заведений. В отношении налогов религиозные организации также приравнены ко всем иным общественным организациям с полным освобождением от налогов средств, используемых в благотворительных целях.

10.3. Избрание патриарха Кирилла

После смерти Алексия II патриархом был избран Кирилл. Родился 20 ноября 1946 г. в Ленинграде (ныне – Санкт-Петербург), в семье священника. Дед – Василий Гундяев – по профессии механик-железнодорожник, один из активных борцов с обновленчеством в Нижегородской области. В 1922 г. был арестован, отбывал срок на Соловках; вернувшись из заключения, в середине 50-х годов стал священником. Отец, протоиерей Михаил Васильевич Гундяев, в 30-е годы репрессированный, в 40-е был ведущим инженером одного из военных заводов блокадного Ленинграда, в 1947 г. рукоположен во священника, служил в Ленинградской епархии. Брат, протоиерей Николай Михайлович Гундяев, с 1977 г. настоятель Спасо-Преображенского собора Санкт-Петербурга, профессор СПбДА. Сестра Елена – православный педагог.

В 1961 г. будущий патриарх уехал из родительского дома (семья с 1959 г. жила в г. Красное Село под Ленинградом) и поступил на работу в картографическое бюро Ленинградской комплексной геологической экспедиции. Параллельно учился в вечерней школе, которую окончил в 1964 г.

В 1965–67 гг. по благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) учился в Ленинградской духовной семинарии (ЛДС), а в 1967–69 гг. – в Ленинградской духовной академии (ЛДА), которую окончил с отличием. 1 июня 1970 г. получил степень кандидата богословия за сочинение «Становление и развитие церковной иерархии и учение Православной Церкви о ее благодатном характере».

3 апреля 1969 г. митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым) пострижен в монашество, 7 апреля 1969 г. рукоположен во иеродиакона, 1 июня 1969 г. – во иеромонаха.

После окончания академии был оставлен при ЛДА профессорским стипендиатом, преподавателем догматического богословия и помощником инспектора.

С 30 августа 1970 г. – личный секретарь митрополита Никодима (Ротова), председателя отдела внешних церковных сношений (ОВЦС).

12 сентября 1971 г. возведен в сан архимандрита, затем назначен представителем Московской Патриархии при ВСЦ в Женеве, настоятелем прихода Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1971 г. представлял духовные школы РПЦ на Генеральной ассамблее всемирной православной молодежной организации СИНДЕСМОС (на этой ассамблее духовные школы РПЦ стали членами СИНДЕСМОСа) и избран членом его исполкома.

В 1972 г. сопровождал патриарха Пимена в его поездке по странам Ближнего Востока, а также в Болгарию, Югославию, Грецию и Румынию.

26 декабря 1974 г. назначен ректором ЛДА и семинарии с освобождением от должности представителя МП при ВСЦ.

С 7 июня 1975 г. – председатель епархиального совета Ленинградской епархии.

С декабря 1975 г. – член ЦК и Исполкома ВСЦ. 9 сентября 1976 г. назначен постоянным представителем РПЦ в пленарной комиссии ВСЦ.

3 марта 1976 г. на заседании Священного Синода был определен епископом Выборгским, викарием Ленинградской епархии. Одновременно введен в состав Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений. Хиротонисан 14 марта 1976 г.

9 сентября 1976 г. утвержден постоянным представителем от РПЦ в пленарную комиссию ВСЦ.

С 18 ноября 1976 по 12 октября 1978 гг. – заместитель Патриаршего Экзарха Западной Европы (по рапорту от 4 ноября 1976 г. митрополита Никодима (Ротова), Патриаршего Экзарха Западной Европы, о необходимости в связи с пятым инфарктом назначить ему заместителя – с предложением кандидатуры Кирилла).

21–28 ноября 1976 г. участвовал в Первом Предсоборном Всеправославном совещании в Женеве.

С 22 по 31 января 1977 г. возглавлял делегацию от Ленинградской и Новгородской епархии на юбилее Патриарших общин в Финляндии.

С 19 по 26 июля 1977 г. во главе делегации от духовных школ РПЦ присутствовал на IX Генеральной ассамблее Синдесмоса в Шамбези.

2 сентября 1977 г. возведен в сан архиепископа.

С 12 по 19 октября 1977 г. совместно с патриархом Пименом с официальным визитом находился у патриарха Димитрия I (Константинопольский патриархат). С 23 ноября по 4 декабря 1977 г. во главе делегации

РПЦ посетил Италию. 23–25 декабря 1977 г. с делегацией РПЦ во главе с патриархом Пименом участвовал в интронизации Католикоса-Патриарха всей Грузии Илии II.

22–27 июня 1978 г. присутствовал с делегацией РПЦ на Пятом Всехристианском Мирном Конгрессе в Праге. 6–20 октября 1978 г. Участвовал в переговорах с представителями Римско-Католической Церкви.

12 октября 1978 г. освобожден от должности заместителя Патриаршего Экзарха Западной Европы и назначен управляющим патриаршими приходами в Финляндии (окормлял их до 1984 г.).

С 27 по 29 марта 1979 г. участвовал в Консультации «Ответственность Церквей СССР и США за разоружение».

16 ноября 1979 г. назначен членом Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства.

23 декабря 1980 г. включен в Комиссию по организации празднования 1 000-летия Крещения Руси.

С 26 декабря 1984 г. – архиепископ Смоленский и Вяземский.

В 1990 г. входил в комиссию Священного Синода по подготовке Поместного Собора. 20 марта 1990 г., назначен председателем комиссии Свя-щенного Синода по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности. 8 мая 1990 г., вошел в состав Синодальной Библейской комиссии. 16 июля 1990 г. назначен членом комиссии Священного Синода по содействию усилиям в преодолении последствий аварии на Чернобыльской АЭС. С 27 октября 1990 г. – председатель синодальной комиссии по подготовке изменений в Уставе об управлении РПЦ.

С 20 июля 1990 г. – управляющий патриаршими приходами в Финляндии.

25 февраля 1991 г. возведен в сан митрополита.

В начале 1993 г. с санкции патриарха Алексия II вошел в Международный подготовительный комитет по созыву Всемирного Русского Собора в Москве (с инициативой которого выступил «Всемирный Русский Конгресс» Игоря Кольченко, РАУ-корпорация Алексея Подберезкина, «Роман-газета» Валерия Ганичева, а также журналы «Наш современник» и «Москва»). Став одним из пяти сопредседателей подотовительного комитета, провел 26–28 мая 1993 г. в Свято-Даниловском монастыре I Всемирный Русский Собор.

6 декабря 2008 г. на экстренном заседании Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с кончиной Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II митрополит Кирилл тайным голосованием избран Местоблюстителем Патриаршего Престола.

Сторонник активного вмешательства Церкви в светскую жизнь и в политику, в том числе ее влияния на власть с позиции «Священство выше Царства».

Деятельность Святейшего Кирилла в 2009–2010 гг. в качестве предстоятеля Русской Православной Церкви способствовала укреплению традиций и идеалов православных христиан, добра и справедливости. Его церковная и внецерковная деятельность во многом направлена на восстановление и укрепление нравственных начал славянского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор / О. Ю. Васильева. – М. : Лепта-Пресс, 2004. – 382 с.

2. Горбацкий, А. А. Христианство : курс лекций : в 3 ч. / А. А. Горбацкий. – Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – Ч. 1. – 298 с.

3. Знаменский, П. В. История Русской Церкви / П. В. Знаменский. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000. – 464 с.

4. Кислюк, К. В. Религиоведение / К. В. Кислюк, О. Н. Кучер. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 512 с.

5. Клибанов, А. И. Русское прпвославие: вехи истории / А. И. Клибанов. – М. : Изд-во политической литературы, 1989. – 719 с.

6. Лебедев, А. П. Споры об апостольском символе. История догматов / А. П. Лебедев. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. – 352 с.

7. Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Минск : Изд-во Белорусского экзархата, 2000. – 351 с.

8. Мецгер, Б. М. Новый Завет. Контекст, формирование, содержание / Б. М. Мецгер. – М. : Библейский богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 360 с.

9. Мечковская, Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. – М. : ФАИР, 1998. – 352 с.

10. Никольский, Н. М. История русской Церкви / Н. М. Никольский. – М. : Политиздат, 1985. – 448 с.

11. Поместные Православные Церкви. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – 544 с.

12. Поспеловский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.

13. Православные праздники. – М. : Синтагма, 2007. – 640 с.

14. Хопко, Ф. Основы Православия / Ф. Хопко. – Минск : Полифакт, 1991. – 344 с.

15. Чумакова, Т. Православие / Т. Чумакова. – СПб. : Питер, 2007. – 208 с.

16. Яблоков, И. Н. История религии : в 2 т. / И. Н. Яблоков. – М. : Высшая школа, 2002. – Т. 2. – 639 с.

17. Режим доступа : htpp://www.ortodox.org.ru.

18. Режим доступа : htpp://www.auditorium.ru.

19. Режим доступа : htpp://www.hristianstvo.ru.

20. Режим доступа : htpp://www.inri.ru.

21. Режим доступа : htpp://www.religion.historic.ru.

22. Режим доступа : htpp://www.sedmitza.ru.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ………………………………………………………….. 3
Раздел 1. Формирование и вероучение Православия ………………… 4
1.1. Вероучение Православия ……………………………………… 4
1.2. Православный культ ………………………………………… **7**
Раздел 2. Православие на Руси в XIII–XV веках …………………… 29
2.1. Деятельность Русской Православной Церкви во время монголо-татарского нашествия. Строительство храмов ……………29
2.2. Сергий Радонежский. Подъем церковной жизни ……………….. 38
2.3. Деятельность преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого 45
Раздел 3. Православная Церковь в Московском государстве в XV–XVII веках ………………………………………………………….. 55
3.1. Русская Православная Церковь в XV в., усиление зависимости Русской Церкви от великокняжеской власти при Иване III ………... 55
3.2. Русская Православная Церковь в XVI в. Стоглавый Собор 1551 г., введение патриаршества ……………………………………………… 60
3.3. Русская Православная Церковь в XVIII в. Реформы патриарха Никона и их последствия ……………………………………………... 70
Раздел 4. Литовская митрополия в период второй половины XV–XVI веков ……………………………………………………………… 78
4.1. Деятельность митрополитов Исидора, Ионы и Григория Болгарина ………………………………………………….. 78
4.2. Разделение Русской Православной Церкви на две митрополии …. 81
4.3. Митрополиты Мисаил, Спиридон Сатана, Иона Гленза, Иосиф I Болгаринович, Иосиф II Солтан, Макарий II, Михаил Рогоза и их деятельность …………………………………………………… 83
Раздел 5. Православная Церковь в Российской империи ……………... 89
5.1. Обострение противоречий между «грекофильской» и «латинской» партиями в кругах русского духовенства …………... 89
5.2. Реформы Петра I и деятельнось Феофана Прокоповича ……… 91
5.3. Жизнь Русской Православной Церкви в период второй половины XVIII–XIX веков ………………………………………… 94
Раздел 6. Православная церковная жизнь на белорусских землях под властью Российской империи ……………………………………… 104
6.1. Церковное правление ……………………………………………... 104
6.2. Состояние белорусских православных епархий ………………... 106
Раздел 7. Русская Православная Церковь и общество накануне революции и в первые послереволюционные годы ………………….. 112
7.1. Реформы Церкви накануне революции ………………………… 112
7.2. Церковь и революция ……………………………………………….. 115

7.3. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг. ……………… 118

Раздел 8. Русская Православная Церковь во время Великой Отечественной войны ……………………………………… 121

8.1. Подчинение территорий Западной Беларуси, Западной Украины и Прибалтики Московской патриархии ………………... 121

8.2. Организация церковной жизни в Беларуси после начала Великой Отечественной войны ……………………………….. 131

8.3. Деятельность патриархов Сергия и Алексия …………………… 136

Раздел 9. Русская Православная Церковь в период конца 50-х – начала 60-х годов XX века. Катакомбная Церковь ……………………... 146

9.1. Политика государства по отношению к Церкви ………………... 146

9.2. Подготовка кадров. Судьбы семинарий и монастырей ………… 150

9.3. Катакомбная Церковь ……………………………………………….. 154

Раздел 10. Русская Православная Церковь во второй половине XX – начале XXI веков ……………………………………………………….. 158

10.1. Избрание патриархом Русской Православной Церкви митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена ……………… 158

10.2. Тысячелетие крещения Руси. Избрание патриарха Алексия II …. 169

10.3. Избрание патриарха Кирилла …………………………………... 184

Литература ……………………………………………………………….. 188